

ISSN 2218-5488

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Выпуск 31

31

ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Middle East studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editors A.V. Gladyshev, A.A. Sinitsyn

Based in 2010 year

ISSUE 31

Saratov State University
2025

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева, А.А. Синицына

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 31

Саратовский государственный университет
2025

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Сеницына. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. – Вып. 31. – 196 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки. Основной материал номера посвящен памяти саратовского антиковеда Евгения Владимировича Смыкова (1961-2025).

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.С. Еремин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор С.Ю. Монахов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

IN MEMORIAM...

<i>Синицын А.А.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Маленькая повесть о Большом Человеке. Наш и мой Евгений Смыков	9
<i>Ахиев С.Н.</i> (Саратов, Россия). Е.В. Смыков: коллега, товарищ, друг.....	42
<i>Гладышев А.В.</i> (Саратов, Россия). Человек, которому всегда было жарко.	46
<i>Ланник Л.В.</i> (Москва, Россия). Немного о Смыкове.....	49
<i>Булкин И.Ю.</i> (Саратов, Россия). Про смыковские тапочки.....	53
<i>Расселл Дж.Р.</i> (Нью Йорк, США). Памяти моего русского друга	56
<i>Афанасьев В.Г.</i> (Саратов, Россия). Интеллигент, историк, правдолюб (воспоминания однокурсника).....	58
<i>Зибаев А.В.</i> (Сургут, Россия). Воспоминания о Евгении Владимировиче Смыкове	60
<i>Долгова Т.А.</i> (Саратов, Россия). Таким Евгений Владимирович останется в моей памяти	63
<i>Одинцов Д.С.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Эпоха Смыкова (воспоминания из недавнего прошлого)	66
<i>Мосолкин А.В.</i> (Москва, Россия). Клевер, книги и Аполлон.....	69

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

<i>Russell J.R.</i> (New York, USA). Language of Demons, Language of Men (Part 1)	79
<i>Лантева М.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Иония и Ионийское восстание в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского	102
<i>Растегаева М.Н.</i> (Саратов, Россия). Правление Митридата VIII – последний всплеск боспорского сепаратизма?	107

Малышев А.Б. (Саратов, Россия).

Фрагмент «Повести о Темир-Аксаке» в «Церковных анналах»
Цезаря Барония в контексте католической традиции почитания
икон..... 122

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

Степанов И.Н. (Санкт-Петербург, Россия).

«Abermals ein neues Jahr! Immer noch die alte Not!»: Римские граж-
данские войны в культуре Германии времен Тридцатилетней
войны..... 133

Гончаров В.А. (Воронеж, Россия).

«Очернение» персонажей античной истории в современном ки-
нематографе: Клеопатра и Ганнибал 145

Салий П.Э., Моченцов А.Г. (Саратов, Россия).

История одной подписи 160

БИОГРАФИКА

Макаров С.В. (Саратов, Россия).

Маэстро в газете «Земское обозрение» 174

Sinitsyn A.A. (Saint Petersburg, Russia).

In memory of Eduard Rung, classic and oriental scholar 179

Список аббревиатур и сокращений 194

CONTENTS

IN MEMORIAM

<i>Sinitsyn A.A.</i> (Saint Petersburg, Russia). A small story about a big man. Our and my Evgeny Smykov.....	9
<i>Akhiev S.N.</i> (Saratov, Russia). E.V. Smykov: colleague, comrade, and friend	42
<i>Gladyshev A.V.</i> (Saratov, Russia). A man who was always hot	46
<i>Lannik L.V.</i> (Moscow, Russia). A little bit about Smykov.....	49
<i>Bulkin I.Yu.</i> (Saratov, Russia). About Smykov's shoes	53
<i>Russell J.R.</i> (New York, United States of America). In memory of my Russian friend	56
<i>Afanasyev V.G.</i> (Saratov, Russia). Intelligent, historian, truth-lover (memories of a classmates).....	58
<i>Zibaev A.V.</i> (Surgut, Russia). Memories about Evgeny Vladimirovich Smykov	60
<i>Dolgova T.A.</i> (Saratov, Russia). This is how Evgeny Vladimirovich will remain in my memory	63
<i>Odintsov D.S.</i> (Saint Petersburg, Russia). The Smykov's epoch (memories from the recent past)	66
<i>Mosolkin A.V.</i> (Moscow, Russia). Clover, books, and Apollo	69

THE MEMORY ABOUT CONFLICT OR THE CONFLICTS OF MEMORY

<i>Russell J.R.</i> (New York, United States of America). Language of Demons, Language of Men (Part 1)	79
<i>Lapteva M.Yu.</i> (Saint Petersburg, Russia). Ionia and the Ionian revolt in the «Library of history» of Diodorus Siculus	102
<i>Rastegaeva M.N.</i> (Saratov, Russia). The reign of Mithridates VIII – the last surge of Bosporan separatism?	107

Malyshev A.B. (Saratov, Russia).

A fragment of «The tale of Temir-Aksak» in Caesar Baronius's «Ecclesiastical annals» in the context of the catholic tradition of icon veneration 122

IMAGES OF HISTORICAL EVENTS IN LITERATURE, PAINTING, CINEMA

Stepanov I.N. (Saint Petersburg, Russia).

«Abermals ein neues Jahr! Immer noch die alte Not!»: Roman civil wars in the culture of Germany during the Thirty years' war..... 133

Goncharov V.A. (Voronezh, Russia).

«Blackwashing» of ancient historical figures in modern cinema: Cleopatra and Hannibal 145

Saliy P.E., Mochentsov A.G. (Saratov, Russia).

The story of one signature..... 160

BIOGRAPHY

Makarov S.V. (Saratov, Russia).

The Maestro in «Zemskoe obozrenie» 174

Sinitsyn A.A. (Saint Petersburg, Russia).

In memory of Eduard Rung, classic and oriental scholar 179

The list of abbreviations and reductions 194

IN MEMORIAM

УДК [94(3):378.4(470.44-25)](093.3)+929СМЫКОВ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ. НАШ И МОЙ ЕВГЕНИЙ СМЫКОВ

А.А. СИНИЦЫН¹

РХГА имени Ф.М. Достоевского

e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Аннотация. Представлен очерк жизни и творчества русского антиковеда Евгения Владимировича Смыкова (1961–2025) – историка, исследователя древнеримской истории, литературы и культуры, педагога, переводчика, патриота. Более 35 лет Е.В. Смыков работал на кафедре истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Он служил университету и родной кафедре, России и русской науке об античности. Е.В. Смыков является автором двух книг (в соавторстве с А.В. Короленковым) о римских политиках и полководцах («Сулла», 2007; «Помпей», 2025) и десятков статей на темы древнеримской истории. Автор очерка вспоминает о своем друге, наставнике и коллеге, оппоненте и единомышленнике, старшем товарище и во всех смыслах Большом Человеке, о нашем общем и своем личном Евгении Смыкове.

Ключевые слова: Евгений Смыков, патриот, российское антиковедение, кафедра истории древнего мира, Саратовский государственный университет, история древнего Рима, Сулла, Помпей, Марк Антоний, Митридат, Парфия, память.

THE LITTLE STORY ABOUT THE GREAT MAN. OURS AND MY EVGENY SMYKOV

A.A. Sinitsyn

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Annotation. This article explores the life and work of Russian classical scholar Evgeny Vladimirovich Smykov (1961–2025), the historian, researcher of ancient roman history, literature, and culture, teacher, translator, and patriot. For over 35 years, E.V. Smykov worked in the Department of Ancient History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. He served the University and his department, Russia and Russian classical scholarship. E.V. Smykov is the author of two books (co-authored with A.V. Korolenkov) on Roman

---

¹ Синицын Александр Александрович (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, педагогики и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии имени Ф.М. Достоевского.

politicians and generals (Sulla, 2007; Pompey, 2025) and articles on ancient Roman history. This article reminisces about his friend, mentor, colleague, senior comrade, and, in every sense, a Great Man, Evgeny Smykov.

Key words: Evgeny Smykov, patriot, Russian science of antiquity, The Chair of Ancient History, Saratov State University, history of ancient Rome, Sulla, Pompey, Mark Antony, Mithridates, Parthia, memory.

Для цитирования: Синецын А.А. Маленькая повесть о большом человеке. Наш и мой Евгений Смыков // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синецына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 9-41.

Этот мемориальный очерк — небольшая повесть о друге, наставнике и коллеге, оппоненте и единомышленнике, старшем товарище и во всех смыслах Большом Человеке, о нашем общем и моем личном Евгении Смыкове, который ушел из жизни 8 сентября 2025 г., будучи, по Солоновой градации возраста мужчины, лишь в самом начале своей десятой седмицы.

Евгений Владимирович Смыков родился 8 ноября 1961 г. в городе Бийске Алтайского края. Он всегда с гордостью говорил, что родом из Сибири, оттуда его предки и там его душа. Бывало, Женя хлопал себя ладонью в грудь и восклицал: «Мои корни там — на Алтае!» И, действительно, по складу своему он был настоящий сибиряк: человек широкий, надежный, кондовый, порою бывал, ой, как крут, бывал упертым, горячим, вспылчивым, но отходчивым. Он был чутким и внимательным, всегда мог выслушать, посочувствовать. Историк-антиковед, исследователь древнеримской истории, литературы и культуры, педагог, переводчик, он был ученым и гражданином, он был Большим Человеком во всех смыслах. Он был...

Оба деда Е.С. — герои Великой Отечественной войны. Его дед по отцу погиб в 1943 г. на Волховском фронте, а дед по материнской линии прошел всю войну: был мобилизован в конце июня 1941 г., а домой возвратился только в декабре 1945-го. Отец Е.С., Владимир Иванович Смыков (1937–2022), по профессии строитель, был призван в армию офицером (Военно-строительные части Минсредмаш СССР) и дослужился до звания майора. Мать, Галина Валентиновна, родом из Забайкалья, повсюду следовала за своим мужем. Отца часто переводили по службе, и семья Смыковых поменяла несколько мест жительства: Чита, Краснокаменск, Ангарск, Красноярск-45, Набережные Челны... Как говорил Е.С., за десять лет он сменил девять школ. Не успевал прижиться в

одном коллективе, как семья уже готовилась к новому переезду. А это не так-то легко для мальчишки. Е.С. был начитанным, внимательным, одним словом, способным учеником, и Галина Валентиновна рассказывала мне, как в каждой школе, где он учился, учителя, хотя и относились с пониманием к их армейско-кочевой жизни, но очень сожалели о том, что Женя должен оставить их школу.

Наконец, Смыковы осели в Саратовской области, в военном городке Татищево–5 (ныне поселок Светлый). Здесь в 1979 г. Е.С. окончил среднюю школу. Однако поступить на исторический факультет Саратовского государственного университета (СГУ), как хотелось, ему в тот год не удалось — «срезался» на сочинении. На следующий год Е.С. смог пройти по конкурсу в СГУ только на вечернюю форму обучения. А студентом дневного отделения он стал в 1981 г. — лишь с третьей попытки! За время между непоступлениями в университет и в пору учебы на вечернем отделении истфака Е.С. работал плотником в какой-то строительной организации, где приобрел многие навыки, весьма полезные в быту. Я не раз слышал, как он с гордостью говорил, что тогда-де научился с трех ударов заколачивать гвозди в толстенные половые доски. (А порой, бывало, Женя вздыхал и с грустью прибавлял к воспоминаниям о своей пролетарской юности: «Вот это было время!»)

В университете Е.С. специализировался на кафедре истории древнего мира. Его научным руководителем был Виктор Николаевич Парфёнов — известный саратовский историк-антиковед, специалист по истории Поздней Римской республики и Ранней Римской империи. Большое влияние на студента Смыкова, не только как антиковеда, но как преподавателя и ученого оказали три фигуры истфака СГУ: профессор Владимир Григорьевич Борухович (1920–2007), который в те годы заведовал кафедрой истории древнего мира, доценты Владимир Иванович Кац (1937–2023) и Таисия Павловна Кац (1936–2013). О университетских наставниках Е.С. позже расскажет в своих статьях, посвященных учителям². Его мать, Галина Валентиновна, называла кафедральную чету

---

² Смыков Е.В., Синицын А.А. Так учит Кац. Дело, которому он служит // АМА. 2017. Вып. 18. С. XVII–XXII; Смыков Е.В. Несколько слов о Таисии Павловне Кац // АМА. 2021. Вып. 20. С. 391–398; он же. Незаменимые люди есть! // Монахов 7.0. И не только об этом... Саратов, 2022. С. 22–30. К этому следует добавить подготовленную Е.С. от имени коллектива кафедры истории древнего мира СГУ поздравительную заметку к 60-летию В.Н. Парфёнова: [Смыков Е.В.] К юбилею Виктора Николаевича Парфёнова // АМА. 2011. Вып. 15. С. 428; и его соучастие в общем очерке к 60-летию С.Ю. Монахова: [Габелко О.Л., Синицын А.А., Смыков Е.В. и др.] С.Ю. Монахов в народной традиции // Studia historia. Вып. XII. М., 2012. С. 295–300.

Кацев «вторыми родителями Жени», к тому же имена-отчества его отца, Смыкова-старшего, и «второго отца», Каца, полностью совпадали: оба – Владимиры Ивановичи. Владимира Ивановича Каца Е.С. называл одним из главных своих Учителей, хотя он сам не был ни археологом, ни специалистом по керамической эпиграфике, как В.И. Кац; он имел в виду другое – отношение к преподаванию, к делу, которому ты служишь. С особым уважением Е.С. относился к Т.П. Кац, и в своем очерке о Таисии Павловне он написал: «Это была замечательная школа, и пройти такую школу довелось далеко не каждому»³. Смыков эту школу прошел.

В 1986 г. Е.С. защитил дипломную работу на тему «Восточная политика Марка Антония». Исследование восточной политики Рима в I в. до н.э. он продолжит в последующие годы, и к римскому политику и военачальнику Марку Антонию будет неоднократно возвращаться в дальнейшем (см. ниже).

Получив диплом историка, Е.С. три года отработал по распределению учителем сельской школы в Аткарском районе Саратовской области. Поистине, незабываемые страницы смыковской биографии! Официально это село называлось Озёрное, но в народе его обычно именовали по-старому – Дурасовка. Сколько Женя рассказывал о своем опыте работы в незабвенной дурасовской школе. Все эти истории достойны пера Гоголя, Чехова и Кассиля, Марка Твена и О. Генри! Уж чего только не вытворяли дурасовские шалопаи с молодым дипломированным специалистом. То были три года, которые потрясли саратовского антиковеда! Но о проказах своих «ученичков» Е.С. всегда вспоминал с юмором. Ведь в итоге он подружился с озёрновскими мальчишками и девчонками, знал о том, как в дальнейшем сложились судьбы многих из них.

Год 1989 г. стал поворотным в жизни Е.С. Осенью Женя женился на Марине Павловне Фадеевой, за которой он (по его рассказам) ухаживал более четырех лет. Марина тоже была выпускницей исторического факультета СГУ, специализировалась по кафедре истории древнего мира, со студенческих лет ездила в археологические экспедиции, а после университета почти 40 лет проработала преподавателем истории в средней школе Саратова. У Евгения и Марины родились двое сыновей: в 1990 г. Иван и в 1997 г. Николай, которые в свое время тоже закончили истфак СГУ.

В том же, 1989-ом, году Е.С. был приглашен на кафедру истории

---

³ Смыков Е.В. Несколько слов о Таисии Павловне Кац. С. 395.

древнего мира СГУ и с тех пор был неразрывно связан с *alma mater*. Он работал на кафедре ассистентом, старшим преподавателем, а годы спустя после защиты диссертации — доцентом. Первая его статья была опубликована в 1987 г. в университетском сборнике «Проблемы отечественной и всеобщей истории», она называлась «Парфянский поход Марка Антония (36 г. до н.э.)»⁴, и в ней Е.С. разрабатывал один из сюжетов своей дипломной работы. Следующая его публикация тоже была посвящена герою дипломного сочинения: «Марк Антоний и политика *clementia Caesaris*»; эта работа вышла в 1990 г. в сборнике «Античный мир и археология»⁵, который с 1972 г. издает кафедра истории древнего мира СГУ. С тех пор его статьи по римской тематике публиковались почти во всех выпусках АМА⁶.

С конца 1990-х гг. Е.С. был включен в состав редколлегии кафедрального сборника, некоторое время был ответственным секретарем этого издания (выпуски 10–11). Он дорожил «амой», как и всем, что было связано с делами кафедры. За несколько дней до кончины Е.С. прислал в готовящийся выпуск свою последнюю статью, которую успел подготовить: о происхождении когномена *Magnus* для римского полководца и политика Гнея Помпея⁷, где автор пытается разобраться в хитросплетениях свидетельств античных источников о том, «когда именно и как Помпей стал “Великим”»⁸.

В 1997 г. Е.С. защитил в СГУ кандидатскую диссертацию на тему «Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология»⁹. Его научным руководителем был профессор В.Н. Парфёнов; оппонентами по диссертации выступили профессор Нижегородского государственного университета Евгений Александрович Молев (1947–2021) и доцент Саратовского педагогического института Римма Анатольевна Стручалина (1930–2008).

Научные интересы Е.С. были сосредоточены главным образом на

---

⁴ Смыков Е.В. Парфянский поход Марка Антония (36 г. до н.э.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 111–120.

⁵ Смыков Е.В. Марк Антоний и политика *clementia Caesaris* // АМА. 1990. Вып. 7. С. 56–65.

⁶ Список печатных трудов Е.В. Смыкова опубликован в новом выпуске «Античного мира и археологии»: АМА. 2025. Вып. 22. С. 308–312.

⁷ Смыков Е.В. Гней Помпей и его прозвище, или как становятся «Великим» // АМА. 2025. Вып. 22. С. 83–100.

⁸ Там же. С. 85.

⁹ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дис. ... к.и.н. Саратов, 1996.

истории Рима эпохи Поздней Республики: внешняя и внутренняя политика, диктаторы, триумвиры, гражданские войны, сражения, посольства, договоры и проч. К фигуре Марка Антония Е.С. в своих исследованиях возвращался постоянно на протяжении всей жизни: помимо указанных выше работ, в выпусках сборника «Античный мир и археология» были напечатаны его статьи «Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония)»¹⁰, «А был ли властитель? Размышления над некоторыми аспектами карьеры и политики триумвира М. Антония»¹¹, «Вторая “Филиппика” Цицерона и образ Марка Антония у античных авторов»¹²; в ярославском антиковедческом сборнике по материалам российско-германской научной конференции «Народ и демократия в древности» был опубликован доклад (совместно с С.Н. Ахиевым) на тему «“Контролируемый мятеж”: манипулирование толпой в политике Марка Антония в марте–апреле 44 г. до н.э.»¹³; в 2017–2018 гг. в ставропольском журнале вышли статьи «Марк Антоний в мире эллинистических монархий: государь или магистрат?» и «Парфянская политика Марка Антония: оборона – наступление – безопасность границы»¹⁴; в «Известиях» СГУ – небольшой очерк «Антоний до Клеопатры: некоторые замечания о политической роли М. Антония до 41 г. до н.э.»¹⁵, в ростовском журнале – «После поражения: Марк Антоний, Армения и Мидия Атропатена в 35–33 гг. до н.э.»¹⁶ и другие работы об этом историческом деятеле.

---

¹⁰ *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. 2002. Вып. 11. С. 80–106.

¹¹ *Смыков Е.В.* А был ли властитель? Размышления над некоторыми аспектами карьеры и политики триумвира М. Антония // АМА. 2017. Вып. 18. С. 165–190.

¹² *Смыков Е.В.* Вторая «Филиппика» Цицерона и образ Марка Антония у античных авторов // АМА. 2021. Вып. 20. С. 99–124.

¹³ *Ахиев С.Н., Смыков Е.В.* «Контролируемый мятеж»: манипулирование толпой в политике Марка Антония в марте–апреле 44 г. до н.э. // Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции / В.В. Дементьева (ред.). Ярославль, 2011. С. 200–213.

¹⁴ *Смыков Е.В.* Марк Антоний в мире эллинистических монархий: государь или магистрат? // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 100–106; *Он же.* Парфянская политика Марка Антония: оборона – наступление – безопасность границы // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 99–104.

¹⁵ *Смыков Е.В.* Антоний до Клеопатры: некоторые замечания о политической роли М. Антония до 41 г. до н.э. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 52–55.

¹⁶ *Смыков Е.В.* После поражения: Марк Антоний, Армения и Мидия Атропатена в 35–33 гг. до н.э. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2018. № 1. С. 112–116.

Герои исследований Е.С. — римские политики, полководцы, ораторы: Луций Корнелий Сулла, Гней Помпей Великий, Гай Юлий Цезарь, Марк Туллий Цицерон, Луций Лициний Лукулл, Марк Лициний Красс, Публий Вентидий Басс, Авл Габиний, Квинт Лабий Парфянский и другие. Одним из его героев (причем, не только в научном плане) был и Александр Македонский, но в своих трудах Е.С. рассматривал образ этого исторического деятеля через призму римской политики и литературной критики; назову ряд работ: «Портрет гражданина и портрет властителя: изображения Помпея, *imitatio Alexandri* и римские политические традиции», «Александр Великий и римская политическая идеология», «Образ Александра Великого в произведении Валерия Максима»¹⁷, но в первую очередь, статья по теме доклада, с которым Е.С. выступал в 2007 г. на конференции в Эрмитаже: «*Imitatio Alexandri* в республиканском Риме: исторический факт или историографический миф?» (опубликованная в коллективной монографии об Александре, вышедшей в серии «Труды Государственного Эрмитажа», Т. LXIII)¹⁸.

В сферу научных интересов Е.С. входило варварское окружение Рима: Парфия, Каппадокия, Галатия, Сирия, Боспор, Армения, Мидия, Атропатена, проч. Значительная часть работ Е.С. посвящена истории римско-варварских отношений, проблемам восточной политики Римской республики и участию отдельных римских деятелей в делах Востока: войны и договоры Рима с Парфией — от первой его публикации в 1987 г.¹⁹ и до недавней статьи в АМА о парфянской войне Красса²⁰;

---

¹⁷ Смыков Е.В. Образ Александра Великого в произведении Валерия Максима // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.) / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. С. 145–152; *он же*. Портрет гражданина и портрет властителя: изображения Помпея, *imitatio Alexandri* и римские политические традиции // Исторический Вестник. Т. 26. Эллинизм: личность, власть, общество / О.Л. Габелко (ред.). М., 2018. С. 156–181.

¹⁸ Смыков Е.В. *Imitatio Alexandri* в республиканском Риме: исторический факт или историографический миф? // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре. Материалы конференции 18 апреля 2007 г. / А.А. Трофимова (ред.). СПб., 2012. С. 8–20.

¹⁹ См. выше, примеч. 4.

²⁰ Укажу некоторые работы: Смыков Е.В. Рим и Парфия: первые контакты (К вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 317–332; *он же*. Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне) // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 118–129; *он же*. Парфянские планы Цезаря // Античность в

Митридатовы войны — чему посвящена его кандидатская диссертация, а также тезисы докладов и статья «Последние планы Митридата», опубликованная в томе «Боспорских исследований»²¹, который готовил я вместе с петербургскими коллегами историками-археологами. К проблемам восточной политики Рима Е.С. обращался в работах «Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии»²², «Сирийское наместничество Авла Габиния»²³, «Истоки одного конфликта (Лукулл, Помпей и восточное командование)»²⁴, «Сулла на Востоке: политика и пропаганда “любимца Венеры”»²⁵ и английской статье «Sulla in the East. Venus contra Dionysum», опубликованной в сборнике трудов российских антиковедов «Ruthenia Classica Aetatis Novae», изданном в 2013 г. в Германии (Franz Steiner Verlag)²⁶ и др. В ряде работ Е.С. исследовал характер «римского империализма», включался в дискуссии об империализме в современной историографии²⁷. Для коллективной монографии

современном измерении. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию кружка «Античный понедельник». Казань, 2001. С. 146–148; *он же*. П. Вентидий Басс, победитель парфян // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции 5–6 октября 2006 г. Казань, 2006. С. 379–381; *он же*. Парфия и Рим в 44–40 гг. до н.э.: от ограниченного вмешательства к массивному вторжению // Античный мир и археология. 2010. Вып. 14. С. 138–151; *он же*. Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н.э. // Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. / О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Синицын, Е.В. Смыков (ред.). Казань, 2017. С. 284–298; *он же*. Хотел ли Цезарь завоевать Парфию? // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. Вып. 2. С. 16–23; *он же*. Парфянская война М. Лициния Красса: кампания 53 г. до н.э. // АМА. 2019. Вып. 19. С. 81–101.

²¹ Смыков Е.В. Последние планы Митридата // Боспорские исследования. 2015. Т. XXXI. С. 344–353.

²² Смыков Е.В. Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии // Studia historica. 2007. Вып. VII. С. 93–106.

²³ Смыков Е.В. Сирийское наместничество Авла Габиния // АМА. 2006. Вып. 12. С. 198–213.

²⁴ Смыков Е.В. Истоки одного конфликта (Лукулл, Помпей и восточное командование) // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999. С. 119–127.

²⁵ Смыков Е.В. Сулла на Востоке: политика и пропаганда «любимца Венеры» // АМА. 2011. Вып. 15. С. 62–78.

²⁶ Smykov E. V. Sulla in the East. Venus contra Dionysum // Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History / A. Mehl, O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk (eds.). Stuttgart, 2013. P. 145–158.

²⁷ См., например: Смыков Е.В. Метаморфозы одной теории (К 100-летию выхода книги Т. Франка «Римский империализм») // ПЕНТИКОНТАЕΤΙΑ. Исследования

о Пунических войнах он написал статью о несуществующем полководце Пунической войны²⁸. Е.С. любил проблемные темы и в своих работах рьяно спорил с коллегами.

В хрестоматии по истории эллинизма и Рима, подготовленной в 1990-е гг. кафедрой истории древнего мира СГУ и изданной в «Греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина», Е.С. участвовал как составитель разделов, переводчик и комментатор²⁹. Вместе с В.Н. Парфёновым Е.С. составил раздел по древнему Риму для методического пособия «История древнего мира», которое в конце 1990-х подготовила кафедра истории древнего мира СГУ³⁰. Для хрестоматии по истории международных отношений и дипломатии в древнем мире, которую в начале 2000-х гг. собирали казанские антиковеды, Е.С. составил раздел о Риме и Парфии, опять же, выступив как составитель, переводчик и комментатор древнегреческих и римских источников по теме³¹. В 2019 г. в академическом антиковедческом журнале «Вестник древней истории» был опубликован его перевод речи М. Туллия Цицерона, со вступительной

по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Синицын (ред.). СПб., 2018. С. 347–353.

²⁸ *Смыков Е.В.* Serranus serens: несуществовавший полководец Пунической войны // Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном / О.Л. Габелко, А.В. Короленков (ред.). СПб., 2016. С. 343–352.

²⁹ В этом издании Е.С. перевел и прокомментировал источники: Павел Орозий. Истории против язычников. V.8–10, 12 / Пер. и коммент. Е.В. Смыкова // Хрестоматия по истории древнего мира: Эллинизм. Рим / В.Г. Борухович, С.Ю. Монахов, В.Н. Парфёнов (ред.). М., 1998. С. 234–237; совместно с В.Г. Боруховичем: Цицерон. Одиннадцатая филиппика против М. Антония / Пер. В.Г. Боруховича и Е.В. Смыкова, коммент. Е.В. Смыкова // Там же. С. 280–307. Составление разделов хрестоматии и комментарии к источникам: VII. «Первое Сицилийское восстание рабов» (там же, с. 165–175); VIII. «Реформы братьев Гракхов и начало гражданских войн в Римской республике» (там же, с. 176–237, совместно с Т.П. Кац); IX. «Социальная борьба в Римской республике в 60-х годах до н.э. (Заговор Катилины)» (там же, с. 238–279).

³⁰ [Смыков Е.В., Парфёнов В.Н.] Древний Рим // История древнего мира: Учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета / Сост. Т.П. Кац, В.И. Кащеев, С.Ю. Монахов и др.; под ред. В.Н. Парфёнова. Саратов, 1999. С. 46–70. Раздел IV включает три темы (1. «Аграрный сектор римской экономики (II в. до н.э. – I в. н.э.)»; 2. «Кризис Римской республики»; 3. «Рождение императорского Рима»), материал для первых двух тем составлял Е.С.

³¹ *Смыков Е.В.* Рим и Парфия: от первых контактов до первой войны // Международные отношения и дипломатия в античности / Учебно-методический комплекс. Ч. 2. Хрестоматия. Казань, 2002. С. 193–226.

статьей и комментариями³².

50-летию Е.В. Смыкова был посвящен один из выпусков ежегодника «*Studia historia*», редактором которого является соратник и соавтор Е.С., московский историк-антиковед А.В. Короленков³³. В сборнике был опубликован поздравительный очерк редактора «К юбилею Евгения Владимировича Смыкова»³⁴ и *Tabula Gratulatoria* от друзей, коллег и учеников³⁵. Поздравительную заметку к 50-летию друга от имени друзей и коллег А.В. Короленков опубликовал и в саратовском сборнике³⁶. А спустя годы, Е.С., приняв «алаверды», поместил в АМА очерк, посвященный полувековому юбилею друга³⁷. В 2007 г. в известной научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей» вышла их совместная книга о Сулле³⁸. А летом 2025 г. в той же серии был опубликован еще один их общий труд, посвященный Гн. Помпею Великому³⁹. Смыков и Короленков – это был товарищеский научный тандем, плодотворный, интересный, хотя и парадоксальный во многом. Вместе с московским другом-соавтором Е.С. подготовил несколько статей по историографии мирового сулловедения, которые были напечатаны в «Вестнике древней истории»⁴⁰, и совместную работу о «земном боге» Сулле в коллективной монографии⁴¹.

Е.С. являлся одним из авторов книги для чтения «Мифологии народов мира», которая впервые была издана в Саратове в середине 1990-х гг., а затем неоднократно переиздавалась, в том числе и столичными

---

³² М. Туллий Цицерон. Речь в защиту царя Дейотара / Вступ. статья, пер. и коммент. Е.В. Смыкова // ВДИ. 2019. Т. 79, № 2. С. 487–507.

³³ *Studia historia*. Вып. XI. М., 2011.

³⁴ Там же. С. 3.

³⁵ Там же. С. 4–5.

³⁶ [Короленков А.В.] К юбилею Евгения Владимировича Смыкова // АМА. 2011. Вып. 15. С. 429.

³⁷ Смыков Е.В. Несколько запоздалое поздравление // АМА. 2023. Вып. 21. С. 429–430.

³⁸ Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла. М., 2007.

³⁹ Короленков А.В., Смыков Е.В. Помпей. М., 2025.

⁴⁰ Короленков А.В., Смыков Е.В. Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 2010. № 1. С. 218–229; они же. Сулла и элиты (из новейшей литературы) // ВДИ. 2011. № 2. С. 194–203; они же. Сулла и зрелища (из новой литературы) // ВДИ. 2016. № 2. С. 489–496.

⁴¹ Короленков А.В., Смыков Е.В. Был ли Сулла «земным богом? Некоторые аспекты религиозной политики «любимца фортуны» // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.). М.; СПб., 2016. С. 568–581.

издательствами⁴². Он редактировал последнюю книгу В.Г. Боруховича «Вечное искусство Эллады», которая вышла в 2002 г. в петербургском издательстве «Алетейя», хотя тогда Е.С. отказался от того, чтобы его имя, как редактора, было указано на титульном листе и в описании книги; но в предисловии Владимир Григорьевич отметил: «Автор особо признателен редактору книги доценту Е.В. Смыкову, внесшему ряд важных исправлений»⁴³.

Е.С. входил и в состав редколлегии Поволжского антиковедческого альманаха «Antiquitas aeterna» (Казань; Нижний Новгород; Саратов) и был одним из редакторов коллективной монографии «Ираника», подготовленной совместно казанскими и саратовскими антиковедами⁴⁴. Вместе с А.В. Мосолкиным и автором этих строк Е.С. был одним из создателей и редакторов сборника молодых ученых (российских студентов и аспирантов) «Antiquitas juventae», который в 2000-е гг. выходил на историческом факультете СГУ. Надо сказать, что Е.С. был классным редактором. Он внимательно вычитывал тексты (*замечательная школа* Таисии Павловны Кац!), бывало, что иные студенческие работы попросту переписывал, но всегда подолгу беседовал с авторами, указывал им на ошибки, разъяснял слабые и сильные стороны, пытался донести до каждого автора *как* надо делать: как отбирать источники, как их интерпретировать, как работать с историографией, как формулировать суждения. Е.С. серьезно готовил своих дипломников и аспирантов, не жалел на это своих сил. И я хорошо помню нашу совместную работу над первыми пятью выпусками «Ювенты». Для всех троих руководителей — Смыкова, Мосолкина и меня — это дело было сугубо ответственное, поскольку для многих авторов ежегодника нашей кафедры это были первые в их жизни публикации⁴⁵.

---

⁴² Мифология. В 2 кн. / Н.И. Девятайкина (ред.). Саратов, 1994; Мифология. Книга для чтения по истории, литературе и художественной культуре. Ч. I-II. М., 2001; Мифы народов мира / Н.И. Девятайкина (ред.). Ростов-на-Дону; М., 2006 (последующие издания: 2007; 2008; 2011). См. *Синицын А.А.* Наша Диотима. Таисия Павловна Кац (1936–2013): факты биографии и личные воспоминания об учителе // *Метаморфозы истории: научный альманах.* 2021. Вып. 22. С. 334–344.

⁴³ *Борухович В.Г.* Вечное искусство Эллады. СПб., 2002. С. 6.

⁴⁴ *Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э.* / О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Синицын, Е.В. Смыков (ред.). Казань, 2017. И вступительная статья к монографии, подготовленная редакторами: *Габелко О.Л., Рунг Э.В., Синицын А.А., Смыков Е.В.* Иран и античный мир: тысяча лет взаимоотношений (вместо предисловия) // Там же. С. 14–30.

⁴⁵ Сошлюсь на наше совместное предисловие к одному из выпусков «Ювенты»: [*Мосолкин А.В., Синицын А.А., Смыков Е.В.*] От редакторов // *Antiquitas juventae.*

Многому у Е.С. научился и я, и не только в научном плане и ремеслу преподавания. Признаюсь, что в студенческие годы, и когда мы уже были коллегами по кафедре и спорили, так сказать, на равных, Е.С. оказал на меня мощное влияние. Думаю, многие из наших коллег (не только саратовских историков, и не только антиковедов) могут сказать тоже самое о себе.

Если касалось дела, Е.С. тратил массу времени на правку, вычитку, объяснения, убеждения... Причем это распространялось не только на тех студентов, у которых он формально являлся научным руководителем, но и на всех, кто к нему обращался за помощью, за научной консультацией. Е.С. был настоящим мастером, верой и правдой служил Саратовскому университету и родной кафедре, России и русской науке об античности. Исторический факультет СГУ был для него «вторым домом», правда, многое изменилось в его отношении, когда истфак превратился в Институт истории и международных отношений, как написал Е.С. в очерке о своем товарище, «когда оптимизаторы громили наш факультет и кафедру»⁴⁶. Тогдашняя «оптимизация» университета затронула многих, для некоторых коллег она стала рубежом в их карьере и жизни. Погром истфака и его последствия очень сильно травмировали Евгения Владимировича.

В университете Е.С. читал лекционные курсы и спецкурсы «История древнего Рима», «История античной культуры», «Быт древнего Рима», «Источниковедение античности», «Начало гражданских войн», «Римская мифология» и другие. Он был постоянным участником и членом организационного комитета международной конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории», которую с 2008 г. проводит кафедра Истории древнего мира СГУ. В 2019 г. доцент Евгений Владимирович Смыков был награжден памятной медалью «За особые заслуги перед Саратовским национальным исследовательским государственным университетом имени Н. Г. Чернышевского».

Все мы — персонажи Еврипида либо Аристофана, но мало кому удается равняться с героями Софокла. Как мне кажется, из всех моих знакомых, таковым был мой старший товарищ Евгений Смыков. Ему

Вып. 4. Саратов: Наука, 2008. С. 3–5. Пятый выпуск сборника мы с Е.С. готовили вдвоем, когда А.В. Мосолкин уже перебрался в Москву: [Синицын А.А., Смыков Е.В.] От редакторов // *Antiquitas juventae*. Вып. 5. Саратов: Наука, 2010. С. 3–5. То были поворотные годы для кафедры, истфака, всего университета и для меня лично...

⁴⁶ Смыков Е.В. Несколько запоздалое поздравление. С. 430.

была присуща арете софокловых героев: доблесть Аякса и Эдипа, непримиримость Филоктета, верность и непоколебимость Антигоны. В очерке к 80-летию В.И. Каца, который мы написали вместе, Женя верно заметил о нашем университетском Учителе: Кац всегда учил страстно и эмоционально⁴⁷. Именно так. Но эти слова можно отнести и к манере преподавания самого Смыкова. На лекциях или в беседах за дружеским столом он был зажигающе увлекателен, всегда пристрастен, эмоционален, никогда не был холоден, равнодушен, напротив, зачастую он бывал прямо-таки взрывоопасен!

Как написал Антон Короленков в поздравительном слове о Жене: «Он подобен стихии, ибо может обрушить на человека гнев так, что сам Зевс позавидовал бы, а потом очаровать его и сделать другом (если тот уже им не стал), и никто из нас не обижается на его громы и молнии, потому что в действительности суть его природы — доброта и великодушные»⁴⁸. Красиво и верно сказано. Страстный агонист, острый, смелый, с огоньком, не терпящий никакой пресловутой толерантности, Е.С. порой в споре мог лихо боднуть оппонента (наверное, о таких римляне и говорили *fenum habet in cornu*). Правда, когда уж он перегибал палку (а такое бывало!), то после того, как отходил, извинялся за свою резкость. И еще Женя органически не принимал всякого рода фальшь, не позволял лгать себе и не прощал ложь другим.

С начала 1980-х, с первого года учебы в университете, Е.С. регулярно ездил в археологические экспедиции, сначала как студент, а потом, как руководитель практики, он в течение многих лет сам возил «на юга» студентов истфака СГУ. Точно не скажу, но полагаю, что Е.С. «отработал» не менее полутора десятков полевых сезонов: в 1980-е гг. — в Крыму (на поселении Панское на Тарханкутском полуострове, под Евпаторией), в начале 1990-х — в Краснодарском крае (Горгипсия в Анапе и усадьба Красная Скала под Анапой), а в 2000-е гг. — на некрополе поселения Артющенко-2 (на Таманском полуострове). Это были легендарные совместные экспедиции саратовских студентов-практикантов и ленинградских/петербургских археологов, сотрудников Отдела истории античной культуры Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН).

Здесь наставниками Жени были преподаватели кафедры В.И. Кац и С.Ю. Монахов, а также ленинградские коллеги — А.Н. Щеглов и

---

⁴⁷ См. Смыков Е.В., Синицын А.А. Так учит Кац... С. XX.

⁴⁸ [Короленков А.В.] К юбилею Евгения Владимировича Смыкова // *Studia historica*. С. 3.

Е.Я. Рогов. В тех экспедициях бывал и Иван Рогов, сын археолога Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001), именем которого Женя назвал своего старшего сына. А в 2000-е годы Е.С. возил саратовских студентов в экспедицию, которой руководил и продолжает руководить наш давний (еще с работ на Панском в 1989 г.) товарищ Сергей Кашаев.

В 1980-е годы с Е.С. приезжали на раскопки саратовские школьники – «волчата», многие из которых стали его друзьями на всю жизнь. Археологическим духом пропитано все семейство Смыковых. В молодые годы вместе с Женей приезжал в экспедицию и его младший брат Виктор. Всегда принимала участие в поездках мужа его жена Марина, которая во всех археологических практиках была его помощницей. Смыковы брали в экспедиции своих сыновей Ваню и Колю чуть ли не «с пеленок».

И мы с Женей познакомились тоже на археологической практике. Это было в далеком 1989 году, после моего первого курса вечернего отделения истфака. В ту незабываемую поездку сначала был поход с неутомимым В.И. Кацем по нашему Горному Крыму с его древними городами, подъем на Мангуп, экскурсия по Чуфут-Кале (средневековый город-крепость в Бахчисарайском районе) и марш-бросок от Эски-Кермена. Несколько дней мы с Е.С. шли вместе и спорили о политике, истории, кино и литературе. Хорошо помню, как обсуждали кубриковский пеплум «Спартак» с Кирком Дугласом (впервые я посмотрел этот фильм в кинотеатре за пару месяцев до поездки на археологическую практику), говорили о героях «Войны и мира» Толстого и гоголевского «Тараса Бульбы», о только что вышедшей в журнале «Юность» (и, как оказалось, нами обоими прочитанной и зацененной) повести Юрия Полякова «Апофегей», о повести Сергея Коледина «Стройбат», опубликованной в «Новом мире»... (Кстати, Женя тогда утверждал, что события, описанные в повести Коледина или очень похожие на них, произошли в том самом батальоне, где служил его отец. Возможно, и так. Почему нет?) Всю дорогу по Горному Крыму мы с Женей спорили. Тогда-то, едва познакомившись, поругались (а ругались мы с ним частенько). По Крыму шли живенько, едва поспевая за Кацем, который вел нашу группу.

Потом мы несколько дней жили на территории Херсонеса, где были экскурсии по античному и средневековому памятнику, прогулки по вечернему Севастополю и купание в нашем Черном море (для меня это была вторая встреча с морем, после отдыха в пионерском лагере «Артек» в 1982 году). А уж потом мы около месяца провели на раскопках в юго-западном Крыму, где саратовцы работали вместе с

ленинградской экспедицией на поселении Панское-I, близ поселка Черноморское. Тогда-то по моей просьбе Женя записал на тетрадных листах в клеточку две археологические песни: «Там за Танаис-рекой» и «Орёл Шестого легиона». Обе эти песни были гимнами многих антиковедческих археологических экспедиций. Тетрадный лист с автографом легендарного «Орла» и по сию пору хранится в моем домашнем архиве в Энгельсе. С тех пор, на протяжении трех с половиной десятилетий, многие песни, книги и фильмы для нас были общими. Хотя споры о них у нас никогда не прекращались...

Е.С. с раннего детства читал книги «тоннами». Мне всегда казалось, что всю литературу и кино — преимущественно советское — он знал и все прочитанное и просмотренное помнил наизусть. Как и для многих мальчишек (во всяком случае, в ту, советскую, пору), любимыми писателями юного Смыкова были Вальтер Скотт, Александр Дюма-отец, Лев Кассиль, Аркадий Гайдар, Пушкин, Жюль Верн, Владислав Крапивин, Дж. Фенимор Купер, Джек Лондон, Марк Твен, Майн Рид, Конан Дойл и многие другие авторы нужных книг, тех, что «давали пищу для маленьких наших мозгов», оставили след, воспитали и образовали. Истина в том, что мы есть то, что читаем (и смотрим, и слушаем, конечно, тоже). Как рассказывал Е.С., в начальной школе он прочитал собрание сочинений Вальтера Скотта семь раз подряд! Произведения Скотта он знал наизусть и часто цитировал (одну из историй я расскажу ниже), и на дух не принимал характеристику «вальтерскоттовщина» в отношении и к самому Скотту, и к исторической прозе. Для него этот британский поэт, писатель и собиратель древностей всегда был кумиром, его произведения Женя считал образцом исторического романа. Он знал все не только про Вальтера Скотта, но и про его собак. Женя любил стихи и прозу Пушкина, причем в разные годы я слышал от него: «Вот, снова перечитал *всего* Пушкина и только теперь открыл его для себя — Велик во всем!» А Лермонтова он не любил. Он не любил многих писателей, хотя, как я уже сказал, читал всё.

В 2014 г. мы перечитали и летом обсуждали солженицынский «Август Четырнадцатого» (кажется, тогда Е.С. «по второму кругу» полностью перечитал и «Октябрь Шестнадцатого», а вот я в тот год повторно дошел только до середины второго «узла» этого романа-эпопеи). Помню, в августе 2014-го на даче Смыковых мы обсуждали описание катастрофы армии Самсонова, спорили о Воротынцеве и других героях. И Женя спорил заинтересованно, хотя А.И. Солженицын всегда оставался для него «предателем и вражиной» (Женино выражение).

Е.С. любил «Сирано де Бержерак» Эдмона Ростана, знал эту пьесу

наизусть полностью (или почти полностью) и частенько цитировал большими кусками. Особенно он любил обыгрывать слова бесстрашного и бесшабашного ростановского героя о его огромном носе, который сам Сирано считал своим физическим недостатком и несносным уродством. При этом Женя заменял «нос» на «пуз» (сам-то он был пузат и грузен), и цитировал с юмором:

Что вы сказали? Пуз мой мал?!
Я оскорбленья ждал! Насмешки! Даже смерти!
Но наглой клеветы такой не ожидал...
Безпузый шут! Ни от кого не прячась,
Мой пуз свидетельствует с гордой вышины
О храбрости, уме и тысяче тех качеств,
Которых вы, к несчастью, лишены.

или, например, из диалога Сирано с Роксаной:

А я имел в виду
За мой несчастный пуз с ним рассчитаться просто.
Так иногда, вступаясь за уродство,
Мы защищаем красоту!

Бывало, во время наших пиршеств Е.С. выступал в роли брата Горанфло — веселого пузатого монаха из романа Дюма (всем известно, что этот забавный монах-бенедиктинец известен ненасытной страстью к еде и вину). И вот, с конца 1990-х гг., после выхода на экраны сериала «Графиня де Монсоро», где роль монаха-пьяницы шикарно исполнил Владимир Долинский, Женя на симпозиумах, проходивших на кафедре, на даче (у Смыковых или у Синицыных) или где-то на природе, следя за тем, как кто-то наполняет ему стакан, произносил: «Ну, до краев и хватит»; или хитровато улыбался, покручивая что-то в руках: «У брата Горанфло есть ключик»; частенько призывал словами монаха: «Вперед, Панург! Тебя ждут отруби!» либо сокрушался: «Виноград не вызреет в такой холод». И многое другое горанфловское. Это он «подсадил» мою семью на этот телесериал В.М. Попкова, и я не скажу, сколько раз смотрел все эти 26 серий, уж никак не меньше полсотни (а моя дочь Лена, пожалуй, в два раза больше).

Женя был самым читающим из всех моих друзей и, пожалуй, даже всех моих знакомых. Читал он много и читал осмысленно. В зрелые годы его любимыми авторами были Н.С. Лесков, все три писателя-

Толстых (но прежде других Алексей Константинович Толстой), Достоевский, Салтыков-Щедрин, Константин Симонов, Шолохов. Из современных авторов мы чаще всего говорили о Юрии Полякове. Любовь к прозе Полякова у меня во многом от Смыкова и тех споров об «Апофегее», что у нас начались еще в мою первую крымскую экспедицию. Сейчас в моей домашней библиотеке есть несколько книг Полякова, подаренных Женей. Мы обсуждали Леонида Бородина, Владимира Бушина, Владимира Солоухина, Александра Проханова и других современных писателей. Мы читали и обсуждали публицистику, часто делились впечатлениями о новом номере прочитанной «Литературной газеты», которой и он, и я всегда оставались верными читателями. Бывало, в конце недели Женя звонит, чтобы спросить: «Саньч, а ты читал в последнем номере “Литературки” ...?» И далее обсуждение на час-полтора.

Ни один наш разговор не обходился без воспоминаний о героях романов и их авторах, о режиссерах, актерах и героях фильмов, которые были символами нашего детства: рыцари, богатыри, мушкетеры, комиссары, буденовцы, индейцы, легионеры, пионеры, партизаны, спортсмены, детективы... Меня всегда поражали великолепная память Е.С., его удивительная эрудиция и критический ум — первое от природы, второе — от начитанности, а третье, полагаю, вкуче от природы и начитанности.

Детские впечатления — это важно, и, пожалуй, чем старше, тем они еще важнее, чем раньше. Мы воспитывались на книгах и фильмах, в которые верили. Это были те жизнеутверждающие *сказки*, которые нас морально закаляли. Женя любил цитировать строки песенки Учителя из «Зияющих высот» А.А. Зиновьева:

Как закрою глаза, душу трогает боль.
Все живое из памяти гонит.
Вижу панцырь и щит. Вижу — входит король.
Слышу шпаги звенят. Скачут кони.
Нам романтику кажут сегодняшних дел.
Забываю о ней без печали.
Я б, дыханье тая, все глядел и глядел,
Как уланы в атаку помчали.
Я с пеленок учен, что все это — обман.
Но какая же жизнь — мир без краски.
Людам важно, какой они бредят туман
И какие им верятся сказки.

Сколько людей Е.С. зажег огнем своей любви — к античности, к книгам, фильмам, песням! Уверен, и под этими моими словами подпишутся десятки, а то и сотни, людей, которые общались с Евгением Владимировичем, причем, не важно, соглашались или спорили (а спорить со Смыковым при его эрудиции и напористости было, ой, как не просто!), все они попадали под его обаяние и влияние, восхищались его богатой памятью, остроте ума, умению проводить параллели — исторические, психологические, художественные и всегда оригинальные. Отмечу особо, что Е.С. был мастером спора. Он слушает собеседника, прикрыв глаза под своими очками, как дремлющий дракон Смог, а потом как выдаст!.. Кстати, опять же о книжках, повесть Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» тоже была среди любимых у антиковеда Смыкова. Сюжеты «Хоббита» и «Властелина колец» он включал даже в свои лекции по «Мифологии», которые прежде читал студентам исторического факультета СГУ (а потом этот курс у него подхватил я).

Собираясь вместе за столом, мы часто в кампании пели — под гитару или без инструмента. Пели песню Высоцкого «Баллада о борьбе», историко-археологического «Орла Шестого легиона», песни из фильмов «Офицеры», «Белорусский вокзал» и другие. Бывало, вдвоем наперебой мы с Женей читали балладу Стивенсона «Вересковый мед», или симоновского «Сына артиллериста», или ... да мало ли что еще из нашего советского детства!

Поделюсь одной историей, которая произошла где-то в середине 2000-х годов. Как-то, отчитав лекции на истфаке, мы в конце рабочего дня отправились в кабачок, что находился напротив Десятого корпуса СГУ (это заведение тогда носило «древневосточное» название «Месопотамия»). По дороге встретили товарища, молодого коллегу с философского факультета Сергея Трунёва (ныне — доктор философии и известный саратовский поэт). Посидели, как водится, приняли на троих и в какой-то момент разговор зашел о книгах нашего детства, о любимых героях и авторах. Вспомнили о Вальтере Скотте. И тут Женя и Сергей стали строку за строкой (по очереди) произносить стих о четырех стрелах из романа «Черная стрела»:

Четыре я стрелы пущу,
И четверым я отомщу,
Злодеям гнусным четверым,
Старинным недругам моим.
Одной стрелы уж нет — пронзен

Злой Эшпльярд, и умер он.
Стрела вторая ищет встреч
С тобою, мастер Беннет Хэтч.
Третьей стреле сэр Оливер мил,
Что Гарри Шелтона убил.
Сэр Дэниэл, исчадье зла,
Тебе четвертая стрела!
Они черны и до конца
Вонзятся в черные сердца!
Они без промаха летят
И никого не пощадят.

Скажу без преувеличения: поэтический дуэт историка и философа, читавших за столиком в кабаке стихи из детства, выглядело тогда как чтение мантр, как священнодействие. Третий из сотрапезников замороженно смотрел на товарищей, он не был причащен к действию, поскольку в детстве этот роман Скотта прошел мимо него. Но мне было радостно наблюдать за перекличкой своих товарищей.

О Е.С. я мог бы рассказать много интересных историй. В студенческие годы я слушал его лекции по историографии, потом более десяти лет мы были коллегами по кафедре, вместе ездили на конференции, вели семинары, подменяя друг друга, отмечали все праздники. Мы вместе отмечали праздники, гостили друг у друга на дачах, смотрели фильмы, обсуждали книжные новинки, ругались, мирились... Много, многое пережили вместе.

Выше я кратко описал научные интересы Е.С. Темы и имена — сплошь римские, разве что Александр Македонский, да и то, как было сказано, в плане римских *imitatio Alexandri*. А ведь Е.С. был начитан и разбирался во многих проблемах антиковедения. Так вот, что касается эллинов, он их в целом не жаловал. «Гомер — это мощь!» — говорил Е.С. — «А что касается архаики и классицики, то из всех твоих любимых греков мне нравится только Алкивиад», — говорил он мне. Мы часто спорили об эллинах и римлянах. Я защищал *своих*, а Женя нападал — и от имени своих римлян, и своего имени. Мол, что могли создать эти гомосеки? Мы оба не терпели того, что суровые римляне называли *amor Graecorum* — и в античном, а уж тем паче в неантичном, так сказать, контексте. Женя любил рассказывать про «гречишек» скабрзные анекдоты и называл их извращенцами.

Знаю, что ему нравились Гомер, Софокл, Геродот, Фукидид, Аристофан. О греческих философах он часто говорил «не мое это все», но

мы спорили о Сократе, пытаясь выяснить для себя дилемму: свобода (овод Сократ) или полис? Этот афинский мудрец, боец, правдолюб нравился нам обоим, но ведь было в Сократе то диссидентское, что мы оба не принимали. Жаль, что так и не доспорили до конца: все-таки pro или contra?..

Когда в 2010 г. я переехал с семьей в Петербург, Е.С. неодобрительно отнесся к тому, что я оставил СГУ. И хотя у меня было много поводов держать обиду на вузовское руководство и иных «старших товарищей», содействовавших разгрому истфака и нашему увольнению (о чем здесь говорить неуместно, уж как-нибудь в другой раз), но я с болью оставлял родной истфак. В итоге, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, однако тогда, несмотря на все сложившиеся обстоятельства, я глубоко переживал расставание с кафедрой. После моего переезда в Петербург мы с Женей продолжали общаться, сотрудничать, помогать друг другу. Мы встречались каждое лето на дачах друг у друга (на даче моих родителей близ села Шумейка под Энгельсом, или на даче Смыковых, там же, в двух километрах от нашей, вблизи села Тополёвка, что рядом с Новым мостом через Волгу), встречались на конференциях в Саратове или Москве и в редкие его приезды в Петербург. Последний раз Женя был у меня в гостях в 2019 г., когда на три дня приезжал на «Жебелевские чтения» в СПбГУ. Это было в последнюю неделю октября, и в один из дней мы с женой собрали у нас на квартире моих друзей — Алексея Мосолкина, Харийса Туманса и Женю Смыкова. Мы просидели с утра и до вечера, отмечая мой день рождения.

Неоднократно от РХГА я писал отзывы на выпускные работы смыковских дипломников — бакалавров и магистров. Вот, кстати, еще одно частное замечание, характеризующее Е.С. Он не любил Пазолини (и это мягко говоря), особенно же те два его фильма, что созданы по мотивам античных трагедий, — «Царя Эдипа» и «Медею». По Смыкову, Пазолини извратил древнегреческие сюжеты, так как сам итальянец был «извращенцем, вырожденцем» и прочее в том же духе. Однако при этом один из студентов, который специализировался у Е.С. во второй половине 2010-х гг., писал дипломную работу о Пазолини, вернее, о разработке античных трагедий в кинематографе, где большая часть ВКР была посвящена пазолиниевским экранизациям. Конечно, Е.С., как научный руководитель, читал и перечитывал текст этой работы. По его просьбе я выступил рецензентом ВКР по рецепции античности в кино, подготовленной смыковским дипломником, и дал положительный отзыв. А в 2022 г. после начала СВО этот молодой человек (воспитанник Смыкова!) удрал из России (или, как это сейчас называют, стал

«релокантом»). Ну, что тут сказать? — Значит, не те книги в детстве читал. И Женя мне тогда сказал: «Вот тебе и увлечение пазолинями». Но как научный руководитель он в свое время поддержал увлечение студента проблемами рецепции античности в мировом кино, несмотря на свои личные, принципиальные, антипатии к «источнику». И это показательно для Е.С. Замечу, что Пазолини он не терпел, называл его нецензурными словами, а вот Федерико Феллини ему нравился, и Женя ни раз соглашался со мной, что Феллини — самый «античный» из всех режиссеров.

Другу Жене я посвятил несколько стихотворений. Одно из них было написано по-немецки в середине осени 2010 г. — по мотивам наших тогдашних разговоров о моем прощании с Саратовом и переезде семьей в далекий Питер. Помещаю эти две строфы вместе с переложением на русский язык, сделанным декабре 2010 г. нашим другом, московским антиковедом И.Е. Суриковым (этот перевод понравился и мне, и Жене)⁴⁹:

Endlichkeit

Für E. Smykov

Ich sehe nicht, wo ewig Leucht',
die Welt ist längst vergangen.
Und wurde ich mit dir, mit euch,
doch aber nicht für lange.

Mag es so sein! Und seiner Punkt
hat jeder, ohne Streit.
Saratow oder Petersburg —
für uns auf kurze Zeit...

Перевод Игоря Сурикова:

Бренность

Не вижу я, где вечный свет,

---

⁴⁹ Стихотворение и перевод впервые были опубликованы: Синецкин А.А. Античные лики. Посвящения // ПЕНТΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Синецкин (ред.). СПб., 2018. С. 448.

И мир давно накрылся.
Я был с тобою, с вами – нет,
Недолго праздник длился.

Пусть будет так! Ведь свой резон
Есть у любого, право.
Саратов, Петербург... Всё – звон,
Короткая забава.

Женя был Magnus – велик во всём. Вот один пример его щедрости и величия. В 2006 г. мы возвращались с конференции, которая проходила в Нижегородском университете. День в поезде – туда, три дня в Нижнем Новгороде, да день обратно. И так вышло, что на обратном пути мой кошелек был пуст (никаких банковских карт у нас тогда не было), и Смыковские финансы тоже были на исходе (ведь все дни поездки мы пиروвали). Но когда Женя узнал, что у меня кончились деньги, а хорошо бы привезти из поездки игрушку моему сыну Саше, он настоял, чтобы мы вместе пошли за подарком. «Ты что! – кричал он, – нельзя не привезти Орленку машинку!» (Орлёнком он называл моего сына, потому что любимой песней Саши в детстве была «Орлёнок, Орлёнок, взлети выше солнца...») Как сейчас помню: на какой-то железнодорожной станции мы с Женей бежим в какой-то магазин и за 120 рублей (по тем временам – сумма!) купили моему трехлетнему сыну небольшой металлический скрепер. Теперь было с чем возвратиться домой. Такое не забывается...

2000-е гг. (до поры «оптимизации») были «золотым веком» кафедры истории древнего мира СГУ. Это не моя характеристика, ее я в последнее десятилетие слышал от московских, нижегородских, питерских и казанских коллег. Так же характеризовал первую половину 2000-х в истории нашей кафедры и Е.В. Смыков. Последний раз он вспоминал об этой «эпохе кафедры» в телефонном разговоре весной 2025 г., вспоминал с грустью...

В 2002 г. я был направлен от кафедры истории древнего мира СГУ в Петербург, где целый семестр (с начала февраля до конца июня) стажировался на кафедре истории древней Греции и Рима СПбГУ. Эта поездка была важной для меня, она была значимой в разных смыслах (и в научно-педагогическом, но еще пуще – в личном). А вот после окончания той стажировки, когда я вернулся к работе в СГУ, В.И. Кащеев – мой научный руководитель и тогда уже коллега по кафедре – не позволил мне продолжать посещать его (в равной степени и мой) семинар

«Античная среда», в котором я участвовал с 1990 г., собственно со времени основания семинара. (Для объяснения такого решения учителя, по-видимому, потребуется психолог, скажу только, что это было связано с моим «отступничеством» — отъездом на стажировку в СПбГУ, к профессору Э.Д. Фролову, а еще и с моей женитьбой). При этом занятия в семинаре продолжали посещать мои товарищи-однокашники Авраменко и Мосолкин, а вот я был «отлучен» — право, суровое «отмщение» за «непослушание». И в той ситуации меня поддержал Е.С., мы с ним организовали что-то вроде маленького неформального семинарчика для чтения классических источников. Семинар составляли мы двое, дважды в неделю собирались по вечерам на кафедре (тогда она располагалась на третьем этаже IV-го корпуса СГУ) и занимались переводом Фукидида, прочитали вторую книгу «Истории». А потом переводили трактат Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде»⁵⁰. Жаль, что наша работа над переводом трактата древнегреческого ритора была не завершена⁵¹. Но тогда не это было главным. Фукидид и Дионисий нужны были мне, а Женя лишь поддержал меня, учтя мои научные интересы. А это дорогого стоит!

Профессионально Е.С. занимался Поздней республикой, но по духу ему был близок императорский Рим. Он был государственным, много читал публицистики, интересовался политикой и отечественной историей разных периодов. Е.С. смело проводил параллели между античностью и современностью, в каком-то смысле его научные интересы, лежащие в древнеримской истории, и были важны для его понимания истории нынешней. В своих антиковедческих трудах он избегал актуальных политических аллюзий, но в ряде его статей 2010-х – 2020-х гг. таковые присутствуют. В одной его статье, которую я когда-то редактировал для сборника, Е.С. рассматривает разные теоретические построения западных антиковедов, основанные на теории «римского

---

⁵⁰ О нашем с Е.С. «дуэте» на почве классических авторов я уже рассказывал во вступлении к первой части статьи о Дионисии Галикарнасском и ранних греческих историописателях, посвященной «русским триумвирам»: Синицын А.А. Историки, историография и историко-риторический агон: сопоставление классических эллинических писателей в «Письме к Помпею» Дионисия Галикарнасского (Часть I) // История и историческая память. 2022. Вып. 25. С. 181.

⁵¹ Это сочинение галикарнасского ритора тогда еще не было переведено на русский язык, первый перевод трактата «О Фукидиде» был опубликован в московском журнале «Аристей» только через 12 лет: Дионисий Галикарнасский. О Фукидиде. С приложением второго письма к Аммею / пер. И.П. Рушкина // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2014. Т. IX. С. 185–256.

империализма» Тенни Франка (в его книге 1914 г.), а представив спектр вариаций этой теории (и про механизмы экспансии «с четко выраженным “американским акцентом” в США»), подводит такой итог: «“Империализм” начала XX в. носил четко выраженный публицистический оттенок и в Старом, и в Новом Свете. В настоящее время оба подхода основываются на колоссальной базе предшествующих конкретных исследований и гораздо прочнее опираются на фактический материал, чем сто лет назад. Вместе с тем оба они совершенно очевидно связаны с сегодняшней политической реальностью. Что дальше? Каким будет “римский империализм XXII столетия”? Время покажет...»⁵²

Е.С. был подлинным патриотом и убежденным сторонником имперской идеи — не только в профессиональном, историческом, отношении (то есть в связи с его любимым Древним Римом), но и в смысле гражданской позиции. Он был патриотом своей кафедры, патриотом исторического факультета, патриотом своей Великой и Малой Родины. Он по-отечески переживал за своих учеников, заступался за каждого, дружил со многими из бывших выпускников. Как преподаватель он был строг, требователен, бывал резок в высказываниях. Студенты побаивались Евгения Владимировича, но они к нему тянулись. Он многое давал в профессиональном и в мировоззренческом планах, поэтому тот, кто интересовался историей (в самом широком временном и географическом охвате), мог взять от него многое.

Женя был Большим Человеком и до последних своих дней оставался большим ребенком. «Во мне пудов десять весу» — когда-то говорил он, но, несмотря на его полноту, с чем были связаны и некоторая неповоротливость, и (особенно в последние годы) его физическая немощь, в нем было воинственное, героическое, эпическое, он как римский герой Публий Гораций Коклес готов был остаться один супротив всех противников, чтобы защищать мост через Тибр. Смыковским мостом были его кафедра, истфак (в старом, классическом, еще советском его виде), его Тибрским мостом были герои книг и кинофильмов — те ценностные ориентиры, что были заложены в детские годы. Жить не для себя, а для дела, для страны и быть верным своим убеждениям — это было его жизненное кредо. Он часто повторял поговорку майора Деева из военной баллады Симонова: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла». Вот этому завету Е.С. и старался следовать.

В начале 2020-х гг. мы с московскими товарищами готовили сборник с рабочим названием «Русский триумвират», посвященный 60-

---

⁵² Смыков Е.В. *Метаморфозы одной теории...* С. 353.

летним юбилеям трех друзей, антиковедов-романистов. В числе юбилеев-«триумвиров» был и Женя. Летом 2021-го сборник был собран, отредактирован, но он так и не вышел. Причиной срыва этого проекта стало то, что один из составителей капризничал и отказался от взятых обязательств, дело затянулось, а затем началась СВО, которая развела и составителей-сопоредакторов, а некоторых из них — и с самими юбилеями, стоявшими на патриотической позиции. Эпизод занимательный и весьма показательный, но здесь рассказывать о нем не стану, сделаю это как-нибудь в другой раз. Свою научную статью, предназначенную для «Триумвирата», я опубликовал в двух выпусках «Истории и исторической памяти»⁵³, а в журнале «Вестник РХГА» был напечатан очерк, посвященный тройному юбилею друзей-историков, в котором от имени всех коллег я поздравил трех специалистов по древнеримской истории⁵⁴.

Когда в феврале 2022 года Россия отреагировала на провокации Запада, действовавшего руками Украины, и некоторые из «либеральных» соотечественников, наших давних товарищей, заняли, мягко говоря, осудительные позиции, Е.С., при всей его горячности, не разорвал отношения с теми людьми, с кем был до этого близок. И хотя называл их «вражинами» (это было его словцо), он ставил дружбу выше политики, а добрые личные связи много выше идейных противоречий.

Мы всегда чтити *наши* советские праздники. Женя был единственный, кто 7 ноября (накануне его дня рождения) поздравлял меня, а я его, с Днем Великой Октябрьской социалистической революции, 19 мая — с Днем Советской Пионерии, а 29 октября — с Днем рождения Комсомола. И это не были жесты, это не было наигранной тоской по прошлому или данью памяти, просто для нас эти вещи как были святы, таковыми и остались, как если бы ничего не произошло со страной и людьми. И опять же, для Жени и для меня все это было связано с детством, когда закладывалась советская мифология.

Из русских правителей героями для Смыкова были цари Иван III Великий и Иван IV Грозный, императоры Николай I и Александр III (и одновременно шла резкая критика Александр II и Николая II). Из руководителей советского времени с большим уважением он относился к И.В. Сталину и критиковал Н.С. Хрущева и, конечно же,

---

⁵³ Статья указана выше, см. примеч. 50.

⁵⁴ См. *Синицын А.А. Triumviri Rossici: к юбилею антиковедов-романистов А.М. Сморгча, Е.В. Смыкова, А.В. Махлаюка // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2022. Т. 3. Вып. 2. С. 137-154.*

М.С. Горбачева. Он читал всё, что выходило о Сталине, да и вообще, повторю, он читал всё обо всем.

Помню, в начале 2010-х гг. я приехал на дачу к Смыковым, и Женя мне поведал, что работает над серией биографий русских исторических деятелей. Он тогда заключил договор со столичным издательством «Комсомольская правда» для подготовки отдельных глав для коллективных монографий о полководцах и флотоводцах XVI–XVIII вв. Е.С. увлеченно рассказывал о том, как движется работа, зачитывал фрагменты своих очерков, мы что-то обсуждали вместе. В 2014–2015 гг. в Москве вышли книги, где были опубликованы подготовленные им биографии Ивана Грозного, Алексея Басманова, графа А.Г. Орлова, Г.А. Спиридонова⁵⁵.

Более десятка статей, опубликованных Е.С. во второй половине 2010-х – первой половине 2020-х гг. в так называемых «ВАКовских» изданиях свидетельствуют о том, что он готовился к завершению второй своей диссертации. Да и по его словам, он уже был близок к защите докторской, надо было только сделать последний шаг: все обобщить и объединить в единое целое. Е.С. уже поговаривал о выборе возможной ведущей организации и оппонентах (у меня сохранились электронные письма Жени с вариантами имен, которые могли бы ими стать). Все «побочные» темы, связанные с деятелями отечественной истории, конечно, отвлекали Е.С. от завершения докторской диссертации. Но я его не упрекал в разбросанности, поскольку, во-первых, знал о его увлечении русской историей, что для него это было «куда важнее всех греков и римлян», а во-вторых, я и сам такой же, что называется, «распыленный». Какие уж тут могут быть советы? Тем более, что тексты Е.С. о русских правителях и полководцах подготовлены, как говорится, «вполне на уровне»! Они написаны живо, фундировано (на материале источников и многих исследований), все тексты проблемные. Антиковед Смыков попытался реабилитировать некоторых героев русской истории. Например, очерк о «несправедливо забытом полководце» Алексее Даниловиче Басманове, верой и правдой служившем Царю и Отечеству, который, как отмечает Е.С., «оказался скомпрометирован в глазах потомков, черты его подлинной личности искажены враждебной

---

⁵⁵ Смыков Е.В. Басманов Алексей Данилович // Полководцы Ивана Грозного и Смутного времени. М., 2014. С. 3–19; он же. Граф Орлов Алексей Григорьевич // Полководцы Екатерины II. М., 2014. С. 46–65; о же. Иван IV Грозный // Цари-полководцы. М., 2014. С. 20–48; он же. Спиридов Григорий Андреевич // Флотоводцы. М., 2015. С. 3–23.

традицией»⁵⁶.

Сколько раз я просил Е.С. написать воспоминания о старом истфаке, преподавателях, о юности, исканиях, о его восприятии политических событий 1980-х и 1990-х годов. Уверен, это было бы интересное сочинение, поскольку у Е.С. было не просто *свое* (что и так понятно), но свое *интересное* видение происходящего, даже свое нынешнее видение себя в прошлом было бы интересным и важным. Как он говорил, «себя перестроечного презираю». Е.С. страшно переживал распад Советского Союза и все, что за этим последовало — и в стране, и на историческом факультете СГУ. Но дневник он не вел, а с воспоминаниями (зарисовками прошлого) дело обстояло так. Иной раз Е.С. звонит мне в Питер и рассказывает: «Вот, вчера опять просидел до поздней ночи — вспоминал о былом. Вспоминаю и пишу. Настучал на компьютере больше пяти страниц. А сегодня с утра, как проснулся, — первым делом к компьютеру и опять стер всё, что написал. Кому это нужно, кроме меня?» И такое было много раз. Я и уговаривал друга, и угрожал ему судом Истории (здесь бы я поставил смайлик) — не действовало. Он только фыркал и переводил разговор на другую тему. Потом проходили недели, месяцы, и снова повторялся тот же разговор по телефону: мол, ночью был в ударе, несколько часов писал, а наутро всё удалил. И я понимал: значит, вчера Женя снова мучился воспоминаниями.

Он всегда расспрашивал о моих родителях, семье, интересовался успехами моих детей, моим младшим братом, его семьей и успехами. Я давно знаком с его родителями, женой и детьми, младшим братом Виктором, который, насколько знаю, всегда помогал старшему брату. Можно сказать, что мы дружили семьями, хотя после моего переезда в Петербург собирались все за одним столом всего лишь раз или два в год — у нас на даче или на даче Смыковых. И я повторял (порой в виде то-ста), что в моей жизни есть два человека с именем Женя: один — это моя жена, а второй — мой друг Смыков (кстати, у них обоих и отчества совпадают).

Поскольку я рассказываю не только о нашем общем, но и о *моем личном* Смыкове, то сделаю еще одно личное признание публично. Я убежден, что автор (если не всякий, то большинство) пишет для кого-то, при создании художественного или научного произведения он представляет какого-то конкретного читателя своего текста, своего

---

⁵⁶ Смыков Е.В. Басманов Алексей Данилович // Полководцы. Российское военно-историческое общество. [Электронный ресурс] - URL: <https://100.histrf.ru/commanders/basmanov-aleksey-danilovich/> (Дата обращения: 22.11.2025).

подлинного критика (сурового, но доброжелательного). Во всяком случае, так всегда было со мной. Когда-то, в бытность студентом, аспирантом и даже попозже, в первые годы моего преподавания в СГУ, таковым читателем-критиком я считал В.И. Кащеева, таковым всегда был однокурсник и друг Дмитрий Луконин, смерть которого в декабре 2013-го стала для меня огромной личной потерей; был и еще один однокашник, позже «московский ксен», которого я часто держал в сознании, когда создавал свои поэтические или научные тексты, но три года назад и его не стало... Многие годы моим *alter ego*, внутренним критиком, предполагаемым строгим критиком, тем собеседником, который всегда необходим для автора, был мой Женя Смыков. Он был и читателем, и почитателем, и оппонентом, и тем самым он всегда был помощником. Это вовсе не значит, что я с ним соглашался. Как раз-таки, напротив, зачастую я ему возражал, в чем-то соперничал с ним, но, воображая беседу с другом (другим и близким), я оттачивал собственные суждения, при написании текста ориентировался на его суд. И в этом смысле, уход Е.В. – потеря «голоса друга» (как говорил французский философ Франсуа Фейде).

При всей своей кондовости и упёртости, Женя менял свои взгляды. Вспоминаю, как в 1999 или 2000-ом году я уговаривал его поехать в Петербург на конференцию. (До этого он ни разу не бывал в Петербурге/Ленинграде; быть может, только в школьные годы?) «Ни за что!» – отрезал тогда Смыков. – «Это по духу не мой город». Я попытался его убедить: мол, Петербург – город Пушкина и Достоевского. Он тут же резко парировал: «Это город, который убил и Пушкина, и Достоевского!» Помню, что спорили сурово, помню, что в тот раз он не поехал в Питер. Но через год или два он впервые оказался там на конференции и с тех пор полюбил этот город. Потом, всякий раз, побывав на «Жебелёвских чтениях» в СПбГУ, он возвращался в Саратов будто обновленный, будто помолодевший душой. Все поездки в Петербург (также, как и в Москву, Нижний Новгород, Казань, куда мы в 2000-е, по 3–4 раза в год ездили вместе на конференции, которые тогда регулярно проходили в каждом из названных антиковедческих центров), так вот, каждая новая поездка заряжала его на несколько месяцев. Вообще-то Женя был тяжел на подъем. Но отправляясь на очередные «чтения», как только мы с ним садились в поезд, начиналось путешествие, и он преображался.

По натуре Е.С. был домосед, любил свой дом, свои книги, свою комнату и рабочий стол, тоже весь заваленный книгами, а еще он очень любил кошек. Женя любил свою семью и покой, но любил и шумные

компании, песни, посиделки до утра, застолья с крепкими напитками и острыми яствами. Еще одна сторона смыковской фигуры — это его специфические блюда! Он не был гурманом (в самом этом слове есть что-то ресторанное, элитарное, аристократическое, а это вовсе не про Женю), но как он умел готовить и как он любил угощать! Про это знают все, кто бывали в гостях у Смыковых. Но не только, не только. Собирались ли мы на кафедре в 1990-е – 2000-е гг., выезжали большой компанией за город, в лес, или у нас на даче (а в 2020-е гг. это бывало каждое лето в августе), обычно заготовка шашлыка — забота Смыкова, а позднее — Смыковых, ибо последние годы этим заведовали уже сыновья Жени — Иван и Колянчыч, которым любовь к приготовлению и угощению передалась по наследству. Зачастую и салаты — тоже смыковские, и рыбные закуски тоже. И всё это обыкновенно острое, огненное, ядреное, с избытком перца, лука, чеснока, со всяческими приправами и специями. И сам Женя в жизни был острый, горячий, ядреный. За эти искренние его черты мы все его и любили.

Последний Женин юбилей праздновался широко, по-смыковски! На 60-летие его ученики — бывшие студенты, нынешние Женины друзья — подарили Учителю и Другу большой фотоальбом. Этот роскошный том, переплетенный, с качественными фотографиями (их, наверное, свыше сотни) называли словами песни из старого советского фильма: «Наша с тобой биография». Альбом собирал мой однокурсник Илья Булкин, но участвовали тогда в подготовке все, знавшие и любившие Женю. Помню, в один из приездов к нему в гости в 2022 г. он с нескрываемой радостью показывал мне этот подарок. В тот вечер дома были младшие Смыковы, пришел Олег Бунин, мы пили армянский коньяк, слушали на компьютере советские песни и, листая фотоальбом, поднимали тосты за тот или иной классный снимок. Подарок, действительно, замечательный, сделанный с любовью.

В сентябре 2024 г. Е.С. перенес инсульт, после чего три с лишним месяца пролежал в больнице. Он стойко боролся с болезнью, но восстановиться ему так и не удалось. После возвращения из больницы, с января 2025 г. он не выходил из дома, но продолжал вести занятия в СГУ дистанционно. Ему очень хотелось быть полезным. В июне 2025-го он выпустил последних своих дипломников, подготовил к защите аспирантов и не сомневался, что поднимет тост за успешные защиты их кандидатских диссертаций.

В июле и августе сыновья и младший брат выводили его к подъезду — на часок-полтора посидеть на лавочке и подышать свежим воздухом. И каждый раз, выйдя на улицу, Женя звонил мне по телефону и

хвастался, что снова его, неповоротливого бегемота, заставили передвигаться. Как я понимал, каждый такой выход давался ему с трудом. Он рассказывал, что спускался и поднимался с передышками и спотыканием, всегда бурчал, но в итоге был рад этим прогулкам.

В августе, когда я с семьей жил на даче моих родителей под Энгельсом, мы почти каждый день созванивались с Женей. Дважды я его навещал и привозил гостинцы — урожай с родительской дачи. 12 августа я приезжал один. Мы говорили о литературе, о фильмах, об университете, Женя с гордостью рассказывал о своих дипломниках и аспирантке Татьяне Долговой. Много говорили о кафедральных коллегах, и Женя тогда сказал (как бы подводя итог, но кто бы знал тогда о его кончине, за три недели до?), он сказал, что рад тому, что успел написать про всех коллег кафедры, которым благодарен, что написал про всех, про кого хотел: Таисию Павловну Кац, Владимира Ивановича Каца и Сергея Юрьевича Монахова⁵⁷. В Женином рабочем кабинете мы втроем, с его женой Мариной, пили чай с печеньями и пряниками. В тот приезд я успел поговорить и с Галиной Валентиновной, мамой Жени. Должны были подойти и его сыновья, но ни Ваня, ни Коля не смогли тогда вырваться с работы. В гостях я провел более двух часов, видел, как рад встрече хозяин, но заметил, что от долгого разговора он устает! Я пообещал, что в августе заеду как-нибудь еще. И ровно через неделю мы снова собрались за столом у Смыковых, на этот раз уже семьями в полном составе. Я был с женой и детьми, приехали и младшие Смыкова. Иван купил торт, печенье, и мы устроили пиршество.

В июле 2025 г. в серии «ЖЗЛ» вышел долгожданный том о Помпее, и 18 августа, накануне нашего визита, Татьяна Долгова, аспирантка Е.В. Смыкова, привезла для него из Москвы пять авторских экземпляров. Вечером того же дня Женя звонил мне по телефону: «Саныч, я хочу тебе подарить “Помпея”». Я стал его уговаривать, чтобы он оставил все экземпляры для саратовских коллег и друзей, что я еще успею получить подарок. Но Смыков был настойчив: «Нет, я уже всё распределил как надо: один уже подарил Тане с благодарностью, второй — тебе, третий — Юричу (С.Ю. Монахову) ко дню рождения, четвертый оставлю себе, а пятый — подпишу Маше». (Именно так он тогда распределил; и об этом мне в письме напомнила Маша Растегаева, когда прочитала мой мемориальный очерк, опубликованный в «Вестнике РХГА»⁵⁸, где я

---

⁵⁷ Ссылки на эти публикации см. выше, примеч. 2.

⁵⁸ См. *Синицын А.А. In memoriam amici mihi — прощание с Евгением Смыковым* // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические

позабыл имя пятого человека в тех смыковских расчетах его книжных подарков.) «Ты должен увезти книгу с собой!» — настойчиво сказал Женя по телефону.

И когда на следующий день мы всей семьей у них чаевничали, он подписал для меня новенького «ЖЗЛовского» Помпея: «Дорогому Саше *donum auctoris* с теплыми воспоминаниями о нашем прошлом и надеждой на такое же теплое будущее, на много долгих душевных разговоров, на ответный дар в виде “Фукидида” или “Софокла” и пожеланием всего хорошего — и в работе, и, особенно, в домашней жизни, теплой и уютной. 19.08.2025 г. *Vene tibi!* [И ниже — смыковская подпись-закорючка]».

Получив из рук автора книгу, я тут же за столом зачитал эту Женину надпись в качестве тоста, и все мы чокнулись чашками с чаем. Я видел, как он радовался этой книге, и я понимал его радость. Эта книга, которую он вместе с соавтором Антоном Короленковым дорабатывал уже после того, как в сентябре 2024 г. с ним случился удар, а потом он до конца декабря пролежал в больнице, эта книга была вещественным подтверждением его победы над болезнью и немощью!

В тот день у Смыковых мы сделали несколько снимков. Это была наша последняя встреча. При прощании в коридоре я обнял Женю: «До скорого, старина!»... И я помню, как сердце мое защемило, потому что я почувствовал худобу его плеч под накинутым на тело широченным свитером.

Первого сентября мы, как обычно, созванивались и поздравляли друг друга с Днем знаний и началом нового учебного года, делились новостями, желали друг другу всего-всего. Я рассказал о нашем возвращении в Петербург, о встрече с друзьями — историками, археологами и философами, которых знал и Женя. Всё было как всегда. Женя сказал, что планирует в ближайшие недели завершить несколько статей, готовит новые курсы и вот-вот приступит к занятиям в новом учебном году...

Последний его звонок был 4 сентября. А в субботу, 6 сентября, Женя почувствовал себя неважно. Его состояние резко ухудшилось в воскресенье, родственники вызвали «Скорую», и медики увезли его в больницу на Первой Советской. А это был выходной день...

Утром 8 сентября Евгения Владимировича Смыкова не стало. Он ушел на 64-ом году жизни, не дожив ровно два месяца до следующей своей годовщины. В тот же день утром, собираясь на работу, я получил

сообщение от сына Е.С., Николая: «Отец умер». Посыпались звонки от коллег, друзей... Все уже знали о случившемся. И для всех это было ударом.

9 сентября, отчитав лекции в академии, я вылетел в Саратов на похороны друга. 10 сентября состоялась гражданская панихида. Проститься с Е.В. Смыковым пришли более сотни его коллег и учеников разных поколений, приехали его друзья из Астрахани, Маркса, Москвы, Самары, Санкт-Петербурга. 13 сентября урна с прахом Е.В. Смыкова была предана земле на Елшанском кладбище. Он похоронен в одной могиле со своими родственниками — отцом и бабушкой.

На поминках его старший сын Иван рассказал, что, уезжая в больницу, в тот, последний раз, отец пытался шутить и процитировал любимые строки песенки из старого советского мультика «Отважный Робин Гуд» (1970): «При свете солнца и луны / Нет смерти Робин Гуду!»

Эти строки написаны поэтом Евгением Аграновичем, автором песен «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...» и «От героев былых времен...» Последняя звучит в кинофильме «Офицеры», который был одним из любимых фильмов — моим и Смыкова. Песня называется «Вечный огонь», и в 2000-е гг. она стала как бы «гимном» кафедры истории древнего мира СГУ. Бывало, соберемся на кафедре или в гостях у кого-то, Мосолкин играет, а мы поем советские песни. Хорошо и много поем старого, доброго, патриотического. Но в какой-то момент Женя обязательно попросит: «А давай-ка, Саныч, нашу! И так, чтоб по-настоящему». Поем проникновенно, всерьез. А финал помнят все, кто нас слышал, ибо в нашем исполнении в финале неприменная смыковская фраза: «И небо в парашотах».

Кончина Е.В. Смыкова — огромная потеря для кафедры, для Института истории и международных отношений, для университета, для российского антиковедения; это невозполнимая потеря для родных и всех, кто был с ним близко знаком. Но остались два его сына, десятки его учеников, его научные труды, а главное — память о замечательном Большом Человеке, каким был Евгений Владимирович.

Как-то не принято признаваться мужчине в любви к друзьям, но тут скажу, что одним из тех, кого я любил, был Женя Смыков. Мы на многое смотрели по-разному, часто спорили до ругачки, но любили друг друга. Он был одним из самых близких людей, которого будет очень сильно недоставать лично мне. И всем нам.

Эту маленькую повесть закончу стихотворением, которое написал в сентябре, после похорон Евгения Смыкова. Тогда мы ехали на машине

Сергея Васильева с Елшанского кладбища в дом Олега Бунина, чтобы помянуть нашего друга.

Проводы Е.С.

Большой богатырь, как античный гигант,
Окончил свой путь в понедельник с утра.
Навечно уснул непреклонный Эант,
На сцене остался один только хор.

И прах великана упрятан в сосуд.
Могилу укрыли живые цветы.
Прощай, Теламонид. Я плачу, старик, —
Другого героя не будет, как ты.

Сентябрьское солнце ласкало с небес
Собравшихся вместе родных и друзей.
Каким был красивым и теплым тот день,
Когда мы все-все хоронили тебя.

Е.В. СМЫКОВ: КОЛЛЕГА, ТОВАРИЩ, ДРУГ

С.Н. Ахиев¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: responsum@list.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

E.V. SMYKOV: COLLEAGUE, COMRADE, AND FRIEND

S.N. Akhiev

(Saratov, Russia)
e-mail: responsum@list.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Ахиев С.Н. Е.В. Смыков: коллега, товарищ, друг // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 42-45.

Именно в такой последовательности хочу начать свое повествование о коллеге, товарище и друге.

Далекий 1995 г. Написана выпускная дипломная работа. Замечу, написана за год до обозначенной даты. Просто потому, что в написание предшествующей курсовой работы еще предыдущего года обучения вмешался ОН — Евгений Владимирович Смыков. Столько вопросов к

---

¹ Ахиев Сергей Николаевич (Саратов), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

тексту я не слышал ни от кого, даже от научного руководителя, которым был, как и у Евгения Владимировича, профессор Виктор Николаевич Парфёнов. С другой стороны, такого количества вопросов еще молодому и не совсем опытному преподавателю пришлось услышать от меня: «А скажите, Карфаген – это полис?» Ну, современные доценты-профессоры-академики, слабо вам однозначно ответить на этот вопрос?

Евгений Владимирович ответил уверенно. В этой еще юношеской уверенности скрывалось знание. Знание источников. Именно источник был основой работы Евгения Владимировича. Сколько в последующем не пришлось знакомиться с его работами или работами его подопечных, именно текст источника всегда оставался в приоритете. «Что тут пишет Аппиан? А почему он так считает? А почему Плутарх этому мнению противоречит? А что тут значит оговорка Светония? А Кассий Дион ведь совсем по-другому освещает». И вот этот анализ источника стал главной методологической основой реконструкции истории Древнего Рима для Е.В. Смыкова. Глубокое осмысление данных источников было коньком научного осознания и поиска Евгения Владимировича.

Сколько интересных выводов мне довелось услышать... Спорили на кафедре до хрипоты. У меня даже сложилось мнение, что на мне он отработывал свои умозаключения. Кое в чем удавалось убедить мне его, но чаще приходилось признать правоту Евгения Владимировича и это все уходило в его очередную статью. Самые ценные для меня признания тех лет: «А ты знаешь, ты был прав...» Евгений Владимирович никогда не стеснялся признать ошибочность своего мнения. Но есть и другая сторона. Помню предзащиту своей диссертации, после которой один наш коллега в кулуарах сказал: «Я думал, вы с ним перестанете общаться». А ведь вышло с точностью наоборот. Поехали к нему домой, где Женя налил мне пол-литровый стакан чая и потом весь вечер сидели и построчно разбирали текст. Тыкал меня носом в неудачные умозаключения. Местами же извинялся за свою гиперкритику, увы, склонности к которой не лишены даже лучшие. Этот вечер под мягким светом настольной лампы навсегда остался в моей памяти. Уверен, тот бокал помнят многие выпускники Евгения Владимировича.

Так из коллеги он стал превращаться в товарища.

Еще одна страсть Евгения Владимировича – книги. До сих пор в недрах его библиотеки лежит одолженная мной книга – «Падение Кёнигсберга». Сам я прочитал ее раз десять. Женя мне сказал: «Не верну, пока не перечитаю. Мощная книга...». Не успел. Тема Великой Отечественной войны всегда была трогательной для Евгения Владимировича. Его тост «За НАШУ Победу!» стал обязательным на совместных

душевных посиделках. Читая книги запоем, не мог оторваться от них даже за столом. Как-то я одолжил у него собрание сочинений Стругацких, так все были в пятнах от борща (увы мне, добавил там пару таких же клякс, простите сей грех).

Кстати, о тостах. 2006 г., курсы повышения квалификации на базе ИВИ РАН, Москва. Почему-то именно наша кухонная комната стала центром застольного объединения коллег со всей страны. Евгений Владимирович всегда отличался своим талантом в приготовлении изысканных блюд. При этом, не отличаясь в мастерстве провозглашения тостов, он всегда был готов поддержать любую тему в ходе застольных бесед. Кого только не увидела эта кухня в те замечательные дни дружеских посиделок. Лекторы не стеснялись присоединиться к товарищеским встречам: Е.В. Ляпустина, А.В. Махлаюк, В.Н. Парфёнов, В.В. Деметьева, С.Г. Карпюк, А.Л. Смышляев, О.Л. Габелко, И.Е. Суриков и многие-многие другие коллеги и товарищи. Даже чествование дня рождения нашего уважаемого Олега Леонидовича Габелко произошло именно там. Как постоянный «жилец» этого помещения, с легкой руки кого-то из коллег прозванного «чумным баракком» из-за моего не вовремя наступившего заболевания, могу смело утверждать, что инициатива, энергия и пожелания Евгения Владимировича стали отправной точкой всех этих встреч. Вопрос — кто там был «душой компании», думаю, риторический. Именно там, в те дни, у меня появился ДРУГ. Друг, который, не спрашивая, молча подхватил две тяжеленные сумки с вещами моей новорожденной дочки, помогая переносить их из поездного вагона. Друг, который в гардеробе корпуса ИВИ РАН также молча взял мою сумку после внезапно заклинившей у меня поясницы. Друг, с которым можно было обсудить всё: новости, книги, кинофильмы, рецепты блюд...

Педагогическая деятельность Е.В. Смыкова заслуживает отдельного упоминания. Замечательные, эмоциональные, яркие лекции. Ставящие в тупик, заставляющие задуматься вопросы на семинарах. Что уж говорить о его дипломниках. Работы всех его выпускников – специалистов, бакалавров, магистрантов, аспирантов неизменно содержат следы его редактирования. Обсуждая темы работ, их глав и параграфов, Евгений Владимирович не стеснялся прямо надиктовать, а то и впечатать собственные решения поставленных задач, за что нередко выслушивал мои критические подколки. В свою пору, во время своего первого выпуска дипломников, я наслушался замечаний со стороны Таисии Павловны Кац, ставшей рецензентом большинства этих работ. На заседании кафедры она даже спросила: «Ты сам за них писал что ли? Что ни

фраза — твой стиль». Нет, не писал. Но обсуждал каждую фразу. После этой критики я по-другому стал относиться к работам своих выпускников. А вот Евгений Владимирович от такого не отказался. Объясняю это просто. В этих обсуждениях рождались идеи и замыслы его собственных научных статей.

Еще одна яркая и важная для него страница жизни Е.В. Смыкова связана с кинематографом. Однажды на кафедре, обсуждая кинофильмы «Даки» и «Колонна» на историческое соответствие эпохи, замысла режиссеров и сюжета, я вдруг спросил: «Ты смотрел “Доживем до понедельника” с Вячеславом Тихоновым? Ведь там также поднимается вопрос целеполагания исторического знания». Женя как-то помялся, сказал: «Видел давно, но как-то не впечатлился». Я был потрясен. Смотрел фильм и пересматривал его раз 30, единственным своим конкурентом по количеству его просмотров могу назвать разве что Антона Викторовича Короленкова. И вот тут такой ответ. Как так, с бунтарской душой Евгения Владимировича, с готовностью опровергать мнения авторитетов, с критикой всех и вся он не уловил момент бросания нового учебника истории и душевным метаниям тов. И.С. Мельникова по поводу цитат в угоду времени и пожеланиям сверху? Когда я все это обозначил, в ответ Евгений Владимирович сказал: «Знаешь, смотрел очень давно, нюансы не помню. Но обещаю посмотреть еще раз, но уже внимательней». Через две недели обсуждали фильм. Горячились, спорили. Но с тех пор, этот фильм стал одним из самых уважаемых для Жени.

А сколько открытий в кинематографе я получил от него! Многие старые добрые, местами трагические советские фильмы стали большим миром, приоткрывшимся мне благодаря Евгению Владимировичу. Спасибо тебе, дружище!

В голове мелькают образы встреч, обсуждений, научных замыслов, в том числе совместных. Так много хочется сказать. Жаль, что поздно...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ВСЕГДА БЫЛО ЖАРКО

А.В. Гладышев¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: gladav2002@mail.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

A MAN WHO WAS ALWAYS HOT

A.V. Gladyshev

(Saratov, Russia)
e-mail: gladav2002@mail.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Гладышев А.В. Человек, которому всегда было жарко // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 46-48.

Не нужно призывать в свидетели людей, хорошо знавших Евгения Смыкова, достаточно ограничиться опросом тех, кто просто видел его, чтобы убедиться, что автор не лжет.

Мне с детства запомнился один персонаж из соседнего дома. С неизменным удивлением я наблюдал его из окна: высокий, худой, кучерявый, вечно куда-то спешащий, немного сутулясь. Среди домочадцев

---

¹ Гладышев Андрей Владимирович (Саратов), д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории; заведующий кафедры региональной истории и музееведения ИИиМО СГУ имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи».

почему-то считалось, что он физик. Никто наверное не знал, но так считалось. Так вот этот «физик» зимой ходил в рубашке. Конечно, он ходил в рубашке (часто в той же самой) и в другие времена года, но, господа, Нижнее Поволжье в ноябре-декабре – не южный курорт. Предположение, что он так, налегке, спешил к своей машине, даже не возникало – на дворе стояли 1960-е гг. Наверное, закаливался. Потом он куда-то исчез, видимо, переехал или справил пальто, и мы не стали его узнавать... А, может быть, я просто вырос и перестал глазеть в окно на прохожих...

...Легкая ноябрьская непогода заставляла поплотнее укутываться спешащих по университетскому городку на занятия студентов. Было не то, чтобы очень холодно, но ветерок, налетавший с заволжских степей, норовил проникнуть во все не застегнутые места и заставить поежиться. Навстречу мне вывернул из-за угла Евгений и своим видом заставил вспомнить детство. Внешне – прямая противоположность вышеописанному персонажу: невысокий, грузный, медлительный и уже не кучерявый (разве что – местами). Он, как большой корабль, неспешно плыл среди суетливых студентов: расстегнутая на две пуговички рубашка диссонировала с атмосферой и внедренными мне бабушкой представлениями о необходимости беречь здоровье.

– Женя, дружище, побереги себя! Как говорится, «не май месяц».

– Андрей, мне просто жарко!

Открытая добродушная улыбка и румянец в пол-лица не позволяли в этом усомниться. Человек физически и душевно здоров, ему «просто жарко». Женя жил и работал так, как будто ему, действительно, жарко было всегда. Дискуссия о людях в прошлом могла состояться в любое время года и при любой погоде. И всем ее участникам, рядом с Женей, тоже было жарко.

Не буду сбиваться на банальное «он дарил людям тепло», но и мы были очевидцами проявлений его дружеских и отцовских чувств.

Другое время года, другой эпизод. То ли поздняя весна, то ли раннее лето. Тепло, но еще не жарко. Погода – наслаждайся жизнью. Пора сессии, когда преподаватель, слушая ответы своих студентов, задумывается о своем предназначении и правильности выбора профессии. Из состояния когнитивного диссонанса и печали от тщетности своих преподавательских усилий меня вывел Евгений, неожиданно возникший предомной у оградки университетского городка. Ни следа той ноябрьской неспешной размеренности и вальяжности; сама быстрота, блеск в глазах и ошарашивающий вопрос:

– Андрей, где можно срочно купить мраморную говядину?

– Здравствуй, Женя.

— Здравствуй. Так где?

Очевидно, что говядина, действительно, нужна была срочно. Да поймет меня правильно читатель: я не вегетарианец, но о мраморной говядине (а нужна была именно мраморная и никакая другая!) я скорее слышал, чем вкушал «ея». Думаю, на моем месте каждый мог бы растеряться. Места, где тогда в Саратове можно было купить мраморную говядину я, естественно, по старой рыбацкой привычке, не выдам. А тревоги Евгения объясню: на следующий день у его сына предстоял выпускной экзамен в Кулинарном училище. На экзамен этот положено было приходить со своим куском мяса. Вот папа и бегал по городу, как фуражир, старясь обеспечить полководцу победу в завтрашней битве. На беседу времени не было: Евгений отправился за экзаменационным инвентарем, а я остался в раздумьях о судьбе приготовленной для членов экзаменационной комиссии мраморной говядины... и, опять-таки, о правильности выбора своей профессии историка.

Несмотря на склонность к критике (порой, резкой и безапелляционной), отношений в обществе в целом и в одном отдельно взятом вузе, Евгений не был человеком «упёртым». Что-то он, вероятно, простить (понять) в силу своих принципов не мог, но где-то мог и «подвинуться». В период противостояния исторического факультета и ректората университета, когда факультет для удобства принятия административных решений был преобразован в Институт, и появился вместо выборного декана новый назначаемый директор (а затем второй «эффективный менеджер»), возник вопрос об участии оппозиционеров в коллективном праздновании Нового года. Евгений Радикальный заявил о своем игнорировании данного мероприятия. Многие ветераны оппозиции, порядком уставшие от нервозности и разочарованные результатами борьбы, склонялись к той же мысли.

— Ребята, а почему это *мы* должны уйти? Ведь это наш родной факультет, мы здесь выросли, мы отдали ему «лучшие годы своей жизни». Пусть Алексей Мосолкин принесет гитару, и мы под звон стаканов грянем «Орла шестого легиона»! Ведь «вечен Рим», так его рас так! Полис не стены, и не только администрация, это еще и люди!

Евгений Рациональный и авторитет Фукидида победили: «А, действительно...» И грянули, как обещали. Женя Смыков был из тех немногих преподавателей и ученых, которые определяют лицо факультета... Будь он хоть японский...

Больше никому стало.

Делать дырки в бумаге окон.

Но как холодно в доме! (хокку японской поэтессы Фукуда Тиё, XVIII в.)

НЕМНОГО О СМЫКОВЕ

Л.В. Ланник¹

Институт Всеобщей истории РАН
e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

A LITTLE BIT ABOUT SMYKOV

L.V. Lannik

(Moscow, Russia)
e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Ланник Л.В. Немного о Смыкове // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Сеницына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 49-52.

О Е.В. Смыкове сложно написать мало, но, как и всегда в случае с масштабной фигурой, бессмысленно надеяться пересказать желаемое сколько-нибудь достаточно. Хотя оооооочень хочется впасть во все более эпическое перечисление анекдотов и легенд... Вполне достаточно о Е.В. говорит хотя бы тот факт, что о Смыкове говорили многие, много и всякого десятилетиями и при жизни, а не только, как это часто бывает, «вдруг» и после смерти.

---

¹ Ланник Леонтий Владимирович (Москва), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН.

Редко кто в попытках воссоздать наглядный портрет Смыкова обходился без упоминания о нем, как о спорщике, яростном полемисте, вообще человеке, склонном увлеченно ругаться на широчайший круг исторических, политических и литературных тем. Еще меньше найдется (если вообще таковые найдутся) тех, кто при этом скажет, что со Смыковым было договориться легко, а мнения о действительно важном почти во всем совпадали. Ни на что подобное лично я не претендую, хотя постепенно и с годами мне стало казаться, что общего в воззрениях и вкусах у нас все больше, а категорических разногласий – все меньше, особенно с поправкой на особенности биографии.

Как считавшийся одним из самых бурных оппонентов Смыкова, а в политическом отношении и некогда – даже антиподом (причем незаслуженно), хотел бы несколько оттенить общее мнение о Е.В. как о полемисте. Очень многое в том, КАК он спорил, а не только О ЧЕМ и с каких позиций, заставляет меня искренне пожелать когда-нибудь научиться дискутировать как он.

Вопреки навязчивому впечатлению со стороны, когда слышались сплошные кимвалы и литавры, бешеное перечисление имен, дат, фактов и исторических анекдотов, и прочие элементы с «пригвождением к позорному столбу», Смыков всегда спорил О ТОМ, что ему дорого и важно, а не РАДИ ТОГО, чтобы кого-то уязвить или выставить на посмешище. Он негодовал не столько насчет собеседника самого, – сколь бы чудовищные вещи последний ни утверждал и как бы самого Смыкова ни провоцировал (зачастую – успешно... Ох, и фразы же были заявлены им в состоянии крайнего возмущения!), - а почти исключительно насчет его позиции, насчет тех идей и личностей, что ему в этой и за этой позицией виделись, порой даже за пределами осознания данных влияний самим оппонентом. Он никогда не переводил трудно дававшуюся ему (по разным причинам) дискуссию в бесконечный поток колкостей или паясничанья, в отличие, скажем, от непременно поступавшего именно так и без всяких авторитетов, как устно, так и письменно, В.И. Ленина. Хотя мог бы, ведь не менее Ленина был языкаст и богат на цитаты.

Смыков имел силу и мужество признать бытую свою неправоту, публично и по своей инициативе покаяться (ругая себя при этом зlostнее, чем кто бы то ни было) в былых заблуждениях и упущениях, горько жалеть о некогда недооцененном или слишком поздно открытом. При его отличной памяти нет никаких сомнений в том, что он всегда отдавал себе отчет в том, сколь радикально он передумал, - далеко не сразу и после явно трудных раздумий, - в отношении того или иного деятеля или явления. Примерам несть числа, ограничусь лишь тем, что как-то

поймал его с томиком Солженицына в руках и был поражен, ведь несколько ранее был свидетелем ликования Смыкова по поводу долгожданной смерти автора-антисоветчика.

Смыков никогда не был снисходителен к тому, кого удостаивал открытой дискуссии. Если он считал собеседника неперспективным, он просто опускал глаза, что-то невразумительно хмыкал, дистанцировался, торопливо отворачивался... Но начав обсуждать и спорить, он более никогда не считал оппонента недостойным всего набора своих аргументов. Не пускался в длинные нотации общего типа «вырастешь – узнаешь» или «ну, да тебе это не понять», лишь уточняя изредка, понятны ли его образы. В запале он даже явно льстил оппоненту, так что обрушивая на него страшные политические диагнозы, несколько переоценивал то, насколько весь ужас заявленных проклятий дошел до цели. Не называя имен: некогда он назвал своего собеседника «реинкарнацией Яковлева» (и, задыхаясь от ярости, тщетно ждал возражений). Собеседник не знал, кто такой Яковлев и не знает до сих пор, но «на всякий случай страшно обиделся» (цитирую Ивана Сулова).

Обнаружив в оппоненте политического «врага», Смыков переживал не сам факт «вражды», а то, что столь перспективный кадр пока не разделяет его убеждений. И хотя со стороны он хотел казаться Портосом, на самом деле он очень часто был на грани того, чтобы в момент пика эмоций вдруг сказать как аббат д'Эрбле: «Господа, переходите на нашу сторону!» И уж никогда о том, кого он удостаивал спора, да еще и не раз, он не сказал бы, как граф де ля Фер: «...таким людям таких предложений не делают».

В споре Смыков искал истину или хотя бы ту ее часть и редакцию, что хоть немного устроит обоих. И находил, ибо кто ищет – тот всегда найдет. Находил не путем мелочного торга и неискренних компромиссов, а в отчаянно-великодушной попытке понять и признать то, что за столь же горячими, как у него самого, эмоциями стоит что-то действительно важное, что с ним не согласны неспроста, и, видимо, где-то и по ту сторону есть нечто достойное уважения.

Даже если спор был прерван в 12-м раунде или вечно досадливыми обстоятельствами, Смыков не забывал о том, что его действительно затронуло, что сбилось с толку, заставило задуматься. По собственной инициативе и много недель, месяцев, лет спустя, он сам, первый, торопился напомнить о недосказанном, вдруг обрадовать оппонента: «А ты вот тогда сказал... и ты знаешь, я подумал...» - и обрадовать, захватить своим великодушием: «Я потом посмотрел – и действительно...» Если же он никак не мог согласиться и потом, либо нашел дополнительные

доказательства неправоты оппонента, то старался не возвращаться к прежнему, либо уж делал это сбивчиво, неохотно, словно отругиваясь и не желая начинать заново там, где ему было все ясно, и со своей позицией, и с противоположной.

Смыков всегда умел и показывал другим, как уважать противника, если его есть уважать хоть за что-то. Он мог очень искренне не разделять, не любить, осуждать за одно, но тут же оговаривать: «Сволоочь он... но (далее – подробности) это он умеет/знает/не струсил и т.д.». При этом сам он никогда не рядился в тогу непризнанного гения, не двигал вперед мировую науку (с перерывом на обед) и вообще часто отзывался не о науке, не о темах исследования, а именно об успехах своих (да и не только своих) скептически. Никогда в дискуссии с «младшим по званию» он не позволил бы себе аргументы «да я об этом 20 лет назад писал», «мне ли ты это говоришь» и т.п. Смыков вел дуэль, как равный с равным, забывая обо всем сейчас, но никогда не обманывая себя в том ЧТО и КАК было – потом.

Смыкова будет не хватать всем одинаково и каждому – по-своему. И, разумеется, никто и никогда не заменит всякому, кто имел счастье с ним спорить, столько раз услышанное (задыхаясь, потрясая указательным пальцем и забывая поправлять очки, уже не первый раз съехавшие или уже сорванные, чтобы задумчиво потерзать одну из их дужек): «Один момент, один момент! Но...! Понимаешь...» Как и многие другие фразы, с тем же порывом, того же заряда прозвучат они в ушах много, много раз. Но теперь – только как воспоминания.

УДК [94(3):378.4(470.44-25)](093.3)+929СМЫКОВ

ПРО СМЫКОВСКИЕ ТАПОЧКИ

И.Ю. Булкин¹

ООО «Центр реставрации и сохранения памятников»

e-mail: viamilitaris@mail.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

ABOUT SMYKOV'S SHOES

I.Yu. Bulkin

(Saratov, Russia)

e-mail: viamilitaris@mail.ru

Abstract. A memorial essay about Evogeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Булкин И.Ю. Про смыковские тапочки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синецкина. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 53-55.

С Женей Смыковым мы дружили 36 лет, начиная с 1989 г. Поэтому историй и воспоминаний о нем, о нас, о его легендарной «Волчьей стае», хватит на не один десяток авторских листов мемуаров. Но у меня до сих пор не укладывается в голове то, что его больше рядом нет. Он был на протяжении больше половины моей жизни, а теперь он где-то там... Может, Женя сейчас дискутирует с Суллой, спорит с

---

¹ Булкин Илья Юрьевич (Саратов), кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО «Центр реставрации и сохранения памятников».

Помпеем или ругается с Марком Крассом, а может, учит их потреблять напитки без градуировки и петь революционные песни.

Я еще пока не готов делиться воспоминаниями о наших с ним многочисленных экспедициях, путешествиях, встречах или других совместных мероприятиях. Поэтому расскажу нечто неожиданное, о чем сейчас вспомнят лишь очень немногие. Про тапочки Жени.

1989 г. Горный Крым. Владимир Иванович Кац вместе с Женей Смыковым направляется со студентами-практикантами и несколькими примкнувшими к ним лицами по традиционному маршруту по пещерным городам и монастырям, от Бахчисарая до Севастополя. Среди примкнувших лиц был и я, которого в последствие В.И. Кац неоднократно именовал не то сыном, не то внуком лейтенанта Шмидта.

Имея несколько спортивных туристских походов за спиной и будучи уверенным в собственных силах, я экипировался по традиции: рюкзак-самошейка литров на 80, НЗ на все случаи жизни, а на ногах отечественные ботинки типа «вибрам», которыми можно насмерть ушибить среднего медведя.

В том походе я и познакомился с Женей, который сразу сказал, что лучшая обувь для Горного Крыма – обычные домашние тапочки, а не мои «вибрамы». Ремарка: Женя использовал классические советские тапочки на резиновой подошве с задниками, сейчас такие уже не делают...

Первый день пути оказался не прост. Во-первых, по моей глупости (или по вине третьих лиц), я заблудился. Вернее, моя тропа не совпала с тропой, по которой ушли все остальные. Просто стоять и чего-то ждать я тогда не умел, да и сейчас не научился, поэтому я пошел вперед. И это действие повлекло за собой несколько часов моих бодрых скитаний по горам.

Во-вторых, моя незапланированная многокилометровая прогулка привела к пониманию, что «вибрамы» плюс большой рюкзак – не совсем подходящая экипировка для пеших походов по Крыму. Я умудрился не просто примитивно натереть ноги, а каким-то невообразимым образом набить огромные синяки на обеих пятках. По этой причине, когда произошло мое воссоединение с остальной группой, идти дальше в своих «крутых» ботинках я уже не мог.

И вот тут Женя извлек из рюкзака свою запасную пару тапочек и почти насильно заставил меня переобуться в них. Не могу точно утверждать, но, кажется, мне их даже к ногам бинтами примотали,

так как их размер существенно превышал мой собственный. В итоге до ночевки в Качи-Кальоне дойти у меня вполне получилось.

Вот так тапочки Евгения Владимировича спасли мои ноги, отчасти и мою репутацию опытного туриста, но главное — положили начало нашей долгой дружбы.

ПАМЯТИ МОЕГО РУССКОГО ДРУГА

Дж.Р. Расселл¹

Гарвардский университет, Нью-Йорк
e-mail: russelldeep@gmail.com

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

IN MEMORY OF MY RUSSIAN FRIEND

J.R. Russell

(New York, United States of America)
e-mail: russelldeep@gmail.com

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Расселл Дж.Р. Памяти моего русского друга // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 56-57.

Мы с Женей Смыковым были друзьями, хотя никогда не встречались лицом к лицу до его скоропостижной кончины. Лет семь или восемь назад нас познакомил по переписке наш общий друг Саша Синицын, который сейчас живет в Санкт-Петербурге, но когда-то жил в городе Покровске (Энгельсе) и вместе с Женей работал в Саратовском университете на одной кафедре. Все эти годы мы надеялись, что встретимся на Волге втроем, посидим за столом, выпьем вина и споем старые добрые русские и советские песни.

---

¹ Russell James R. (New York), Mashtots Professor of Armenian Studies, Emeritus, Harvard University.

В последние годы, с началом специальной военной операции на Украине, поездки из Америки в Россию стали затруднительными. Остается лишь надеяться, побывать на Волге-матушке еще при жизни, но уже будет слишком поздно для того, чтобы преломить хлеб вместе с Женей.

Он занимался историей древнего Рима, и иногда в письмах мы обсуждали проблемы античной истории, говорили о Вечном Риме. В нашей переписке Женя потчевал меня умопомрачительно смешными, гоголевскими историями о своем житие-бытие и в 1980-х гг. в деревне, которую мы с ним окрестили «Придуровкой» (Pridurovka – «Moronville»). Тамошний председатель, обычный безобидный пьяница, которого иногда ранним утром можно было застать спящим у забора, вбил себе в голову, что посетившая однажды деревню делегация достойных советских ученых была ячейкой троцкистских шпионов, ни больше, ни меньше. То, что бдительные чекисты 1980-х гг. сделали с его доносом, не известно, но в деревне об этом знали все.

В Придуровке Женя «отбывал срок» в качестве сельского учителя. Из нашей переписки я уже точно не помню, что на его уроках вытворяли юные деревенские лоботрясы, но это было также абсурдно и забавно, как известный анекдот Даниила Хармса (полностью вымышленный) о том, как четверо детей Пушкина постоянно падали со стульев, и это было настолько неблагочестиво, что из комнаты пришлось убрать святые иконы.

В сборник памяти Евгения Смыкова, подготовленный его коллегами, я отправил Саше свое эссе «Язык демонов, язык людей», которое посвятил памяти нашего саратовского друга. Надеюсь, что Жене оно понравилось бы.

Одним из удовольствий в Эдемском саду, по ту сторону, будет совместное поднятие бокала за столом. Ведь Рай, как мы знаем, является Четвертым Римом, где вино, которое бодрит и опьяняет, всегда льется рекой и не кончается. Только бы Господь, пути Которого неисповедимы, даровал нам эпоху Третьего Рима! Да благословит и сохранит Он его!²

---

² Перевод с англ. А.А. Сеницына.

УДК [94(3):378.4(470.44-25)](093.3)+929СМЫКОВ

ИНТЕЛЛИГЕНТ, ИСТОРИК, ПРАВДОЛЮБ
(ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОКУРСНИКА)

В.Г. Афанасьев¹

Независимый исследователь

e-mail: vga64@bk.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

INTELLIGENT, HISTORIAN, TRUTH-LOVER
(MEMORIES OF A CLASSMATES)

V.G. Afanasyev

(Saratov, Russia).

e-mail: vga64@bk.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Афанасьев В.Г. Интеллигент, историк, правдолюб (воспоминания однокурсника) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Сеницына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 58-59.

Интеллигент. Историк. Очень Добрый Человек. Так кратко я могу охарактеризовать своего однокурсника Евгения Смыкова.

---

¹ Афанасьев Валерий Геннадьевич (Саратов), выпускник исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Не помню такого эпизода, чтобы он кого-нибудь обидел. Всегда считал, что История — это для него образ жизни, особенно История Древнего мира, в которую он был погружен. Ведь там - наши истоки.

Интересно то, что Евгений никогда не был одинок. Он всегда рассказывал о каких-то встречах, походах, экспедициях.

Что меня подкупало в нем, в большом и добром человеке, — он всегда оставался ребенком, в самом лучшем значении этого слова. Евгений был ребенком и в наши студенческие годы, и позже, когда мы с ним виделись на встречах выпускников или в аудиториях истфака. С ним всегда было просто и интересно общаться.

Евгений — неисправимый книголюб. Помню на третьем курсе он буквально ворвался в аудиторию и сообщил, что в «Букинисте» появилась очень редкая книга о Древнем Риме, но денег, чтобы ее купить, у него нет. С деньгами, конечно, помогли. Сколько у него было потом положительных эмоций, и благодарная улыбка не сходила с его лица.

Он всегда для меня останется Женей — Интеллигентом, Историком, Правдолюбом с большой буквы!

ВОСПОМИНАНИЯ О
ЕВГЕНИИ ВЛАДИМИРОВИЧЕ СМЫКОВЕ

А.В. Зибаяев¹

Сургутский государственный университет
e-mail: zibaew@mail.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

MEMORIES ABOUT
EVGENY VLADIMIROVICH SMYKOV

A.V. Zibaev

(Surgut, Russia)
e-mail: zibaew@mail.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Зибаяев А.В. Воспоминания о Евгении Владимировиче Смыкове // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 60-62.

8 сентября 2025 г. в Саратове окончил свой земной путь талантливый исследователь, великолепный преподаватель и хороший человек Евгений Владимирович Смыков. Его смерть стала шоком как для меня лично, так и для моих саратовских университетских друзей, когда-то специализировавшихся в СГУ на кафедрах истории Древнего мира и истории Средних веков. Харизма и манера преподавания Евгения

---

¹ Зибаяев Антон Валерьевич (Сургут), кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета.

Владимировича навсегда остались в нашей памяти. Хочу поделиться своими воспоминаниями об этом удивительном человеке и учителе, изменившем мою жизнь.

Наше знакомство произошло в весеннем семестре первого курса (2008 г.) на вводном занятии по «Истории античной культуры», когда я впервые увидел перед собой преподавателя, мало похожего на всех остальных антиковедов кафедры. Первое, что сделал Евгений Владимирович, зайдя в аудиторию, – внимательно посмотрел на нашу группу строгим взглядом, представился и... тут же начал лекцию, не говоря больше ничего лишнего. Это произвело на меня ошеломляющее впечатление, и я понял, что «шутить шутки с Евгением Владимировичем не нужно». Его достаточно простой внешний вид удачно сочетался с эрудицией, умеренной жесткостью и хорошим чувством юмора.

О подробностях своей биографии Евгений Владимирович рассказывал очень мало, часто упоминая только, что его род, происходит из Алтайского края. По словам Евгения Владимировича, интерес к античности проявился у него с начальных классов школы, после прочтения первых научно-популярных книг по истории и мифологии Древнего Рима.

«Легенда об основании Рима достойна особого внимания, так как в ней проявляется весь дух римского народа. А этот дух – великий и могучий, ничем не хуже, чем у русского народа», – так говорил он нам, вспоминая впечатления из детства.

На кафедре истории Древнего мира Саратовского университета Евгений Владимирович работал с 1989 г. и за многие годы преподавания был научным руководителем у нескольких десятков студентов, решивших связать себя с античностью. Не менее плодотворной оказалась и научная деятельность ученого: им были подготовлены десятки публикаций в разных изданиях. Он был довольно демократичным научным руководителем, всегда прощая своим студентам мелкие промахи в учебе. Видя серьезные конфликты между учениками, он бил кулаком по столу и громко кричал, заставляя мириться, казалось бы, непримиримых врагов. Как добрый и отзывчивый человек, он не отказывал в помощи и тем студентам, которые специализировались у других преподавателей. Строго разделяя отношение к научному руководителю и к студентам, он помогал всем, кому требовалась помощь. Чувство ответственности за всякое взятое на себя дело, за учеников и друзей, было одной из ярких черт его характера. Не только его ученики, но и ученики его оппонентов и противников признавали, что «Евгений Владимирович своих не бросит и всегда прикроет».

Несмотря на то, что Евгений Владимирович многие годы преподавал в университете, себя он считал простым тружеником и очень не любил понятие «интеллигент». По воспоминаниям моего одногруппника и друга студенчества Тимура Улямаева, Евгений Владимирович на спецсеминарах часто призывал ребят оставаться прямолинейными людьми и не превращаться в «интеллигентов». Главными пороками человека, недостойными прощения, он считал тщеславие, чванливость и двуличие. «Эти качества губят исследователя и уничтожают все хорошее в любой личности», — говорил он нам.

Будучи энергичным человеком, Евгений Владимирович умел увлечь за собой самых разных людей, сохраняя дружбу с ними на долгие годы. Многие из его учеников были вдохновлены личным примером учителя. Он был внимательным читателем и жестким критиком (знаю это по своим текстам), человеком ответственным и требовательным, в первую очередь, к самому себе. Те, кто учат своим примером, ведут, причем не обязательно за собой, но подсказывают каждому его собственный путь. Таким был Евгений Владимирович Смыков.

В последний год моего пребывания в Саратове мы часто созванивались: поздравляли друг друга с праздниками, делились важными новостями и обсуждали перспективы различных научных тем. Евгений Владимирович звал меня приехать к себе в гости на дачу, но этого так и не случилось из-за разных обстоятельств...

Сейчас, когда перед глазами проносятся студенческие и аспирантские годы в *alma mater*, я вспоминаю, что Евгений Владимирович Смыков сразу и искренне поддержал меня в решении переехать из Саратова в другой регион России. «Антон, у тебя начинается новый этап в жизни, поверь мне, — говорил он, — и не оглядывайся назад». Спустя годы, я понимаю важность его слов, так как они стали напутствием в новой, тогда незнакомой для меня жизни.

Практически до последнего дня земной жизни Евгений Владимирович оставался плодотворным исследователем, творил и строил планы на будущее, планировал защиту докторской диссертации, которая, к большому сожалению, осталась недописанной. Его жизнь оборвалась в 63 года — остановилось сердце. Смерть Евгения Владимировича стала невосполнимой утратой для его семьи, коллег, многочисленных учеников, всех тех, кто был знаком с этим замечательным человеком.

ТАКИМ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ОСТАНЕТСЯ В МОЕЙ ПАМЯТИ

Т.А. Долгова¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: dolgova-tyan@yandex.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

THIS IS HOW EVGENY VLADIMIROVICH
WILL REMAIN IN MY MEMORY

T.A. Dolgova

(Saratov, Russia)
e-mail: dolgova-tyan@yandex.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Долгова Т.А. Таким Евгений Владимирович останется в моей памяти // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 63-65.

С Евгением Владимировичем Смыковым меня связал случай.

Весна 2017 г. Второй семестр. Мой первый курс. По истории Рима Е.В. давал задание: написать курсовую работу. Официальных курсовых у нас не было, но он считал, что такие работы на первом курсе необходимы – мы должны учиться писать. Он давал список тем, литературу, план и

---

¹ Долгова Татьяна Алексеевна (Саратов), ассистент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

подробные письменные разъяснения. Помню, что выбрала тему «Принципат Нерона», но пока листок дошел до меня – тему заняли. Ну и ладно, тыкнула пальцем в небо – попала в «Секст Помпей – Великого сын недостойный». Помню, как старательно писала две недели эту работу в своей комнате в общежитии СГУ № 4. А когда пришло время «разбора полетов», то Е.В. встретил меня хмурым взглядом. Кто-то из одногруппников сказал мне, что Е.В. заподозрил, что работа заказная... Подхожу, «опустив забрало» – готова драться. Е.В. начал «гонять» по тексту, спрашивать, как расшифровываются сокращения древних авторов, которых я там «поставила». Вдоволь намучавши меня, Е.В. похвалил работу и сказал фразу, которая надолго мне запомнилась: «Так еще *мы* на первом курсе писали!» Пообещал на экзамене поставить на один балл выше.

Пришло время экзамена. В расписании сессии он у нас стоял последним – 21 июня. Экзамен проходил в 407 аудитории 11 корпуса. Помню, что перед входом в аудиторию судорожно перелистывала чужие конспекты, повторила вопрос про Траяна. Зашла. Тяну билет... «“Золотой век” Римской империи: Рим в правление Траяна и Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия». Ну, думаю, красота! Сейчас – как ответу, да еще и на балл выше Е.В. обещал. Отвечаю. Вопрос. Молчу. Второй вопрос. Молчу. Третий вопрос – что-то промямлила. Поставил «четверку». Позже, когда обсуждали этот момент, он вспомнил, что я не ответила, как называется труд Марка Аврелия. Через пару лет он мне подарил красивое издание этой книги. Вспоминая сейчас свой ответ, кажется, что Е.В. по-хорошему должен был поставить мне «тройку» и выгнать из аудитории...

Тот же 2017-й. Прошло лето. Мой второй курс. Е.В. читает нам лекции по мировой культуре. После одной из лекций собираюсь с духом, чтобы подойти к нему и попроситься в дипломницы. Тема? Ну вот, думаю, писать про Секста Помпея было бы интересно. Договариваемся, пишу ему на половинке тетрадного листа адрес своей электронной почты. Далее состоялся незамысловатый диалог. Он спросил:

– Языки бум?

– Бум, – тут же ответила я, совершенно не представляя, чем это все мне грозит и чем обернется в дальнейшем.

А дальше пошли занятия латинским, потом греческим, первый доклад на «Ювенту» в апреле 2018 г. Все завертелось...

Июнь 2020. Время защиты бакалаврского диплома. Очень переживаю. В одном из писем делюсь переживаниями с Е.В. В ответ получаю «простыню» с поддержкой, где Е.В. впервые поделился со мной размышлениями о его собственном пути. В нем он писал, что ему «ближе живое отношение к тому, чем занимаешься», что «все мы начинаем с какого-то

набора, а потом идем вперед — и главное не потеряться и остаться самим собой». Теперь это письмо стало для меня напутствием на всю оставшуюся жизнь.

Осень 2024. Пока Е.В. лежал в больнице, с ним практически не было связи. Но постепенно ему разрешили читать и писать, и мы стали обмениваться письмами через его сыновей. Из писем было видно, что духом он не упал, что планы строит наполеоновские и вообще держится очень хорошо. Мы с Машей Растегаевой собирались и расшифровывали его почерк. На день рождения Е.В. удалось передать ему письма, подписанную открытку и нашу совместную фотографию с защиты магистерских дипломов. Потом мы с Машей стали передавать ему главы наших диссертаций на вычитку...

Август 2025. 17-го числа я привезла из Москвы для Е.В. авторские экземпляры «Помпея». Ужасно торопилась. Как чувствовала, что времени мало. Вечером этого же дня книги уже были у него. Пришли с Машей, пили чай, Е.В. угощал нас творожной запеканкой собственного приготовления. Поговорить подольше не получилось – видно было, что он устает.

21 августа. Забегала к Е.В. – забрать «Помпея», которого он подписал и попросил передать С.Ю. Монахову в качестве подарка ко дню рождения. Он выходил посидеть на лавочке у подъезда. Я была очень рада видеть Е.В. на свежем воздухе – его и раньше было тяжело выгнать из дома, а уж теперь... Виделись очень коротко, около 15-ти минут. Дальнейшие разговоры отложили на потом, и я побежала дальше, по своим делам и в шестой корпус СГУ, чтобы передать подарок. Никто и подумать не мог, что виделись мы в последний раз...

У Е.В. было много планов, он собирался ходить в университет. Планировал прийти на защиты наших с Машей диссертаций. Он был полон идей и желания жить и работать.

Не могу подобрать слов, чтобы описать горе и тоску. И мир без него стал совсем другим.

Жаль, что я застала Е.В. лишь в конце его земного пути... Не так уж много лет было нам отведено для общения. Мы сближались постепенно, и уже ко времени магистратуры он стал для меня родным человеком. Он очень любил кошек. Для поднятия морального духа я иногда присылала ему фотографии своих хвостатых питомцев. Я могла прийти к нему с любым вопросом, проблемой, даже с откровенным нытьем. С чем угодно. Е.В. всегда понимал, поддерживал, находил нужные слова. Разговоры наши обычно завершались его «Да нормально все будет! Прорвемся!»

Таким он был, таким и останется в моей памяти.

ЭПОХА СМЫКОВА
(ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО)

Д.С. Одинцов¹

Военная академия связи имени С.М. Буденного
e-mail: ob1kenobi@yandex.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

THE SMYKOV'S EPOCH (MEMORIES FROM THE RECENT PAST)

D.S. Odintsov

(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: ob1kenobi@yandex.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Одинцов Д.С. Эпоха Смыкова (воспоминания из недавнего прошлого) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 66-68.

Уход Евгения Владимировича Смыкова — это большая утрата, как будто часть меня, та, что остается вечно юной, ушла вместе с ним.

Мы давно не общались, и на мои редкие письма ответов не было. Причины были разные — просто так сложилось...

Помню, как после восьмого класса я поехал в свою первую археологическую экспедицию под поселком Волна. От нее осталось

---

¹ Одинцов Дмитрий Сергеевич (Санкт-Петербург), историк, преподаватель кадетского корпуса, школы IT-технологий, Военная академия связи имени С.М. Буденного; выпускник исторического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

множество приятных воспоминаний, но сейчас не об этом. Я понимал, что передо мной большой ученый и репетировал правильное приветствие (не напутать бы от волнения имя-отчество). Когда я впервые увидел Евгения Владимировича Смыкова, он сразу произвел впечатление простого в общении человека: массивный, с мощнейшим рукопожатием, очень доброжелательный. На раскоп он приходил, кажется, нечасто.

Потом для меня была эпоха студенчества на историческом факультете. Именно у Е.В. Смыкова я получил первое «отлично» (а спрашивал он основательно!). После «смотрины» на втором курсе я без раздумий решил, к кому пойду специализироваться. Все-таки Е.В. Смыков был Педагогом с большой буквы. Там, где нужно, он всегда поддерживал, всегда заступался за студента. Я уверен, что такие истории – про многих его подопечных. Евгений Владимирович мог полностью и по фактам разнести любой студенческий опус. Прочитав и перечитав текст от «А» до «Я», он всегда обсуждал и приписывал комментарии вроде «бред», «чушь», «поток сознания», но всегда находил слова надежды: «мысль хорошая», «не всё так плохо», «а вот это интересно». Его критика и похвала звучали органично, без фальши – зачем она ему была нужна?

Его перлы на лекциях и комментарии к студенческим работам достойны отдельной статьи, но, наверное, не здесь. Я мог прожить у него несколько дней, пользуясь библиотекой: он раздавал книги направо и налево, помогал с переводами, мы работали над языками. И это было для всех – по крайней мере, кто хотел учиться, тот учился.

В плане начитанности Евгений Владимирович был необыкновенным человеком. Казалось, он знает все книги на свете и мог, закрыв глаза и почти распевно, декламировать наизусть не просто стихи, а целые отрывки, всегда срываясь на цитаты про то да про сё. Он умел поддержать беседу даже с теми, кто не мог или не умел это делать, не обладал достаточным багажом знаний. Да, у него был вздорный характер: мог мгновенно выйти из себя, наорать, капризничать, – но очень быстро отходил.

Вспоминаю, как после окончания третьего курса мы с товарищами копали на Артющенко в Краснодарском крае. Мы в чем-то провинились (полагаю, что так и было), и он просто и четко скомандовал нам убираться из лагеря. Куда нам деваться? Ни палаток, ни денег, билеты просто так не поменяешь. В мою голову пришла идея: искупление «кровью» – работать до тех пор, пока нас не простят! Мы отработали положенные шесть часов, не приходя на завтрак, и

продолжили копать как черти. К обеду тоже не пошли. Где-то часа через три пришел Николай, сын Евгения Владимировича, и позвал нас обратно (видимо, в лагере уже пошел слух). «Ладно, молодцы, конечно», — сказал Смыков-старший, и мы распили с ним немного винца.

Это было прекрасное время — античности, эллинизма, великой, но не величественной Парфии и Митридата Евпатора. И оно ушло навсегда.

КЛЕВЕР, КНИГИ И АПОЛЛОН

А.В. Мосолкин¹

МГУ имени М.В. Ломоносова

e-mail: mosolkin@mail.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о доценте кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского Евгении Владимировиче Смыкове. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Е.В. Смыков, Саратовский госуниверситет, история древнего Рима, античность, биография.

CLOVER, BOOKS, AND APOLLO

A.V. Mosolkin

(Moscow, Russia)

e-mail: mosolkin@mail.ru

Abstract. A memorial essay about Evgeny Vladimirovich Smykov, Associate Professor of the Department of Ancient World History at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Smykov, Saratov State University, history of ancient Rome, antiquity, biography.

Для цитирования: Мосолкин А.В. Клевер, книги и Аполлон // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 69-78.

Вспомнишь и лица давно позабытые...

*Так легче – не так ли?
Так проще – не правда ли?*

Так и надо идти, не страшась пути...

---

¹ Мосолкин Алексей Владиславович (Москва), кандидат исторических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Был там и я. И, на толпу глаза...

Блинчики! Блинчики!

(Слова из песен, которые мы тогда пели)

«...Смыков».

Смыков? Нет, в нашей группе он ничего не вел.

Теперь-то моя память истыкана людьми и событиями словно кукла вуду ненавистного всем человека. Натертые мозоли берегут меня от разочарований. Я помню не длительные действия, а словно набор потускневших открыток с обтрепанными краями: лишь отдельные кадры, смысл которых нужно додумывать, а, может быть, даже дофантазировать. Но тогда, на первом курсе, все было свежим. Я помнил имена даже тех, кто вел семинары по истории, прости господи, КПСС.

Археологическая практика после первого курса. Это 1990 г. Уже тридцать пять лет тому назад. Не помню, какие были еще практики и сколько их было. Но Кац набирал группу на юг. Слово «Кац», напоминавшее, скорее, аббревиатуру («Какой-то археологический центр?»), мне не говорило ровным счетом ничего, но я решил ехать именно с ним. Даже не знаю, почему. Нет, не из-за моря. Вероятно, были две другие причины: практика проходила вдали от дома (хотелось самостоятельности) и нужно было пройти отбор. Сам факт отбора наделял дополнительным смыслом и притягательностью. Претендентов собирали раз в неделю в знаменитой шестнадцатой аудитории четвертого корпуса. Вероятно тот, кого звали Кац, что-то рассказывал о предстоящей поездке, но, признаюсь, в памяти не сохранилось ничего. По итогам встреч отобрали пятнадцать человек. Я оказался среди них.

Так вот, Смыков у нас ничего не вел. Даже не знаю, вел ли он у кого-нибудь хоть что-нибудь тогда, в далеком сезоне 1989/90. Где-то на периферии памяти у меня свербит, что кто-то из нашей компании Смыкова все же знал. Но откуда знал и почему — память противится что-либо предложить. Возможно, он заменял отдельные пары семинарских занятий. Ведь кто он тогда был? Всего-то аспирантишка.

Отличался ли он от своего собрата-аспиранта? Трудно сказать. Тогда были иные времена с иными представлениями и привычками. Вероятно, Смыков был замечен на факультете. Смыков постоянно для всего был великоват. Его присутствие воспринималось как явление. Когда он появлялся, то вокруг словно бы что-то менялось. Пространство тяжелело и расступалось перед ним. Даже когда Смыков являлся

неожиданно, то впоследствии возникало впечатление, что именно это все и ждали, а прежняя цель встречи уже казалась менее существенной и о ней словно забывали.

Таким образом, было понятно, если на вокзале появится неизвестный, то это и будет Смыков. Если будет Смыков — то это неизвестный.

Окончание непоследовательного силлогизма прицепилось к памяти: неизвестный обязательно Смыков.

Мы должны были копать на Красной Скале. Что такое эта самая Скала? Теперь-то легко узнать, что это крохотный хутор где-то под Анапой, а на спутниковых фотографиях даже различить отдельные дома и, что совсем уже невероятно, построенный недалеко аэропорт. Вот грохот-то там стоит! А что знали тогда мы, полтора десятка студентов, после первого курса исторического факультета? Да ничего. Ровным счетом. Мы были столь уверены, что не боялись покинуть свои семьи на три недели, лишив своих близких каких-либо вестей о себе. Какой сотовый телефон?! Помилосердствуйте! Стационарные-то телефоны были не во всех квартирах. Только телеграммы или письма. Но и письма шли несколько недель, а чтобы отправить телеграмму, нужно было ехать в Анапу, искать там почту, выстаивать очередь, заполнять бланк, где каждое слово что-то стоило, чтобы написать в итоге примерно следующее, старательно избегая предлогов и союзов: «Добрались нормально. Кормят хорошо. Погода солнечная».

Мы добирались долго. От Саратова ехали больше суток. Пятнадцать студентов в плацкартном вагоне! Точно, что неизвестный еще Смыков ехал в другом вагоне. Не потому, что купе, — нет, конечно, — а просто потому, что билеты наверняка брал отдельно. Ехали до станции Тоннельная, так как в Анапу поезд из Саратова не ходил. На Тоннельной нас ждал автобус, в который мы сначала загрузили рюкзаки, а потом уже втиснулись сами. Автобус нас довез уже либо до Красной Скалы, либо до Анапы, где нас забрала грузовая машина. Помню эту поездку в автобусе от Тоннельной. Все впитывали в себя южный пейзаж и привыкали к новому солнцу, под которым предстояло жить ближайшие недели. Боже, это была почти экзотика.

Мы были счастливы безмерно. Серега Васильев, Димка Мурашов, Леша Милованов, Наташка Чекалина, Оля Лысикова. Простите те, кто копал тогда, в июле 1990 г., но кого не помню. Мы и год не были знакомы, но тогда один месяц шел как нынешние несколько лет, поэтому казалось, что мы знакомы уже бесконечно долго. А тут призрачный неизвестный человек по имени Смыков.

Он действительно появился. Вероятно, я его впервые увидел, когда все загружались в автобус там, на Тоннельной. Какое-то беспокойство при появлении полного человека и указало мне, что это — искомый Смыков.

Появился так, что ошибиться было просто невозможно. Хотя и не помню, при каких именно обстоятельствах, — погрузка в автобус? — но я запомнил общее его движение и внешний вид. Если изобразить тогдашнего Смыкова тремя чертами, то пусть это будут следующие: беспокойная вихрастая голова с устаревшими очками, поношенное трико с поношенной майкой и огромное рукопожатие, в котором твоя рука тоннула вся и, кажется, ты сам вместе с ней.

Что ему было тогда? Нам-то всего 18–19 лет, а он на десять лет старше. 28 лет. Сопляк по нынешним нормам. Но то по нынешним, а тогда!.. Для нас он был взрослым. Да и на фоне нашей раннестуденческой худобы, если не сказать сильнее, он был вполне весом. Но не представитель.

Не знаю, каков был Смыков. Смыков сам по себе. Я могу лишь предложить свою реконструкцию, составленную по моим воспоминаниям, то есть все-таки по мне самому. Иными словами, я помню себя в 1990 г. и то впечатление, которое Смыков на меня тогда произвел. Вряд ли это и есть Смыков. Это лишь тот Смыков, что впечатался в меня. Я могу лишь описать затершуюся копию с утраченного оригинала. А уж правдив ли автор или как всегда врет, разобраться совсем трудно. Если вообще возможно.

Начну с практики. Лишь набор образов, ничего связного. Помню в нашем лагере котенка, которого звали Аполлон. Будучи с ладонь, он уже ловил мышей, что обеспечивало ему необходимую независимость. Над колодцем росла огромная какая-то шелковица, столь тяжелая плодами, что поедание их выглядело спасением дерева. На то дерево самые ловкие залезали. Каким-то образом на него взобрался и Смыков. Вероятно, ветви были невысокими, но тем не менее. Это говорит, впрочем, не столько о физической ловкости Смыкова, сколько о крепости дерева. Помню несусветное количество полевых мышей. Так много, что на них можно было наступить, когда шли к раскопу рано утром, до восхода солнца, даже еще не позавтракав. Виктор Николаевич Пилипко (это имя нельзя писать сокращенно), который приезжал за десять минут до конца смены и, не щадя наших сил, накапывал ножичком еще на полчаса работы. Да, да, самое важное: приезжал грузовик, который привозил пол-литровые бутылки чего-то молочного (молоко, кефир, снежок, ряженка) и пирожки.

Это была фантастика: под огненным небом, рядом с раскопом древней усадьбы пить из горла холодное молоко и есть пирожок.

Как ни странно, совсем не помню Каца. Вероятно, он жил не на Красной Скале, а в Анапе, в лагерь лишь наезжал, работая в основном на базе Горгишпии. Впрочем, с точностью не помню. Может быть, и жил в одной из палаток.

И вот Смыков. Кажется, только Смыков там и присутствовал, хотя сохранилось только впечатление. Именно то впечатление, которое образует сущность.

Ох, эта мода конца восьмидесятых — начала девяностых!.. Даже какая это, к черту, мода! Это просто то, что предпочитали носить при отсутствии возможностей. Пренебрежение к одежде было выдающимся. Доходившее до бравады. На расплывчатых цветных фотографиях того лета не разобрать лиц, но видны цвета. Смыков везде в трико и на нем разные майки. Одна из них — красного цвета. Майки без каких-либо надписей. Майки как таковые. Хлопчатобумажные. И трико как таковые. Тоже хлопчатобумажные. И явно не из специального магазина, а из ближайшего. На ногах — несуразные башмаки. Конечно, не кроссовки. Башмаки. А на раскопе, скорее всего, просто тапки. Майка всякий раз тщательно заправлялась каким-то выучено-автоматическим движением в трико, и в этом заправлении майки всякий раз было что-то обескураживающее наивное. Наверное, так научили еще в детском саду.

Да и сам я был тоже хорош, судя по фотографиям: клетчатая рубашка с закатанными рукавами, спортивные трусы и какая-то ковбойская шляпа.

У Смыкова был большой рюкзак. Нужно пояснить. Не тот рюкзак, какие есть сейчас, а тот рюкзак, что, по сути, огромная емкость с ляжками. Мешок с двумя ручками. Холщовый пакет с хлястиком. Пространство, ограниченное брезентом. Микрокосм. Какие там эргономика и удобство! Рюкзак тогда был почти у всех нас таким же — нечто брезентово-бесформенное, висящие и стершиеся веревки, чьи мягкие волокна я помню на ощупь до сих пор. Не уверен даже, что у рюкзака были тогда боковые карманы. Но профиль узнаваемый — сгорбленный студент, а за спиной — что-то огромно-круглое. Не прилегающее к спине. Без жесткого основания. Чудом прилипшее, вопреки законам тяготения. Огромное яблоко.

Смыковский рюкзак особенно выделялся. И формой, и размером, и весом. У нас у всех-то рюкзаки были тяжеловатые (вещей на три недели в походных условиях), а смыковский был пугающе неподъемным. Те, кто знали Смыкова, конечно же, понимали, чем набит его рюкзак.

Количество книг и одежды было обратно пропорциональным, и одежды был минимум. А все остальное — книги. Рюкзак книг. Они складывались особым образом: книги лежали внизу рюкзака, сверху лежала одежда и что-то несущественное. Книги помещались так, чтобы корешком они упирались в спину — так меньше был шанс, что острый угол вопьется в спину при ходьбе.

Опять же, прошло так много времени, произошел такой цивилизационный слом, что нужно подчас объяснять, зачем книги вообще нужно было брать с собой? Дело не только в том, что современная техника обесмыслила мобильность бумажных килограммов, а в том, что сейчас уже, кажется, любой бумажный письменный источник в археологической экспедиции выглядит бессмысленным. А тогда, тогда...

Тогда мы каждый день на большой перемене ходили в книжные магазины. В этом предложении современному человеку нужно объяснять уже почти каждую фразу.

«Мы». Это все студенты и все преподаватели. На большой перемене выходили из корпуса, — который бывшая «четверка», на тогдашней площади Революции, — и шли по книжным магазинам. Теперь в старой «четверке» находится что-то иное, что мне уже неизвестно и что уже совсем неинтересно и неважно.

«Каждый день». Ну, допустим, не каждый. В четвертом корпусе мы учились через день, ревниво деля его с филологами. Кажется, нашими днями были вторник, четверг и суббота. Именно в эти дни. Там, где занимались в понедельник, среду и пятницу, поблизости книжных не было.

«Большая перемена». Сколько же она длилась по времени? Вероятно, около получаса. А когда? Около обеда? Как ни странно, обходились без обеда, то есть не ели. Даже не помню, была ли столовая. Как правило, у нас были три первые пары. Между второй и третьей как раз можно было успеть добежать до книжного.

«Книжные магазины». Их было несколько. Дайте-ка припомнить. Так. На проспекте Кирова был магазин «Искусство». Раз. Помнится, там купил себе том Розанова — «Опавшие листья» и еще какую-то публицистику. На улице Максима Горького был букинист. Два. Там прошляпил в свое время «О духе законов» Монтескье и сильно позднее то же самое издание купил в чудесном букинисте в Тбилиси. Почти на пересечении Кирова и Чапаева был новый книжный с какими-то новыми книгами. Три. Книги были самые дорогие, но и самые шикарные. Там приобрел дневники Камю и двухтомник Ницше. Чуть дальше, и это четыре — большой книжный, «Дом книги». И, наконец, магазин «Дружба». Святая

святых. Он прятался где-то чуть в стороне, почти на пересечении Советской и Вольской. Там толпились книги европейских (т. н. дружеских стран — ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии) издательств. Книги были дороговатые и не всегда по теме, но именно там я купил шикарное издание сонетов Шекспира, — на английском языке! — изданное в Лейпциге. А ведь по пути еще цепляли взгляд книжные развалы. Если не купить, то хотя бы посмотреть. А ведь можно и полистать. Кажется, на одном из развалов купил трехтомник чего-то нового и странного — Толкиен.

Думаю, девять десятых, что было куплено тогда, у меня со временем ушло. Раздарил, сдал в библиотеки. Остались лишь крохи. Но это совсем не означает, что покупки были бессмысленными. Может быть, это были самые осмысленные и нужные покупки моей жизни. Нет, потом были десятки килограмм книг, привезенных со всей Европы, с перегрузом, допущенным великодушными служителями аэропортов; те книги, которые составляют единственную мою научную крепость — когда можно протянуть руку и достать с полки. Но крепкая и единственная основа сложилась тогда, на больших переменах. А уж сами издания были такими, что сейчас без слез и не взглянешь — чуть ли не на туалетной бумаге, с кошмарной обложкой. Тогда было не важно. Лишь бы можно было прочитать.

Поэтому смыковские книги, томимые в рюкзаке, были из этих самых магазинов. Были новые, еще не прочитанные. Были библиотечные из библиотеки СГУ, что было для студентов невозможно, так как книги, взятые зимой или весной, летом мы должны были сдавать, чтобы закрыть зачетку. Были в рюкзаке у Смыкова книги из библиотеки кафедры истории древнего мира, что было предметом страшной зависти, так как взять такую книгу на несколько недель могли лишь люди, привязанные к кафедре. И там могло быть уж совсем что-то невероятное — книги с печатью Императорского Санкт-Петербургского университета. Они могли быть на латыни или греческом — в походных условиях это выглядело настолько экзотически, что такие даже читать не нужно было. Сам их факт уже наделял держателя книги — даже не прочитавшего ее! — каким-то невероятным знанием.

Боже, неужели Смыков брал двухтомный Древнегреческо-русский словарь Дворецкого? Или все-таки был старый Вейсман?..

То есть, понимаете, Смыков на месяц взял с собою не лишние майки или, *me raenitet*, трусы, а двадцать килограмм книг, в том числе на древних языках, которые в общем-то для чтения в археологическом лагере особенно и не предназначались. Очевидно, что все их не нужно и

невозможно было читать в экспедиции. Тем не менее такая громоздкая книжная транспортировка была делом почти нормальным.

А что было у меня? Вот это я плохо помню. Но точно был Булгаков. Это было второе издание «Мастера и Маргариты» (там еще, помните, «Белая гвардия» и «Театральный роман?»), изданное в Ленинграде в 1976 г., которое отец купил уже давно у кого-то за приличные деньги, сопоставимые с месячной зарплатой. А не Ницше ли у меня был «Так говорил Заратустра»? Такое ужасающее издание. Из Ташкента. В мягкой обложке ядовито-рыжего цвета. Обзорение этого безвкусного тома тем не менее наделяло наблюдателя какими-то сверхчеловеческими чарами. Может быть, было что-то на английском? Не Эдгар ли По, чьи стихи я одно время учил наизусть?

В том издании Булгакова до сих пор между страниц, вероятно, сохранилась пыль анапских полей.

Точно помню, что взял у Смыкова почитать и на Красной же Скале прочитал книгу Кареева «Общий ход всемирной истории».

На книгах мы со Смыковым и сошлись.

Это предложение стоит понимать почти буквально. Мы именно ходили. По проселочной дороге среди поля клевера. Вдалеке, кажется, были почти плоские холмы. Все тогда было бесконечным — поле, небо, тема разговора, жизнь. Одурачивающая свобода мысли. Вот там, над этим клевером, что-то зарождалось у меня.

Почти все из нашей экспедиции уезжали в Анапу — море, знаете ли. Приезжал крытый грузовик с сомнительным шофером. Все запихивались в кузов, где вдоль бортов стояли деревянные скамейки. Не привинченные. На них можно было сидеть, лишь широко расставив ноги. Барышни часто размещались на коленях юношей, едва удерживаясь от счастья и рваного темпа разбушевавшегося на колдобинах автомобильного мотора. Да и водитель был не всегда трезв. Если Смыков и ездил в Анапу, — раз-два? — то только для того, чтобы посетить тамошний книжный. Там был шанс найти что-то из того, что в университетском городе было не сыскать. Эх, помнится, где-то на югах купил четырехтомник Мандельштама, тот, который под редакцией Струве. Не оригинал, разумеется, а репринт. Да и какая нам была разница — оригинал ли, репринт? Главное — чтение!

В общем, со Смыковым мы часто оставались в лагере и... трепались.

Я, хотя и провел все свое летнее детство на море, к купанию в морской жидкости относился спокойно. А вот почему не ездил Смыков? Думаю, ответ здесь был один — он, вероятно, стеснялся выставлять свое не атлетичное тело. Но отговорка была, конечно, иной. Она выражалась

презрительным скосом глаз и какой-нибудь характерной губной трелью. Все это должно было заставить чувствительные студенческие души осознать степень своей нравственной деградации. Детский сад, конечно.

Те, кто Смыкова знал, понимает, что разговаривать с ним можно было часами. Совершенно сладостный и обволакивающий треп. До такой степени, что все остальные дела казались второстепенными — могут и подождать. А вот разговор был пленительным. Нежный и парадоксальный. Хлесткий и смешливый. Ироничный и самозабвенный. Трепались до одури. Смыков сам ждал разговора. Он сам уже был готов оставить все свои дела, чтобы поговорить. Разговаривали везде: при встрече на улице, на лестнице в университетском корпусе, сильно позднее — по телефону. Мимо нас дважды проходили одни и те же люди. Беседы текли, с одной темы хаотично перетекая в другую, лишённые последовательности, пошлости, выгоды. Можно сказать так, что это были беседы двух русских мальчиков. Не в смысле, разумеется, национальном, а в том смысле, что это были беседы двух русских мальчиков из Достоевского.

Конечно, не помню, о чем. Скорее всего о том, что мне сейчас покажется крайне поверхностным и даже глупым. Помню любимую тему раскопа того года (а может быть, и иных лет?) — кто лучше, греки или римляне? Мне даже неловко об этом не то, что писать, даже вспоминать. Но об этом спорили всерьёз. Со столь же идиотскими и смехотворными аргументами.

Наверное, это было важно. Юность — это бессовестное время. Бессовестных идей и действий. Бессовестных домыслов и опровержений. Это нужно было все исторгнуть из себя, чтобы глупости эти растворились в анапских полях, над всепрощающим клевером.

Давайте, сегодняшние, простим им. Когда люди свободны и счастливы, они часто несут много вздора.

Карнавальное раблезианство. Новоявленный Гаргантюа, рассуждающий о гульфиках, колоколах, пьянстве и латинском языке.

Свободааа!

Помню ещё одну тему. Мы говорили, что изучение древней истории позволяет исследователю обращаться к более поздним эпохам. Античник чувствует себя словно в праве рассуждать о последующих событиях, находясь в самом начале времен и обладая изысканным инструментарием. Не только рассуждать, но и действовать. Примеров множество (хотя и с разными результатами) — Моммзен, Де Санктис, Дукати, Тойнби, Цымбурский. Противоположные случаи мне неизвестны. Как правило, те, кто занимаются более поздней историей, уже не рискуют обращаться к древнейшим временам. Такое обращение сопряжено с

неизбежным изучением древних языков, что требует значительного времени и молодых мозгов. Можно провести дорогу лишь в одну сторону: от точки своего исследования до настоящего времени. А вот вглубь уже нельзя.

Эта простая мысль меня тогда поразила и осталась со мной, определив мой последующий научный выбор.

Я написал всего один абзац, после чего чувствую исчерпанность темы, а ведь это было содержание наших многодневных разговоров. Нет, не вспомнить, ни аргументацию, ни примеры, ни направление.

Не было разговоров о политике. Или же я их совсем не помню. Политика вторглась и наследила сильно позднее, процарапав смыковскую жизнь. Даже не столько политика, сколько чтение о ней.

Смыков неоднократно предлагал звать его на «ты». Но я так и не смог. По разным причинам, которые даже трудно сформулировать.

Многое, что развилось позднее или даже значительно позднее, для меня возникло там и тогда, в той экспедиции близ Красной Скалы в июле 1990 года. Люди. Любовь к далеким поездкам. Экспедиции, хотя не всегда археологические. Шелковица, которую я нещадно обдираю в любой южной стране под удивленными взглядами проходящих. Чемоданы, набитые одними книгами, под удивленными взглядами сотрудников аэропортов. Равнодушие к быту. Слова песен.

Роман «Мастер и Маргарита», который, спустя — *horribile dictu!* — десятилетия, выплеснется у меня во что-то совсем невероятное и непредсказуемое.

Чувство сумасшедшей свободы, совершенно плотское, которое хотя и не родилось тогда, но упрочнилось там, в клеверовых полях.

Даже тень неистового зверя Аполлона протянулась через долгие годы, реализовавшись в наших котах. Когда Смыков приезжал в Москву и всякий раз останавливался у нас, то один из них, Кобасяка, буквально не слезал с мощной смыковской шеи. Огромный Смыков боялся пошевелиться под нелепым и хрупким пушистиком. Гладить кота он мог бесконечно. Как-то я сфотографировал его с Кобасякой в обнимку — он сидел напротив окна, через которое ворвалось внезапное московское солнце, старательно огибая оконную раму и оставляя крестообразную тень на теле.

Сейчас Кобасяка расположился на коленях у меня. Что и на фотографии, сделанной лет шесть или семь назад, он все такой же котенок. Он давно уже нервно дремлет и сильно мешает набирать текст. Но я, глядя одной рукой его макушку, тем не менее терплю и не споняю.

Смыков бы, наверное, меня понял.

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК 2-252(=19):133.4

ЯЗЫК ДЕМОНОВ, ЯЗЫК ЛЮДЕЙ (ЧАСТЬ 1)

Дж.Р. Расселл

Гарвардский университет,
Нью-Йорк, США
e-mail: russelldeep@gmail.com

Аннотация. Слова, которые используются, по-видимому, сверхъестественными существами, как правило, являются поэтическими терминами. В данной исследовании, посвященном армянской версии апокрифического «Завета Соломона», показано, что демонические имена и речь, а также некоторые выражения часто демонстрируют глубокие закономерности языкового и культурного контакта с чуждыми группами, особенно с теми, которые обладают религиозным авторитетом или являются «близкими иными». Они также входят в лексикон ритуала.

Ключевые слова: Армения, «Завет Соломона», магия, демоны, *potina sacra*, *potina barbara*, мантра, хлысты («флагелланты»), К.С. Льюис, Дж.Р.Р. Толкин, Джамшид, Асмодей, святой Киприан, армянский талисманный свиток.

LANGUAGE OF DEMONS, LANGUAGE OF MEN¹ (PART 1)

J.R. Russell²

(New York, United States of America)
e-mail: russelldeep@gmail.com

Annotation. Words used ostensibly by supernatural beings tend to be marked poetic terms. In this study focusing on an Armenian version of the apocryphal Testament of Solomon it is seen that demonic names and speech, and certain glossolalic expressions, often display deep patterns of linguistic and cultural contact with alien groups, especially those with religious authority or the «near other». They partake also of the lexicon of ritual.

---

¹ This paper was delivered as a lecture to the University of Manchester in November 2009. Many years later I still remember the visit and thank my host, Dr. Alan Williams, and other colleagues there, for their extraordinary hospitality.

² Russell James R. (New York), Mashtots Professor of Armenian Studies, Emeritus, Harvard University.

Key words: Armenia, *Testament of Solomon*, magic, demons, *nomina sacra*, *nomina barbara*, mantra, *Khlysty* (Russian sectarian «Flagellants»), C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Jamshid, Asmodeus, St. Cyprian, Armenian talismanic scroll.

Для цитирования: Russell J.R. Language of Demons, Language of Men (PART 1) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 79-101.

*Светлой памяти Евгения Владимировича Смыкова
посвящается*

“It was Merlin... calling loud and intolerably glad above the riot of nonsense, *Qui Verbum Dei contempserunt, eis auferetur etiam verbum hominis*”
(C.S. Lewis)³

The voices in this paper, from the discordant clamor of infernal tongues to angelic choirs singing the strains of onomastica sacra, to the prescriptions of Armenian magical manuscripts and the verses of the poets of England, acclaim in unison the radiant memory of Evgeny Smykov. I hope Zhenya will enjoy this essay.

In his study «Language of gods and language of men: remarks on some Indo-European metalinguistic traditions»⁴, Calvert Watkins approaches a long-recognized problem in Homer and texts in Old Indic, Old Irish, and Old Norse: the poets cite the names men and gods give to different things. What men call the bird *kymindis*, the river Skamandros, and the giant Aigaiōn, for instance, the gods call *khalkis*, Xanthos, and Briareōs. In the *Śatapatha Brāhmaṇa* (10.4.6.1), what men call *aśva-*, «horse» — the regular cognate of *equus*, *hippos*, etc., meaning «fast» — the *devas* call *háya-*, meaning «impelled, driven». In Armenian the only word for a horse is *ji*, a cognate of the latter; while the reflex of **ekwos-* is *ēš*, «donkey». In this case the hierarchy has simply moved down one step: in the Avestan *Vīdēvdāt* (7.42), the donkey (*kara-*) is considered the least worthy *staora-*, «beast of burden», ranking below the horse⁵. The «gods» word is generally descriptive, charged, semantically marked, and belongs to an established lexicon of poets different from everyday speech though identifiably part of *known* speech. Thus, the Old Irish *Auricept na n-Éces* («Handbook of the Learned») distinguishes the various

---

³ Lewis, C.S. *That Hideous Strength*. New York, 1996. P. 348.

⁴ Watkins, C. *Selected Writings* / L. Oliver (ed.). Vol. 2. Innsbruck, 1994. P. 456–472.

⁵ Watkins, C. *Op. cit.* P. 460–462. On possible reasons for this demotion in Armenian, see Russell, J.R. *Two Armenian Toponyms: Hrasekaber and Išayr* // *AAL*. 1988. Vol. 9. P. 47–53 (repr.: *AIS*. 2004. P. 281–287).

registers of poetic language from *berla Fene*, the «language of the Irish»; and in India *samskr̥ta-*, «perfected» speech, stands apart from *prakṛta-*, «la matière brute du langage»⁶.

Specialists in the craft of oral poetry were taught these marked words, which set apart their compositions from everyday speech. They had to be recognized as such by an audience, and they had to produce an intended effect, for there to be any point in using them. The context of performance would thus be important: it could be sacral, in which case the marked terms, the «language of the gods», possess the power of *mantra*. Or the composition could be of solemnly social and historical importance: a heroic epic, for instance. The language of gods is a human invention or at least is known only through the intermediary of consciously spoken human language. But it is socially and psychologically elevated above everyday discourse and is intended to convey the audible sound of another world than this. This is a world temporally located in the past to which great deeds and events of collective importance to a community of listeners belong, a world in which supernatural beings were not only audible, but visible and tangible, the sounds of their voices alone enduring thereafter in poetry, but alive, a point of connection for mortals with them, with their immortality. Some of the ancients understood this as artifice: something sacred (*semnon*) is present in Homer's lies (*pseudesi*) and winged machination in the tale of Odysseus, says Pindar (*Nem.* 7.22–23). «Ephemeral! What is anyone? What is he not? The dream of a shadow is man. But when the god-given radiance comes upon them, a shining light rests on men and their lifetime is sweet» (Pind. *Pyth.* 8.95–97). It is not just victory in the games that Pindar praises here; it is the creation and perception of the works of the poetic imagination. So even when it is recognized that the reproduction of divine speech is artifice, that art of it provokes a transcendent mental experience recognized as important and valuable to man's social and personal existence.

The language of the gods is in poetry semantic, linguistic; but many Indian *mantras*, and *nomina sacra* in the magical texts of other traditions, are only partially so, or not at all. These are sounds to which a meaning may secondarily and arbitrarily be attached; but they are not natural words. By contrast with Indian usage the Zoroastrian sacred scripture, the *Avesta*, which is linguistic and intelligible in its entirety, is called *maqθra-spənta-*, «sacred *mantra*». Martin Schwartz, in a series of pioneering studies, has demonstrated that the text at the core of the *Avesta*, the *Gāθās* («Hymns») of the Prophet Zarathustra himself, consists of an intricate array of deliberate plays on the sounds

---

⁶ *Watkins, C. Op. cit.* P. 461, 467.

comprising words, distributed into symmetric patterns in such a way that whole passages generate others, with phrases flowering from phrases and whole hymns emerging as mirror-images, or perhaps the closed wings of a butterfly opening, the text becoming an inner- and outer-faceted jewel⁷. But the Zoroastrian mantras are semantic and the Indian ones are not: the term has evidently evolved in the two closely kindred language groups in different ways, as much else in their vocabularies has done⁸.

When we consider the divine language in most Gnostic texts in the Mediterranean world, it is much as in India – often entirely vocalic. Sometimes symbolic meanings are assigned to vowels: in the *Pistis Sophia* Christ pronounces the mystic word IAŌ – a rendering of the Hebrew pronunciation of the Tetragrammaton – and goes on to explain that the All came forth in *iota* and will come again in *alpha*; completion will arrive in the last letter of the syllable and alphabet, *omega*⁹. There is something of Christ's assertion that He is A and Ω here; and one suspects it was as much the sound of IAO as its

---

⁷ See, most recently, *Schwartz, M. How Zarathushtra Generated the Gathic Corpus: Inner-textual and Intertextual Composition // BAI. N.S. 2002. Vol. 16. P. 53–64*. I have benefited from the insights of Prof. Schwartz, and from the pioneering work of Saussure on the logogram and *locus princeps*, in an analysis of such features in Armenian poetics and epic: the song of the birth of Vahagn, other passages of the Tigranid cycle in Xorenac'i, and later texts including magical ones – in «Magic Mountains, Milky Seas, Dragon Slayers, and Other Zoroastrian Archetypes», delivered as one of the Ratanbai Katrak Lectures at the University of Oxford, 3 November 2009, published in «Bulletin of the Asia Institute» (2008 [2012]. Vol. 22. P. 57–80).

⁸ The Sogdian word for a magician, derived from **manthra-kāra-*, a maker of mantras, can imply spells that employ nonsense words. The parallel Arm. l-w, *margarē*, has come in Christian usage to mean a «prophet» – one whose words are powerful, not because of their sound but because of the importance and authoritativeness of the esoteric information – from God, about the future – that they convey. Zoroastrianism and Christianity are similarly ethical and monotheistic faiths; so the semantic development in Armenian might be seen as analogous to the process that produced the Zoroastrian usage.

⁹ The significance of sounds as beginnings and endings according to their position in the alphabet, with alpha first and omega last, confers upon them a spatial power: *Davies, O. Grimoires: A History of Magical Books. New York, 2009. P. 13*, notes that the demon of envy, Autothith, in *Test. Sol.*, can be banished by writing alpha, then omega. That is, the start and finish either confine and bind him, or else surround the worshipper and exclude him. So the word of a spell acquires, as it were, the characteristics of a living being: its sound is heat, breath, motion; its placement, a dimensional location. In *Test. Sol.* 4.81, it is possible the author adumbrates this idea when he explains that a certain female demon is generated from «a voice of the echo of a black heaven, emitted in matter» (*Duling D.C. Testament of Solomon // The Old Testament Pseudepigrapha / J.H. Charlesworth (ed.). Vol. 1. Garden City, NY, 1983. P. 953*).

meaning in Hebrew or its symbolism in the New Testament that made it popular. But more often the mystical sounds in these texts are unintelligible strings, of the kind Paul warns religious ecstatic practitioners to avoid (1 Cor. 14.7, 9)¹⁰. If these sounds are not semantic, then they must produce some other effect.

Roman Jakobson once observed, «The proverb is the largest coded unit occurring in our speech and at the same time the shortest poetic composition». It thus possesses both marked words and significant sound patterns allied to these. He then looked at the related phenomenon of children's cryptic words and expressions and found these to imbue both signifier and signified with a quasi-supernatural character, «a certain kind of shamanism». These observations on relatively simple phenomena serve as a jumping off point for the consideration of very strange and surprising examples of cryptic speech. He cites a spell for protection against *rusalki*, mermaids, published in 1908 by the poet Alexander Blok: Ау, ау, шихарда кавда! / Шивда, вноза, митта, миногоам, / Каланди, инди, акуташма биташ, / Окитоми ми нуф-фан, зидима. The Flagellant (*Khlysty*, *хлысты*) sectarians of pre-Revolutionary Russia used to say while worshipping, Киндра фендра киравеца; the first two words of one of their invocations, рентре фенте, had been recorded in 1747; and in 1914 Jakobson's sister, seeing a sectarian stroking a cat, asked him what he was doing and he said, «I am stroking the *kyndra* on the *fendra*» (Кындру по фендре глажу). He refused to be drawn when asked whether he knew what a *kiravetsa* was, averring only that it was an old, wise word.

«If nonsense is an art, it must have its own laws of construction», wrote Elizabeth Sewell; and from the Russian examples it is evident that the importance accorded to what are apparently nonsense words was sufficient for them carefully to be handed down over centuries. That is, even as nonsense words, as *nomina barbara*, they were marked and remembered. Jakobson finds typical of the dossier phonemes unusual to Russian, like *f*, and clusters like *n*, plus *t* or *d*, followed by *r*¹¹. I would see in terms like *akutashma* an imitation of Turkic noun-formation; with pseudo-Turkic verbal forms in the past tense in *kalandi*, *indi*, and *bitash*. Russians have lived for at least a millennium in close proximity to speakers of Uralo-Altai and Finno-Ugric – the «nearest Others», whose speech, subliminally registered, will play a role in the case of the language of a demon, to be considered presently. One would also suggest that words ending in *-andra*, *-indra*, and *-endra*, as well as, perhaps, those in

---

¹⁰ Cox Miller, P. In Praise of Nonsense // Classical Mediterranean Spirituality: Egyptian, Greek, Roman / A.H. Armstrong (ed.). London, 1986. P. 481–505, esp. p. 485.

¹¹ Jakobson, R. Retrospect // Selected Writings. Vol. 4. The Hague, 1966. P. 637–641.

the spell in *-arda* and *-avda*, might sound Greek, and carry overtones of Orthodox sanctity, to a Russian hearer. They are phonetically pleasant, not harsh; and this, too, seems a marker of non-semantic words associated with divinity. The *Khlysty* invented their language of the gods from what they heard. It had to sound pleasant, to establish meter and rhyme, and to have associations with languages thought to be good, or cryptically powerful, or both.

Jakobson drew from the known and relatively easy environment of Russian riddles and rhymes in approaching the more arcane territories of *nomina sacra*. In England, the free inventions of Oxonian philologists in the playing fields of fantasy and science fiction can be similarly illustrative, a way into more serious realms. The divine language C.S. Lewis invented for his science fiction trilogy is strikingly similar to Jakobson's *-V-ndra's*: the names of the holy planets Mars and Venus are *Malacandra* and *Perelandra*; while the evil being holding Earth in sway, though his name ends the same way, contains the Greek name of Ouroboros, the satanic worm that grips its tail in its jaws: *Ouroborindra*. In Lewis' Narnia books, the villains pay for their goods in Crescents and worship an idol, Tash, whose name just happens to mean «rock» in Turkish; he is protected by the Tashbān — the suffix for «protector» is Persian. Such a mixture of Turkish and Persian, with representations of Islam, that faith symbolized by the crescent moon, as idolatrous, provides a concise picture of the Ottomans. J.R.R. Tolkien, who admitted in an essay that making up languages was a sort of private vice, has his nice elves speak a sort of Finnish, full of vowels and soft, rolling consonantal clusters; while the rest of the good creatures of Middle Earth are decidedly Old English, Germanic types. Finnish is a positively marked «near Other» to Norsemen. But the nasty orcs and their ilk jabber in a harsh, agglutinative pseudo-Turkish that is used also for the sinister spell of the Ring. And Tolkien, like his friend and fellow don, resorts to a known, marked word in Greek for the name of the arch-villain: not Ouroboros the worm this time, but its close relative Sauron, the serpent. Both Oxford dons thus mark the dangerous Other as Muslim — the powerful Ottoman Turk at the gates of Vienna! — using strongly marked terms from a canonical, sacred language for him as well; and their good or divine fantasy languages are soft, and sonorous. When the *Lord of the Rings* cycle was filmed, the director presumably realized Finnish would mean nothing to most viewers, so the elves speak in lilting Irish accents¹².

---

¹² For a discussion of the two writers and the larger implications of their fictional inventions, see *Russell, J.R.* News from Zembla: a review article on John Garth «Tolkien and

C.S. Lewis and Tolkien used various living languages as sources for the invented languages in their works of fiction; and Jakobson studied the cult language of Russian sectarians. Both the English writers and the Slavic Flagellants seem to have liked the ending *V-ndra*; and this very pattern occurs within or at the end of nearly every word of a long glossolalic passage recited in isolation by a Presbyterian minister in America in the second half of the 20th century and transcribed by the sociolinguist W.J. Samarin¹³. He analyzes a number of written glossolalic terms used by the Russian sectarian Molokans, and suggests that «some of these look more like borrowings from a non-Slavic language than glossolalia». That is, the speech of alien neighbors influenced, subliminally or otherwise, the *voces mysticae* of the Molokan texts. And these words are no more random nonsense than the terms used by the Flagellants: a Molokan wishing to address the congregation in a state of inspiration must apply first to the presiding pastor with the rhyming, glossolalic phrase *Parginal assurginal (yuzgoris)*. Many Molokans lived in Russian Armenia in the Tsarist period; so when one encounters glossolalic phrases such as *Tarifta rafti khental*, cited by Samarin, one is tempted to see in them the ghosts of Turkish *tarifta* «on the side» and Persian *rafti*, «you went».

A late Byzantine text, *De daemonibus*, falsely attributed to the great Michael Psellus, describes a possessed woman «babbling» (*alalazousa*) «in some barbaric tongue» (*barbaron tina glōssan*). It is found to be Armenian; so an Armenian exorcist, sword in hand, expels the spirit molesting her with invocations in his own language. The woman remembers later a shadowy female creature with disheveled hair (*ēnemōmenas... komas*) – the typical coiffure of a demon. Who is she? One of the demons interrogated in the *Testament of Solomon*, 13.1, Obyzouth, has disheveled hair. But she is unlikely to have been Armenian. When in an Armenian prayer three saints confront the child-stealing witch, called Lilith by Jews but Al, literally «the scarlet one», by Armenians, Iranians, and Central Asian Turks, *maz nora ibrew zōji jar jioy*, «her hair (was) like a serpent, a horse's mane». Since the hair of the mane of a saint's mount is elsewhere invoked as a good and protective thing in Armenian

---

the Great War»; Elena Obatnina «Tsar' Asyka i ego poddannye», etc. // The New Leader. New York. Summer, 2004.

¹³ Samarin, W.J. *Tongues of Men and Angels*. New York, 1972. P. 77, 184–185. On p. 83–84, Samarin argues that his Presbyterian informant is reducing to glossolalia the sound patterns that come most naturally to him. But this surely cannot be have been the case for the Russians who produced *indra*-patterns. Rather, I think both groups echo sounds from what they believe to be «ancient» or «sacred» speech. Samarin is closer to the mark, then, when he declares that «glossolalia is a linguistic symbol of the sacred» (ibid. P. 231).

prayers, it is possible the copyist, in altering his text, was enjoying the buzzing, alliterative properties of /maz... zodzi dzár dzió/. And later on her hair is additionally described: *maz nora orpēs varazi xozi*, «her hair (was) like a boar pig's» – stiff and bristly¹⁴. This phrase, too, has an alliterative pattern in the sound «z»; and sibilants and buzzing noises tend to be used in demonic speech. Milton has his fallen angels hiss, like the snake in Eden; the *Qur'ān* has the jinn «whisper» (Arabic *waswasa*); and in the manuscripts from Qumrān the Hebrew term for «incantation» is *divrēi laḥaš*, «words of whispering». The Armenian text reaches for a familiar effect, perhaps.

But taken together, the descriptions leave little doubt that this widely known and very dangerous female spirit, the spurned first wife of Adam, had disheveled hair. She is also, invariably, pitch black in Armenian manuscripts and printed books. And the saints command and abjure her in good *grabar*, the Classical Armenian of the Divine Liturgy and Scripture. This is a Lilith-like demoness, then, and she is one who was well known to Byzantine Greeks. As for her tongue, the situation facing the relatives of the possessed woman in Constantinople, probably some time early in the fifteenth century, cannot have been unprecedented: Clement of Alexandria in his *Stromateis*, 1.21.142, sensibly observes that people possessed by demons do not speak their own language, but that of the demons who have possessed them. So it was to be expected that a Byzantine possessor-spirit might be babbling in something other than medieval Greek. Still the Armenophone demon so impressed Samuel Taylor Coleridge that he noted it in a gloss to *The Rime of the Ancient Mariner*, 1816: it inspired the *genius loci* that pursues the unlucky slayer of the albatross¹⁵. The only other malign supernatural being who made the transition from Armenia to English literature, to my knowledge, is the Zoroastrian archdemon Ahreman: Lord Byron translated the section on him in the *Etc atandoc'* («Refutation of Sects») of the fifth-century heresiologist Eznik of Kolb¹⁶.

---

¹⁴ [Harut'yunyan, S.] Hay hmayakan ev žolovrdakan aloťk'ner (English title: *Armenian Incantations and Folk Prayers*) / S. Harut'yunyan (ed.). Erevan, 2006. P. 130–131. This indispensable and meticulous compilation is marred, as is so often the case with recent scholarship from Armenia, by the failure to credit most Western scholarship in the field under study, the apparent presumption being that savants abroad adhere to a malign agenda.

¹⁵ See Russell, J.R. A Scholium on Coleridge and an Armenian Demon // JSAS. 2000 (1998–1999). Vol. 10. P. 63–71 (repr.: AIS. 2004. P. 989–997).

¹⁶ Byron did something that would have horrified the pious Archbishop and confirmed the poet's Mekhitarist tutors in *grabar* at San Lazzaro, Venice, in their suspicions he was mad: he presented Eznik's Arhmn/Haramani, the Frightful Spirit and enemy of our

Why is it that the demon inhabiting the Greek woman spoke Armenian? The Armenians, after the Greeks, were the largest ethnic group in Constantinople before the Ottoman conquest; and the second largest and sometimes largest Christian minority thereafter. They were neither remotely foreign — was not John Tzimisces himself an Armenian? — nor native; neither Orthodox — the Armenian Church has not since early mediaeval times been in communion with the Greeks and Russians — nor mere unbelievers. They were to Byzantine Greeks the *nearest aliens*, the closest Other, inhabiting that dangerous liminal space where the foreign language heard was common enough for it to penetrate the unconscious of a Greek. But it was not a language one liked, or was likely to learn, so it could be the speech of one's demons — as the Turkish saying has it, *Rum ve Ermeni dost olmaz*, «Greeks and Armenians can never be friends». And although the good islanders of Naxos call some demons after Jews and Arabs, the Nereid called *Arménis*, «the Armenian woman», or *Armenída* in modern Greek, is perhaps most popularly known to this day. Demons often speak — or in spells, are spoken to — either in one's own sacred tongue, as in exorcistic rites, or, as in the case above, in the tongue of the near other, a language marked by perceptions of fear, power, and negativity. Yet it is apparent from the story in *De daemonibus* that an Armenian exorcist was sought and found by the woman's family and he agreed to help them: the borders between people of different groups tend to be much more porous in magic than in other religious situations, even where hostility between those groups is common.

There is no hard and fast rule in this, and it is hard to see how there could be, since we deal after all, not with phonological or morphological aspects of language susceptible to the application of scientific law, but highly subjective and emotional responses to the cultural aspects of language instead. Idris Shah, who comments upon Obizuth, she of the disheveled hair mentioned above (he describes her merely as a dark woman with green eyes), notes in

---

Creator Ahura Mazdā as a romantic hero! This sort of backfiring was typical of its time — the Romantics made of the Satan of *Paradise Lost* more of a positive figure than Milton meant him to be; and Russian Satanists canonized a translation from the English as their own anti-Scripture (see Forsyth, N. *The Satanic Epic*. Princeton, 2003; Boss, V. *Milton and the Rise of Russian Satanism*. Toronto, 1991, which Forsyth seems to have missed). In our own day, H.P. Lovecraft's fictional *Necronomicon*, with its invocations in a guttural demonic speech to the dangerous extraterrestrial monsters Yog Sothoth, Cthulhu, and so on, is believed by hopeful or credulous readers of his fantasies to be authentic: I was once asked by the Harvard Library to field a query about the book from England, since Lovecraft mentions a copy in Widener. Others have invented and published «fake» *Nekronomika* (but what is a fake of a fiction?) meant to be used in satanic rites.

connection with the *nomina sacra* and *barbara*, take your pick, in *Test. Sol.*, about which we will have more to say presently: «It is common, however, for ‘Words of Power’ to be apparently meaningless, and few occultists interest themselves in matters of research»¹⁷. He does say «apparently». Even if one cannot produce an infallible law, there must be a discoverable logic in any speech act, including glossolalia and written nonsense, and a poetics to texts of the same. (And, not being an occultist, I interest myself in matters of research!)

So, if one looks, for instance, at Arabic Muslim magic, there are plenty of meaningful words as well as phonetically interesting nonsense. Of the meaningful variety, the *Basmalah* formula, «In the name of God, the merciful, the compassionate», is the *incipit* of the canonical text in the sacred language and plays a significant role in invocations. Mystic words, such as the names assigned to the seven sleepers of Ephesus, the *ahl al-kahf*, are often corruptions of Greek or pseudo-Greek: Doqiānōs, Kafšatiṭios, Sūs, and their dog, Qiṭmīr. I find that others so identified are quite obviously Middle Persian, though: Marnōš and Šādnōš are men whose immortality (*-anōš*) belongs to Mithra (Mihr) and joy (*šadī*). Such Iranisms crop up in the Aramaic magical texts produced by Jews, Christians, and others in Sasanian Mesopotamia; so their presence in Arabic may be the persistence of the pre-Islamic pattern, allowing a sense of the sheer geographical and temporal range of the encounters of Muslim magicians.

Jews were to Muslims both a feared reminder that the religion of the latter in some sense was secondary, derivative of another; and, not infrequently, a degraded community of despised *dhimmi*s. And of course, Jews retained their old reputation around the Mediterranean as magicians. So Hebrew figures strongly in Arab magic: Meṭaṭrōn – a name assigned in Kabbala to Enoch – is hailed as the chief of the angels; and the unvowelled formula AHYA ŠRAHYA ADWNAY AŠBAWT AL ŠDAY is easily read as *Ehyeh Ašer Ehyeh, Adonai Šəvā’ōt, El Šaddai*, «I am that I am, Lord of hosts, Almighty God»¹⁸. Hebrew, and pseudo-Hebrew, is a common language of spells and *nomina sacra* from Late Antiquity on: one encounters often in Greek magical texts ΠΙΠΠΙ, a rough copy of the appearance in the square Hebrew characters of the Second Temple period of the Tetragrammaton; and the mystic syllable IAO is an approximation of the pronunciation of the same. Again there is a

---

¹⁷ *Shah, S.I.* The Secret Lore of Magic: Books of the Sorcerers. New York, 1958. P. 215, 221.

¹⁸ See *Canaan, T.* The Decipherment of Arabic Talismans // Magic and Divination in Early Islam / E. Savage-Smith (ed.). Aldershot, 2004. P. 129, 139, 145.

continuation of older patterns: as in other contexts, so in magic antiquity, or the semblance thereof, confers prestige and, what is more important since magic is supposed to work, credibility.

But another, perhaps more important reason for the particular popularity of Hebrew amongst magicians, must have been the cycle of legends about king Solomon, in which his magical seal and knowledge of and power over demons are the pre-eminent themes. The figure of Sulaymān ibn Dāwūd – Solomon – in the *Qur'ān*, for instance, derives from Rabbinic sources in which his magical exploits were fully formed: he compels the *jinn* to build shrines, he lapses into idolatry and is punished by having his throne occupied till his repentance by another being in his likeness, and so on (34.12, 13; 38.34, 35, 40). Later tradition fleshes out this lore: there are 72 demons, and it is a *jinn* named Ṣaxr who both usurps the throne and finds the pebble called Samur, that is the Hebrew Šamīr-worm to cut the stones of the Temple. For his magical prowess, his magnificence, and the hubristic behavior that leads to his fall, Solomon is compared, extra-canonically, to the ancient Iranian epic king Jamšīd, a figure who derives proximally from the Zoroastrian scripture, the Avesta¹⁹. This is an important parallel; and we shall return to it presently.

One of the most important and widespread texts of demonology in general, and concerning Solomon's intercourse with the demons in particular, is *Test. Sol.*, mentioned earlier²⁰. Since it will be seen to be of some importance in Armenian tradition, too, it merits detailed description here. The text is in Greek, composed probably around the third century AD, and the first papyrus fragment dates to the sixth century²¹; but the roots are very much older and there was probably a Hebrew prototype. Hellenistic Judaism elaborated Solomon's status as an epic king, if not a holy man, and a thaumaturge; and he comes to be regarded as an exorcist by about the first century BC, perhaps because of his father David's ability by his music to expel evil spirits (1

---

¹⁹ Walker, J. Sulaymān ibn Dāwūd // Encyclopedia of Islam. 2nd ed. Leiden, 2009, s.v.

²⁰ On the text in the general context of magical literature, see most recently Davies, O. *Grimoires...*; on the enduring popularity of the text in the West, see Johnston, S.I *The Testament of Solomon from Late Antiquity to the Renaissance* // *The Metamorphosis of Magic from Late Antiquity to the Early Modern Period* / J.N. Bremmer, J.R. Veenstra (eds.). Leuven; Paris; Dudley, MA, 2002. P. 35–49. For a complete translation and commentary, see Duling, D.C. *Testament of Solomon*. P. 935–987. On the development in literature of the image of Solomon, see Torijano, P.A. *Solomon the Esoteric King: From King to Magus, Development of a Tradition*. Leiden, Boston; Köln, 2002 (I am indebted for this very useful reference to the friend and colleague whom this volume felicitates: Professor Michael Stone of the Hebrew University of Jerusalem, Israel.)

²¹ See *Byzantine Magic* / H. Maguire (ed.). Washington, DC, 1995. P. 127.

Samuel 16.14–23). The formulaic question *Mī atā?* («Who are you?») that introduces each colloquy with a demon in *Test. Sol.* goes back to apocryphal Psalms found in Qumran Cave 11. The text has been plausibly dated as far back as the third century AD, but Torijano prefers a fourth-century date²².

It seems to consist of two original parts: «A complex and comprehensive demonology is inserted within the haggadic framework of the labors of the demons on the Temple»²³. The framing narrative «in exorcisms and magical praxis usually furnishes an ‘historical’ context for the technique to be explained». Structurally it conforms, with some differences, to the narratives preceding incantations that state the mythical basis of the magical operation, its legitimizing and ennobling history, the testimony of its efficacy. These combinations of story and spell were called *Legendenzauber* by Grimm and later writers have retained this useful term of categorization. The story in *Test. Sol.* would seem, therefore, to have been added somewhat apologetically to a work whose primary purpose was practical magic; so «the wisdom tradition has been changed into a power tradition»²⁴. And from the simple query «Who are you?» evolves the questionnaire: 1. Who are you? / What is your calling? 2. Tell me in what sign of the Zodiac you reside. 3. What are your deeds? / 4. What is your business? 5. Which angel counteracts you?²⁵ The demon is then duly sealed and employed on the construction crew of the *Bēt ha-Miqdāš*.

The *Test. Sol.* Begins, then, with a demon named Ornias sapping of energy an unnamed boy who somehow inspires the builders of the Temple. The archangel Michael gives Solomon a ring with which to summon and interrogate the demons and to force them to work on the Temple. Among these is Asmodeus, Heb. Ašmedai – the only Iranian demon named in Scripture, of Wrath: *Aēšma daēva*, Mir. *Xešm dēw*. The potent remedy against him, the burning liver and gall of a fish, is known from *Tobit*, an apocryphal book steeped in Iranian themes and related to *Jonah*²⁶. And in *Test. Sol.* the demon avers that his principal function is to harm women’s marriage and child-bearing, which is what he does in *Tobit*. Solomon then falls in love with a foreign woman, practices idolatry for her sake, loses his kingdom, and writes his testament thereafter, in a repentant mood. The details of the story are richly elaborated in Rabbinic lore. Asmodeus, for instance, is known to divide his time between visits to the academy on high (the *Yešivā šel Ma’alā*) and earthly Jewish houses

---

²² Torijano, P.A. Op. cit. P. 41–52.

²³ Ibid. P. 54.

²⁴ Ibid. P. 57.

²⁵ Ibid. P. 59.

²⁶ See Russell, J.R. God is Good: On Tobit and Iran // I&C. 2001. Vol. 5. P. 1–6.

of study. Upon arrival on this planet, he drinks from a mountain spring which he then caps with a big stone. Solomon sends Benaia ben Yehoiada to empty the well and refill it with wine. The demon comes, sniffs the spring suspiciously, but gives in to thirst and falls asleep drunk: he is chained with a magic seal and brought to the king, for whom he finds the tiny worm *Šamīr* to cut the stones for the Temple. When Solomon credulously lends the demon his ring, the latter promptly casts him hundreds of parasangs into the desert and sits on the throne of Israel till the king's Ammonite lover Na'ama (by the way, the Na'ama of Gen. 6.1–2, according to the *Zohar*, is Asmodeus' mother!) finds the ring in the belly of a fish: here is a Jonah-like detail, perhaps with the *topos* of the ring of Polycrates thrown in for good measure. She returns her Israelite paramour, who has been wandering as a beggar and praying for mercy in the interim, to power.

Asmodeus also comments upon human vanities with weary disgust: he sees, for instance, a man who he knows will die in a week's time asking a cobbler to make him shoes to last seven years; he overhears the prattling of a fortune-teller and clairvoyant who is unaware that he is sitting above buried treasure²⁷. The demon comes across as an intelligent, grumpy but rather endearing supernatural being; and in Jewish tradition he is transformed into an entirely positive figure. A chronicler of the massacre of the Jews of Mainz by the Crusaders in 1095 mentions that according to an ancient book (*sēfer yāšān*) he read, Abraham, Isaac, and Jacob in the guise of three old men walked the streets before the Christian murderers came, reciting *Kaddish*, the prayer for the dead. Ašmedai and some other demons decided to fight on the side of the innocent people of Israel, and in the ensuing pogrom the king of the demons was killed: *qiblū 'āleihem dīn shomayim ū-fā'alū bə-sōd še-Ašmedai, mālkā də-šēdei, bā bə-ḥēl gādōl liqrāt ha-sōn'im ū'lə-hilāḥēm ba'ad ha-Yəhūdīm, və-nātan lə-Yəhūdīm sīmān: im yihyeh ha-dam adōm yihyeh tōv, ve-im yihyeh yārōq, mā še-hāyāh, hāyāh. Və-xēn māš'ū lə-Ašmedai neherag 'imāhem.* «They received upon themselves the judgment of Heaven and acted upon the secret that Ašmedai, king of the demons, comes with a great host against the enemy, to fight on the Jews' behalf; and he gave the Jews a sign: If the blood will be red then that is good; but if it is green, then what is done is done, and so they found Ašmedai slain with them [the Jews]»²⁸. *Adom*, «red», may be a pun on Edom,

²⁷ See *The Book of Legends: Sefer Ha-Aggadah* / trans. by W.G. Braude / H.N. Bialik, Y.H. Ravnitzky (eds.). New York, 1992. P. 123–131; *Hutter, M. Asmodeus* // *DDD*. P. 199; *Duling, D.C. Testament of Solomon*. P. 948 f.

²⁸ See Gershom Shalom/Scholem, «Perāqīm ḥadašim me-'inyānei Ašmedai ve-Lilit», *Tarbiz* 19. P. 161.

the code word for Rome: that is, if the Catholic Crusaders are defeated and cut down, it will be good; but if green blood, i.e., demonic ichor, is shed, then let God's will be done. Unfortunately, the host of Asmodeus was no match for the Crusaders. But in Jewish folklore he had children and grandchildren, who survived in the community of Israel.

The unusually sympathetic portrayals of Asmodeus in Jewish tradition, where the arch-demon can fairly be said to have been de-demonized – so fully was he assimilated into the cosmology of an omnipotent God and made a servant of the latter – may help us to understand a strange detail of Zoroastrian polemic. In the ninth-century religious compendium in Pahlavi known as the *Dēnkard*, or «Acts of the Faith», we are informed that the Zoroastrian dragon-man and exemplar of misrule, Aži Dahāka, Middle Persian Dahāg, Persian Zahhāk, who overthrew the great but hubristic king of the Iranians Yima Xšaēta, Persian Jamšīd, expressed ten bad desires – presumably, the Decalogue – in opposition to Yima's ten good counsels, and *ōraytā ī jahūdīh bun nibēg kardan, ud ōrušlem dēsīdan padeš dāštan, dahāg frādom ō awrahām ī jahūdān dastwar, ud az awrahām ō mōše ī narm paywand*, «made the Torah, the fundamental Scripture of Judaism, and built Jerusalem to keep it in. Dahāg [gave it] to Abraham, the Jews' first chief; and from Abraham [it went] to Moses of the soft tradition»²⁹. The «soft tradition», Prof. Shaul Shaked suggests, is scornfully contrasted to the strong one of the Mazdeans; and we may extend this strategy of derisive oppositionalism also, one thinks, to the strange choice of a demonic being as the negative counterpart of Yima. If Solomon was in Muslim tradition to be likened to Jamšīd, and indeed had built the Temple at Jerusalem with the assistance of an arch-demon, then Jamšīd's adversary Dahāg would be the likely candidate for chief contractor, a stand-in for Asmodeus, Demon of Wrath. Wrath itself, *xešm*, though personified, even in the *Gāthās* of Zarathustra seems to be an abstract power that infects all the demons rather than a being around whom a mythological character can be constructed. In Georgian, the Iranian loan-word *hešmak-i* becomes the term for a demon in general; and demonolaters are called by Eznik (the Classical Armenian writer mentioned above, whom Byron translated) **hešmaka-pašt*. The Mazdean polemicist will perhaps have wanted someone more concrete; and Dahāg, regarded in any case as a *tāz*, an Arab, will have fit the bill well – for even though throughout the Sasanian period the Jews were the exemplars of the monism that the dualist Iranians disliked, an attack

---

²⁹ See *Shaked, S. Zoroastrian Polemics against Jews in the Sasanian and Early Islamic Period // Irano-Judaica. Vol. 2 / S. Shaked, A. Netzer (eds.). Jerusalem, 1990. P. 85–104, esp. p. 88–89, 93, cit. Dk. 3.227.15, 3.288.1.*

on them composed after the fall of the dynasty could also be read by the Zoroastrians of the ninth century as an oblique criticism of the Arab Muslim conquerors of their country.

One might perhaps propose yet another reason for the association of Dahāg with Jerusalem. After defeating the dragon-tyrant, Farēdūn imprisons him in mount Damāvand. In MS Ouseley Add. 176, the Bodleian Library, Oxford, fol. 30r, Dahāg, Pers. Zohhak, is shown, not being chained or tied up, but being *crucified* – with nails through each outstretched arm and in each hanging foot. This scene is not unique in Persian art³⁰. Could not such a detail have been associated with the Crucifixion? Pagans regarded the divinization of Our Lord, Whom Jewish sources scornfully deride as «the Hanged One», as worthy of scornful ridicule, not because of His Incarnation but because of the intensely humiliating manner of His execution. Crucifixion was a punishment for slaves and bandits – and did not Christ, crucified between two bandits, ask at Gethsemane why He was being arrested with swords and staves as though He were a bandit? Pre-Islamic Persians shared the same view as the pagans; and Muslim doctrine, borrowing from Docetist heresy, simply denies that Christ perished on the Cross at all. Another reason, too, for the association of Dahāg with Jerusalem, may be proposed. Although there are Iranisms in the Talmud, and anecdotes about affable relations between Sasanian kings and Jewish rabbis, the two forms of Gnosticism most strongly Iranian in their culture and historical setting, Manichaeism and Mandaeanism, are both intensely anti-Jewish, excluding Israel entirely from the tradition of wisdom and the process of human salvation. Judaism is to both religions unrelievedly demonic; so perhaps the legend of Dahāg and the Temple is an indication of an anti-Semitism rooted in the culture of late Zoroastrian Iran itself. One recognizes also that the Mandaeans, at least, seem to have been specifically rebelling against Second Temple Judaism, from whose ranks they parted; so their animus may betray the special bitterness of rejection of (and from) one to whom one was intimately close.

---

³⁰ See *Abdullaeva, F., Melville, Ch.* The Persian Book of Kings: Ibrahim Sultan's Shahnama. Oxford, 2008. P. 66–67, fig. 37. The first known portrayal of Zohhak as crucified seems to be MS. Per. 104.3, Chester Beatty Library, Dublin, illus. in *Abdullaeva, F., Melville, Ch.* Op. cit. P. 35, fig. 17. The Bodleian miniature also adorns the dust jacket of the volume; and Dr. Abdullaeva, to whom I am indebted for the gift of a copy, told me that at first the press objected to the illustration, fearing precisely that this scene of a crucifixion might horrify potential buyers. Zohhak's name in Persian is enough like the Arabic of Isaac that conflation of the scene of the 'Aqedah, the Binding of Isaac, with the Crucifixion might have played a role in the evolution of the scene at Damavand. And the Muslims, after all, were to claim descent from Abraham's *other* son, Ishmael.

It should come as no surprise that Solomon figures prominently in Armenian magical spells, which invoke Solomon's seal (*knik'*), ring (*matani*), throne (*at'oř*), and temple (*tačar*). Some charms invoke the hair of the mane and the shoe of the hoof (*jioy jar, nal*) of his mount, as though he were a mounted warrior saint like George, Sergius, and Theodore, who ride down and lance dragons and demons³¹. The Classical Armenian pseudepigrapha include several short texts that belong to the Solomon cycle³². These include «From the commentary of the Paralipomena concerning the penitence of Solomon» (*I meknut'enē mnac'ordac' vasn Sołomoni apašxarut'ean*), «Concerning king Solomon» (*Vasn Sołomoni ark'ayi*), «The questions of the queen and the replies of Solomon son of David» (*Harc'munk' dšxoyin ew patasxanik' Sołomoni ordwoy Dawt'i*), «Concerning Solomon's books» (*Vasn greanc'n Sołomoni*), and «About Solomon's Books» (*Yatags greanc'n Sołomoni*). These excerpts show that the tradition of Solomon's truck with demons, his sinning, and all the rest, was well known to Armenians at an early date: «But he took other women, to the great outrage of the Children of Israel: not just to fornicate with them, but to take part also in their scandalous worship. For he was led astray by reason of his wisdom, and allowed his thoughts to wander down the paths of the women who collectively plotted the undoing of his soul, to the point that he erected idols on the mountaintops and fornicated in the open before the holy Temple and in plain view of his enemies...»³³. «When the help of God was denied him, he ordered his chamberlain to burn his books». Though fortunately the man hid the few that have come down to us, including the Song of Songs, there were so many others that the flames of the bonfire reached heaven. Solomon wept and God accounted it repentance (*apašx-arut'iwn*) to him³⁴. When his servants burnt his books, they reported back to Solomon that they had smelled a sweet aroma and seen a dove rising up to heaven and vanishing: the penitent king flooded his chamber with tears³⁵. *Test. Sol.* itself is missing from its expected place in the narrative cycle and corpus of known Clas. Arm. pseudepigrapha. But we should be in error, were we to infer from its absence in that corpus that it was never translated into

---

³¹ *Harut'yunyan*, S. Op. cit. P. 85, 113, 115, 117, 152, 153.

³² See Stone, M. Concerning the Penitence of Solomon // Selected Studies in Pseudepigrapha and Apocrypha. Leiden, 1991. P. 58–76; the translations of selected texts here are mine, from T'angaran Hin ew Nor Ktakaranac' / S. Yovsēp'eanc' (ed.). Vol. 1: Ankanon girk' Hin Ktakaranac'. Venice, 1896.

³³ T'angaran. P. 228 f.

³⁴ Ibid. P. 232 f.

³⁵ Ibid. P. 233 f.

Armenian at all or known in Armenia – for we should be looking in the wrong place.

Some texts that belonged initially to sacred literature but were so strongly magical in associations and content that they came to be used solely for magical purposes, resisted inclusion in the sacred canon and found a place instead in the texts of magic and of folk religion. Such is the case with the «Repentance of Cyprian», used throughout Christendom as a magical manual even though it deals with the conversion of a magician, Cyprian of Antioch, *ca.* AD 300, to Christianity. There is indeed a long version in Clas. Arm., *Apašxarut'iwñ Kiprianosi*³⁶; but the text has become, overwhelmingly, a work of folk religion and thaumaturgy. It is often inscribed talismanically on the illuminated scrolls called in Armenian *hmayil*, from Arabic *ḥamāyil*, the broken pl. of *ḥamīlah*. These are kept near the bed to protect women from the Lilith or Al. Or the texts are printed in small booklets containing other prayers similarly believed to have power against the forces of darkness. The writer of the *hmayil* is often a *tirac'u*, a practitioner without priestly ordination with the Armenian Church; and in Christian Ethiopia the *debtera*, a similarly marginal figure, produces similar scrolls of licit magical content. Scholarly attention has been focused hitherto on the texts of these objects; but one has attempted to study their illustrations within the recently articulated category of «outsider art»³⁷. If one looks, then, for *Test. Sol.* in Armenian, all one has to do is adjust one's sight, seeking magical rather than canonical texts, and then, like the purloined letter, it is in plain view: the first complete Armenian magical MS ever published in facsimile, and translated. It is a typical 17th-century magical miscellany, Venice, Biblioteca Marciana no. 210, and includes a work in Armeno-Turkish – also common in Armenian magical collections³⁸.

---

³⁶ For an edition of the long recension of the life of Cyprian in Armenian see *Akinean, Fr.N.* *Apashkharut'iwñ Kiprianosi* // *Handes Amsoreay*. 1961. Vol. 75. Iss. 1–4. P. 4–38. Akinean believes the Armenian text to be a fifth-century translation from the Greek of Eusebius of Emesa.

³⁷ See also *Wingate, J.S.* *The Scroll of Cyprian: an Armenian Family Amulet* // *Folk-Lore*. 1930. Vol. 41. No. 2. P. 169–187; *Feydit, F.* *Amulettes de l'Arménie Chrétienne*. Venice, 1986; *Lind-Sinanian, G.* *Armenian Magical Practices: Faith, Folk, and Fate, an Exhibition Catalog*. Watertown, 2003; *Gollancz, H.* *The Book of Protection*. London, 1912, on the Assyrian Christian magical MSS., which were produced in very close proximity to the Armenian ones; and on the Ethiopian material see *Mercier, J.* *Art That Heals: The Image as Medicine in Ethiopia*. New York, 1997.

³⁸ *Macler, F.* *L'enluminure arménienne profane*. Paris, 1928. P. 30: «Sergii horoscopi de hominibus, turcice cum caracteribus armenis; des scientia Salomonis circa Talismanos; tractatus duo de lapidibus; de peonia, ac de ejus effectibus; codex exaratus est anno 1616».

The text, fol. 43–111, begins with a *historiola*: Solomon, wishing to cure his 24-year-old daughter of infertility, questions 74 demons (in most Armenian sources, he has dealings with the standard number, 72). Typically the *recto* page contains the text; the facing *verso*, a crude, inky-black depiction of the demon being interrogated. The perfunctory *Zauberlegende* omits boy, Ornias, Asmodeus, Shamir, and Temple, and occupies only a few lines. Armenian literature is not allergic to such details; but, if one may venture gingerly into an *argumentum ex silentio*, two possible reasons may be suggested for the change in plot. First, Solomon’s daughter’s complaint is exactly about what Asmodeus *does*, as we have seen earlier with reference to the apocryphal Book of Tobit, from which *Test. Sol.* draws also the remedy against Asmodeus. The second reason, though, seems to me the more compelling: Solomon, the archetypal good magician, is invoked very often in Armenian spells of various kinds, and, prominently, conjuring against an unnamed arch-demon, in compilations of spells whose main purpose is protection against the child-stealing witch Al/Lilith³⁹. Helping women against barrenness, childbed fever, and similar problems, was an immediate concern of pre-modern people, against which the curious details of pretty youths inspiring the builders of a long-vanished Temple whose construction required also the assistance of an odd

---

³⁹ An example, from a printed *hmayil* scroll, from a (MS?) version dated 1 November 1717: cat. no. 95–77, collection of the Armenian Library and Museum of America, Watertown, MA: «Prayer for the binding of demons and *als.* / Solomon the wise saw the prince of the demons of darkness, who roared like a cloud and screeched like a dragon. Solomon says: O foul and accursed one, what are you? The demon says: I am the prince of the demons and mother of all evils and sins. I am the one who kindles enmity between brothers, contention and quarrel and disturbance and fornication. I enter into the hearts of men, bringing and sowing the seed of wicked desire. Solomon says: Arise, that I may see you. And he arose, greater than a mountain, and wished to fall upon him. Solomon says: Become small! And he became smaller than a mustard seed. And Solomon trapped him, and put him in a ring on his right hand, and put a piece of the tablets of Sinai on top, with a piece also of Noah’s Ark, and of Jacob’s Ladder, and of Aaron’s staff: and by the prayers of Kononos may all evil demons and wicked satanic contrivances be banished and frustrated, may they be released and cast out afar for this servant of God (N.N.) / Lord, show me your ways, and teach me your paths. / Prayer of the *t’pgha* and *al.* / Holy Siovn holy Sisi and holy Sisianē and holy Noviēl and holy Taliēl, angels are they, by Christ’s command. They went out hunting and heard a child’s cry. They went and saw the Al in her wickedness, and seized and held fast and bound the Al on the rock of Al. The mother of the Al came, and says: What might this be? They say: What is this, that you go in, to a mother’s womb, and eat her child’s flesh, drink the blood, and darken the light of its eyes? The mother of the Al says: spare my son, and we will not go near to that house where they recall your names, to the servant of God (N.N.): in the name of the Father and Son and Holy Spirit, now and forever, and unto ages of ages, Amen».

worm and some three score and ten grumpy demons led by a wrathful and tipsy scholar-demon, will have seemed rather less practical. The text of Cyprian experiences an analogous abbreviation: details of the erstwhile sorcerer's initiation into various pagan cults, including Mithraism, which occupy page after page in the Clas. Arm., disappear from the version that survives in magical scrolls and booklets. So our laconic preface on the matter of the king's efficacy against the demon Al/Lilith might have replaced the tale of Temple and boy, at the time when the text made its decisive transition from extracanonical pseudepigraphon to magical grimoire. There are other significant changes. The Greek *Test. Sol.* speaks of *seven* vices, Deception, Strife, Fate, Distress, Error, Power, and «The Worst» as the rulers of «this world of darkness». Presumably these are the planets. Armenian magical texts, deriving proximally from Muslim works such as the *Ghāyatu 'l-Hakīm* and ultimately from Greek and Indian sources, use freely the decans and lunar mansions in demonology; but the *Test. Sol.* reflects a more radically negative view of the cosmos, of the sort associated generally with Gnostics – in the Gnostic *Testimony of Truth*, for instance, Solomon imprisons demons in *seven* water pots at Jerusalem⁴⁰ – and specifically with Manichaeans. No Christian Armenian, even a practitioner of magic, could subscribe to a Gnostic or Manichaean view of the world, one thinks; and the seven planetary prison wardens embodying their depressing vices are absent from the Arm. list.

There are numerous variants of this much-changed *Test. Sol.* in Arm. with diverse names, the theme of child birth and the number of demons interrogated seeming to be the most stable features of the text: *Harc'munk' Sołomoni t'agaworin eōt'anasunerku dewerac'* «The questions of Solomon the king to the seventy-two demons», *Eōt'anasun ew erku harc'munk' Sołomoni* «The seventy-two questions of Solomon», and *Harc'munk' Sołomoni i p'erinerun vasn amul kananc' cnaneloy, zawakn meřaneloy ew kam apreloy* «The questions of Solomon to the *peris* concerning a barren woman giving birth, and the child perishing or surviving»⁴¹. Let us examine an example of the Arm. text taken at random from Venice Bibl. Marc. 210⁴²: «The fifth demon. Fifth the demon came [*ařek*, for Middle Arm. *erek*, Clas. Arm. *ekn*, «came»?] whose name was *afrētun*, seated on a *black [*eaui*, for *seaw-i*?] horse, with the head of a sheep and the feet of a bird [*tuš*, l-w from Tk. *kuş*], a snake in his hand [*jeřumn*, loc. sg. in Mod. E. Arm.]. Solomon saith: What is your operation

⁴⁰ *Duling, D.C.* Testament of Solomon. P. 950 f.

⁴¹ *Harut'yunyan, S.* Op. cit. P. 215, citing Erevan Matenadaran MSS 8423, 6677, 6678, and 8428.

⁴² *Macler, F.* Op. cit. Fig. 314.

[*hasiat'n*, Arm l-w *via* Pers.]. Saith the demon: I ramble [*man ku gam*, a mixed E/W Arm. vernacular expression] that I see who remembers the name of God. I bring sorrow [*mazarab*] upon him that he fall ill [*nač'atay*] throughout [*t'amam*] his body and pain come all over [*paham*, i.e., Pers. /*bā ham*/] him. Solomon said: what is the remedy of this? Saith the demon: They mix the bile of a hare with the bile of a black chicken and drip it into one's nose, and write these names and bind them to one's back: *ōflēum lēum lēum uray marar buam ta't'iay yut' bray fuallhay hēum*. This is the name». The drawing on the facing page depicts a bird-footed, animal-headed figure on horseback, using a snake as a quirt.

The language is late vernacular Middle Armenian, suffused with Turkish and Arabo-Persian loan words, with a few formulaic pretensions to Classicism. The demon bears the name Afretun, apparently a combination of the Pers. l-w in Arm. *afrīt*, «demon», lit. «creation», with the name of Farīdūn, the Iranian epic hero. The *voces magicae* form a sonorous rhyme with several possibly pseudo-Arabic words marked by the distinctly non-Armenian, exotic sound *f*⁴³. In subsequent sections Arabic words and formulae are common: *rahim* (Ar. *rahīm* «merciful»), *ismhu* (Ar. *ismu-hu*, «His Name»), *filarzi* (Ar. *fī 'l-ardī* «in the Earth», as pronounced by Persians), *inay humn stmnin* (perhaps Ar. *innahum al-muslimīn*, «For they, the Muslims...» with the intrusive name of Solomon), *hu pislayərahman* (perhaps Ar. *Hu! Bi-ṣalahi 'r-Rahmān*, «He! In prayer to the Compassionate»), *mismillahi fir bismilay* and *mismillahi rahman rahim* (rhymes upon the Bismalah), *vlay hovl vlay tuat' ilay bilay* (Ar. *Wa-lā hawla wa-lā quwwata ilā bi-'llāh*, «Nought availeth without God!»), and, finally *axrat'* (Ar.-Pers. *āxīrah*, This is The End...). These terms and phrases appear in long, sonorous, sing-song, rhyming formulas, most of whose words are strongly vocalic, non-Armenian-sounding nonsense — an Armenian listener's impression of what Muslim conjurors chant. Though we find a lion here, a dog there, as in the Greek, the demons of the Arm. text are also local, later, and fanciful, with names such as Małnay, Maros, Katur, Malul, and Zvi. Recognizable names are few. One demon is said to appear like an *ajuj bajuj*, i.e., Ar. *Yajūj Majūj*, «Gog and Magog»⁴⁴! But what this doubtless alarming and unpleasant phenomenon looks like is not explained.

⁴³ Though Arm. dialects have the phoneme, and modern native speakers of Arm. employ, universally and without difficulty, the Turco-Pers. exclamation *Āferīn!* («Bravo!» lit. «Blessing!»), the letter was added to the alphabet only in the 12th century; and foreign words containing *f* are still often «standardized» by the alteration to *p'*.

⁴⁴ Macler, *F. Op. cit.* Fig. 318, fol. 51v.

Medieval Christians viewed the prophet Mohammed as an arch-heretic: his name was deformed into either Baphomet, the name of a satanic demon, or *maṡmet*, the generic term for a little golden statue of Mercury that Muslims supposedly worshipped. In the *Inferno* of Dante, the city of Dis in the pit is dotted with mosques, the Prophet himself rends his own body for having divided the Church, and the damned jabber in a kind of pseudo-Arabic. Armenian polemics against Islam are extremely harsh, and there are even spells against it⁴⁵; but one finds also at times, as for instance in the introduction to the 12th-century *credo* of St. Nersēs Šnorhali, a grudging admiration of the Muslims' courage and steadfast devotion to their faith⁴⁶. In the case of the Arm. *Test. Sol.* we seem to deal with Arabic not so much as a language demons use – their spoken Armenian is irreproachable – as one that, as the sacred tongue of the near Other, is ambiguous in its value, and thus marked with both power and danger.

We have noted the importance in Armenian magic of the child-stealing witch Al. She is called also the «mother of Al» in both Armenian and Persian (*mādar-e Āl*), and several Arm. spells contain lists of the names of her twelve offspring. These are fairly consistent⁴⁷:

1. *Cneloc'* «of those born» / *Cnaneloy* «of giving birth» / *Cnaneloc'n* «of those to give birth» / *Cnaneloy*
2. *Ałlazo* / *Azlazo* / *Bałlatu* / *Azlazoy*: «of *Azazel» (?)
3. *Mayroyē* / *Maroc* / --- / *Maroy*: possibly related to *mar-em* «extinguish» (?)
4. *Ałk'atē* «poor» + fem. suffix *-ē* of Gk. names in Arm. / *Datak'ōtē* / *Gezagastē* / *Daygałay gōtē*
5. *Aysmē* «from this» / *Aslumē* / *Aslasumē* / *Aslumē*
6. *Ayszın* «of this kind (?)» / *Ayilinē* / *Ayilin* / *Ayilinē*
7. *Marmaroyē* / *Mařmaray* / *Mařmaroyē* / *Marmařoy*: possible from Gk. toponym Marmara, with base *mar-* again understood as reduplicated?
8. *Ayroy* «of a widow (*ayri*)?» / *Ašioy* / *Ayēuē* / *Ašioy*

⁴⁵ *Harut'yunyan*, S. Op. cit. P. 211: *Histos K'ristos* / *K'orna Mart'iros* / *Pzri haxen* / *Ktri karen* / *Xap'ani čluli Połos* / *Heřana mer erkren* / *Həm šeyx, həm mollen*: / *Ēl k'[ak', om. by ed.] k'rdū dřen* «Jesus Christ / ? Martyr / ?? / The strength be cut off (?) / ? be defeated... Paul / From our land be driven far away / Both Sheikh and Mollah, / And shit at the Kurd's gate!»

⁴⁶ See Russell, J.R. *The Credal Poem Hawatov xostovanim* ('I confess in faith') of St. Nerses the Graceful // *Redefining Christian Identity: Cultural Interaction in the Middle East since the Rise of Islam* / J.J. van Ginkel et al. (eds.). Leuven, 2005. P. 185–236.

⁴⁷ *Harut'yunyan*, S. Op. cit. P. 131, 137, 139.

9. *Kališi* «of a wolf (*gayl*) and ass (*ēš*)?» or perhaps based on *kal-* aor. stem of *un-im*, «have, seize» / *Kaleli* / *Kalali* / *Kalilē*

10. *Yulic'a* / *Homizan* / *Hovizan* / *Homizan*

11. *Ekitun* «I came home» / *Eki tun* / *Ekisan* / *Homitun*

12. *Ankanes* «Thou fallest down» / *Ankeanis* / *Ankenes* / *Ankanis*

Although some of the names in the list above are strange, most are not very mysterious constructions with the familiar feminine Greek ending *-ē* that was long ago fully assimilated into Arm. onomastics; and others, «Of birth», «Of this», «I came home», and, at the end, «You fall down!» are as homely as a child's rhyme, the rhyming pairs just on the edge of sense, like Lewis Carroll's *Jabberwocky*⁴⁸. When I sang «Ring around the rosy, a pocket full of posies, ashes, ashes, we all fall down!» I did not know anything about primitive beliefs that flowers protected one from a consuming plague. As we have seen, Jakobson connected the patterns of children's magic rhymes to the deeper structures of the language of folk religion and of spells, as part of a single process in poetry.

The language of the demons, then, is like that of the gods in that it is often intelligible but variously marked. It is rarely meant to sound pleasant to the ear; and when it is a foreign language, that tongue often belongs to an alien neighbor, a near other whose faith is experienced at once as potent and dangerous. «I speak three languages, English, Yiddish, and Rubbish!» declared a music hall comedian cited by the late Prof. D.N. Mackenzie as he delightedly demolished a forgery⁴⁹. Demons speak nonsense, too, as we might expect of the mendacious enemies of Adam, he who gave their true names to all the beings in Creation. This distinguishes them from the gods, except perhaps those of Jorge Luis Borges, whose works constantly return to the problem that infinity of anything makes a nonsense of it: immortality reduces divinities to idiocy. I do not believe this. There is nothing good about nonsense; and I would conclude with another idea about language that is different from the phenomena described by Prof. Watkins altogether.

One of my teachers, a dear friend of many years, was Prof. Nina Georgievna Garsoĭan, the great Armenologist of blessed memory; and one of her ancestors through the Armenian, Russophone Saparov family of the

---

⁴⁸ On the lexicon of the poem of «Through the Looking-Glass» (1872), which is a fully-formed *Drachenkampf* with perfect ring composition, see Partridge, E. *The Nonsense Words of Edward Lear and Lewis Carroll // Here, There and Everywhere*. London, 1950. P. 162–188. There may be more than a hint of the demonological in Carroll's inventions: Partridge thinks the «*ipwergis*-pudding» of «A Tangled Tale» (1885) may combine Walpurgis and haggis.

⁴⁹ Mackenzie, D.N. *Pseudoprotokurtica // BSOAS*. 1963. Vol. 26. No 1. P. 170–173.

north Caucasus was the great Russian Orthodox mystic Father Pavel Florensky. He was a spiritual leader of the mystical school known as *imiaslavie*, «name-glorification», whose essential proposition is: The name of God is God. God in *any* language, that is: Russian, Avestan, Armenian, or Hebrew. That is, God by His prevenient grace endows any prayerful locution of human language with the transcendent power of the Divine *logos* of truth, much in the way that He by *kenōsis*, the act of love and self-abnegation, enclosed the unencompassable within the Incarnation. Magic, and magical language, are an entangling and sterile web; but when we part company also with the self-indulgent rhetoric of *mantra*, we find a refreshingly different experience of thought and being. To name something, as Loren Graham explains the assertions of the **imiaslavists*, the «glorifiers of the name», is to individuate it: the Moscow mathematicians, associated with Fr. Florensky and his teachings, can thus assert reasonably a «set of all sets» since they can *name* it. That set is our Lord⁵⁰. When human knowledge and thought touch the face of Heaven, Al and her children, Asmodeus and the 72 demons, the seven dolorous planets, tear like a thin sheet of paper covered with vain scribbles. «They who have had contempt for the Word of God, from them the word of man, too, shall be taken away!» thunders Merlin. But for those who love the Word of God, then the humblest word of man is filled with truth and light. And then there is neither the language of gods nor the language of demons, but simply language itself, the language of man and of the man Christ, meaningful and sonorous and full of strength and truth, the *Logos*.

---

⁵⁰ See *Graham, L., Kantor, J-M. Naming Infinity: A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity. Cambridge, MA, 2009.*

ИОНИЯ И ИОНИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ
В «ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ»
ДИОДОРА СИЦИЛИЙСКОГО

М.Ю. Лаптева¹

РГПУ им. А.И. Герцена
e-mail: mlapteva1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются фрагменты книг VIII–X «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, имеющие отношение к истории Ионии архаического и начала классического периода. Автор статьи анализирует информацию Диодора Сицилийского, не только дополняющую ионийский логос Геродота, но и дающую возможность по-новому взглянуть на известные события ионийской истории. Так, эти фрагменты позволяют понять субъективные причины миролюбивого отношения Ахеменидов к участникам Ионийского восстания после наказания его зачинщиков.

Ключевые слова: Иония, Геродот, Диодор Сицилийский, архаическая Греция, Ионийское восстание.

IONIA AND THE IONIAN REVOLT
IN THE «LIBRARY OF HISTORY»
OF DIODORUS SICULUS

M.Yu. Lapteva

(St. Petersburg, Russia)
e-mail: mlapteva1@yandex.ru

Annotation. The article deals with some fragments of 8–10 books of the «Library of History» by Diodorus Siculus, related to the history of Ionia Archaic and early Classical period. The author examines information which not only complements the Ionian logos of Herodotus, but also gives a new look at the well-known events of the Ionian history. Thus, these fragments allow us to understand the subjective reasons for the peaceful attitude of the Achaemenids towards the participants of the Ionian revolt after the punishment of its instigators.

Keywords: Ionia, Herodotus, Diodorus Siculus, Archaic Greece, the Ionian revolt.

Для цитирования: Лаптева М.Ю. Иония и Ионийское восстание в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 102-106.

---

¹ Лаптева Марина Юрьевна (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Как известно, история архаической Греции, которой отведены были VIII–X книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, сохранилась только во фрагментах. Причем, принято считать, что в большинстве случаев эти фрагменты дублируют «Историю» Геродота². Отчасти это справедливо и по отношению к архаической Ионии. Вместе с тем в четырех сохранившихся фрагментах ионийской истории из книг IX и X Диодор нередко отступает от Геродота, добавляя новые подробности к его ионийскому логосу, а иногда совершенно новую в сравнении с Геродотом информацию.

Все эти ионийские фрагменты имеют также прямое или косвенное отношение к теме Ионийского восстания. Первый из сохранившихся ионийских сюжетов рассказывает историю эфесца Эврибата, получившего деньги от лидийского царя Креза для того, чтобы нанять спартанских наемников, но вместо этого переметнувшегося вместе с деньгами к персидскому царю Киру (Diod. IX. 32).

Отметим, что этого эпизода нет у Геродота. О.П. Цыбенко считает, что Диодор заимствовал его у Эфора³. Этот рассказ не вызывал сомнений у более поздних авторов. Более того, имя Эврибата стало в греческой философской и риторической литературе нарицательным, обозначая пример нравственной деградации и бесстыдного предательства (Plato *Prot.* 327b; Aeschin. *In Ctesiph.* 137; Demosth. *De corona.* 24).

История Эврибата хорошо вписывается в атмосферу многообразных политических интересов ионийцев во время Ионийского восстания. Предательство эфесца Эврибата соотносится с поведением его сограждан в период восстания: Эфес не принимал в нем участия, занимая то нейтральную, то откровенно персофильскую позицию (Hdt. VI. 7–16).

В следующем фрагменте Диодора (IX. 35) речь идет о завоевании малоазийских греков Киром Великим. На первый взгляд он аналогичен рассказу Геродота о договоре «дружбы и военного союза» милетян с

---

² Строецкий В.М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ. 1983. № 4. С. 176–186; Трофимов М.П. Историческая концепция Диодора Сицилийского: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. С. 29–30, 40–41; Цыбенко О.П. Вступительное замечание // Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги VIII–X: Фрагменты. Архаическая Греция. Рим эпохи царей / Под. ред. О.П. Цыбенко. СПб., 2012. С. 6.

³ Цыбенко О.П. Примечания // Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги VIII–X: Фрагменты. Архаическая Греция. Рим эпохи царей / Под. ред. О.П. Цыбенко. СПб., 2012. С. 54, примеч. 2.

лидийским царем Алиаттом, а затем об отказе Кира от заключения мирного договора с ионийскими городами на тех же условиях, что и с Крезом. Позицию Кира Геродот объясняет тем, что ионийские города ранее отказались отпасть от лидийского царя, за исключением Милета, не заключившего такого договора с Крезом (Hdt. I. 21–22, 141).

Диодор не упоминает об особом статусе Милета. Кроме того, вместо Кира Великого посольство греческих городов принимает, а затем отказывает ему влиятельный персидский наместник Гарпаг. В его же уста Диодор вкладывает притчу о разборчивом персе-отце, отказавшем жениху, а потом не сумевшем выгодно пристроить свою дочь. В этом случае Диодор добавляет в рассказ восточный колорит, вероятно заимствованный из другого источника.

Самым близким по времени к ионийскому восстанию сюжетом является фрагмент X. 16. 4 Диодора, в котором речь идет о коварстве и алчности Поликрата, оказавшего дружелюбный прием богатым лидийцам, бежавшим от сатрапа Орета. Поликрат убивает гостей и захватывает их деньги. Этот эпизод истории Ионии хотя и не имеет прямого отношения к Ионийскому восстанию, но хорошо показывает лживость, пренебрежение традициями, коварство, цинизм и жестокость одного из ионийских тиранов, по вине которых вспыхнуло это восстание.

Следующий фрагмент имеет непосредственное отношение к восстанию. Это рассказ Диодора о посольстве ионийцев к персидскому сатрапу Артаферну⁴, сатрапу первой приморской сатрапии с резиденцией в Сардах (Diod. X. 25. 4).

Диодор рассказывает, что после поражения восстания Гекатей Милетский был отправлен ионийцами послом к сатрапу Артаферну (πρεσβευτῆς ἀπεσταλμένος ὑπὸ τῶν Ἴώνων). Между Гекатеем и сатрапом состоялась доверительная беседа, в ходе которой историк и бывший советник ионийских тиранов убедил Артаферна отнестись к побежденным милостиво, дабы сделать ионийские полисы «преданными персам» (τὰς πόλεις Πέρσαις εὐνοούσας). Артаферн, приняв сказанное во внимание (ἀποδεξάμενος δὲ τὸ ῥηθὲν), распорядился вернуть городам законы (ἀπέδωκε τοὺς νόμους ταῖς πόλεσι) и установить справедливые налоги в соответствии с возможностями каждого полиса (τακτοὺς φόρους κατὰ δύναμιν ἐπέταξεν).

Сравним этот рассказ с аналогичным в «Истории» Геродота (Hdt.

---

⁴ В таком варианте это имя дается Диодором. Артафреном называют сатрапа Геродот и Эсхил (Aeschyl. Pers. 21, 776).

VI. 42–43).

1. *Состав посольства.*

У Геродота представители ионийских городов вызываются Артафреном: Ἄρταφρένης ὁ Σαρδίῳν ὑπαρχὸς μεταπεμψάμενος ἀγγέλους ἐκ τῶν πολίων... («Артафрен, гипарх Сард, приказал прислать к нему послов ионийских городов...», Hdt. VI. 42). У Диодора послом (πρεσβευτής) от ионийцев был отправлен один Гекатей (Diod. X. 25. 4).

2. *Итоги переговоров.*

Как пишет Геродот, переговоры завершились запрещением междоусобных войн, споры должны были разрешаться мирным путем. Вводился новый принцип налогообложения в соответствии с размером земельной хоры (Hdt. VI. 42). «Затем сатрап приказал произвести обмер их земли парасангами... После обмера он назначил каждому городу подать, которую они всегда с того времени неизменно выплачивают вплоть до сего дня [в таком размере], как установил Артафрен. Эти положенные подати Артафреном почти не превышали прежних, уплачиваемых ионийскими городами» (пер. Г.А. Стратановского).

Согласно Диодору, городам были возвращены законы (ἀπέδωκε τοὺς νόμους) и установлен справедливый налог в соответствии с их возможностями (такτοὺς φόρους κατὰ δύναμιν).

3. *Значение переговоров.*

Геродот отмечает благотворное значение переговоров, наступление периода политической стабильности: «эти меры принесли мир Ионии» (Hdt. VI. 42–43). Из Диодора же следует, что ионийские полисы были возвращены к положению до ионийского восстания. Именно в это время они стали отказываться от тираний и составлять собственные законы как, например, это было в Эфесе при Гераклите и Гермодоре⁵.

Сообщение Диодора позволяет увидеть связь между мирными переговорами и завершающими умиротворение Ионии мероприятиями Ахеменидов, о которых пишет только Геродот: низложение Мардоном тираний и установление демократий (Hdt. VI. 43). Несомненно, что решения сатрапа Артафрена и мероприятия Мардония санкционировал и координировал царь Дарий I, сводный брат Артафрена и тесть Мардония.

Уничтожение персидским полководцем Мардоном тиранических правлений в ионийских городах в конце ионийского восстания и установление демократий представляется Геродотом как продолжение

---

⁵ Лантева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э. СПб., 2009. С. 325, 393–395.

политических начинаний Артафрена. В историографии этого вопроса нет единства мнений относительно подлинных причин и масштабов этих мероприятий. Они считаются либо искаженными и преувеличенными по масштабам, либо избирательными действиями персов по отношению к восставшим (вызванными утратой доверия к отдельным тиранам), или же не поддающимися рациональному истолкованию⁶.

Однако из разбираемого фрагмента Диодора Сицилийского явствует, что на решения Артафрена оказала влияние дипломатия Гекатея Милетского. Историописатель, советник тирана Гистиея и пробул Панионийского союза, Гекатей неоднократно принимал участие в решении важнейших вопросов политической жизни Ионии (Hdt. V. 36, 125, 126; VI. 137). Сообщение Диодора дополняет наши представления о политической роли Гекатея, одного из самых политически активных и благородных ионийских интеллектуалов. Диодор добавляет завершающие штрихи к портрету этого патриота Ионии⁷.

Таким образом, фрагмент Диодора X. 25. 4 содержит ценное звено в начальной истории противостояния державы Ахеменидов и греческих государств. Этот фрагмент позволяет связать в единую цепь мероприятия персов по умиротворению мятежных ионийских полисов перед походом на Балканскую Грецию с учетом личностного фактора, а также интересов и потребностей этих полисов.

---

⁶ См. *How, W.W., Wells, J. A Commentary on Herodotus. Oxford, 1912. Vol. 2. ad VI. 42–43; Burn, A.R. Persia and the Greeks: The Defence of the West. 546–478 BC. New York., 1962. P. 222; Austin, M.M. Greek Tyrants and the Persians // CIQ. 1990. Vol. 40, № 2. P. 306; Sawkwell, G.L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 78–80; Рунг Э.В. Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 33–35.*

⁷ *Лантеева М.Ю. Гекатей Милетский в политической истории позднеархаической Ионии // Известия Алтайского государственного университета. Сер. 4: История. Политология. 2008. № 3. С. 144–148.*

ПРАВЛЕНИЕ МИТРИДАТА VIII – ПОСЛЕДНИЙ ВСПЛЕСК БОСПОРСКОГО СЕПАРАТИЗМА?

М.Н. Растегаева¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема политической ориентации боспорского царя Митридата VIII, который в отечественной историографии традиционно трактуется как антиримский правитель, совершивший политический демарш и попытавшийся противостоять римскому влиянию в Северном Причерноморье. Но было ли правление Митридата VIII в действительности последним всплеском боспорского сепаратизма? Проведенное автором исследование данных нумизматики, эпиграфики и нарративных источников позволило предложить иную интерпретацию событий политической истории Боспорского царства середины I в. н.э. На начальном этапе своего правления Митридат VIII стремился к установлению и поддержанию дружественных отношений с Римом, что нашло отражение в использовании портрета римского императора на монетах, а также в царском титуле ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ, который предположительно восстанавливается в одной из надписей изучаемого региона. Конфликт с императором Клавдием в середине 40-х гг. н.э., приведший к римско-боспорской войне, представляется не проявлением идеологического сепаратизма, а следствием внутривластной борьбы за власть между Митридатом и его братом Котисом, в которую Рим вмешался как арбитр. Автор подчеркивает необходимость осторожного обращения с источниками, характеризующимися фрагментарностью и ретроспективной интерпретацией, а также важность учета региональной специфики в проявлении римской политики *amicitia*.

Ключевые слова: Боспорское царство, Митридат VIII, римско-боспорские отношения, *amicitia*, Калигула, Клавдий, нумизматика, эпиграфика.

THE REIGN OF MITHRIDATES VIII – THE LAST SURGE OF BOSPORAN SEPARATISM?

M.N. Rastegaeva

(Saratov, Russia)
e-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

Annotation. The article examines the issue of the political orientation of the Bosporan king Mithridates VIII, who in Russian historiography has traditionally been regarded as an

---

¹ Растегаева Мария Николаевна (Саратов), ассистент кафедры истории древнего мира ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, м.н.с. Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

anti-Roman ruler who made a political demarche and attempted to resist Roman influence in the Northern Black Sea region. But was the reign of Mithridates VIII truly the last outburst of Bosporan separatism? The study conducted in the article, based on numismatic, epigraphic and narrative sources, allows for a different interpretation of the political events in the Bosporan Kingdom in the mid-1st century AD. It is shown that at the initial stage of his rule Mithridates VIII sought to establish and maintain friendly relations with Rome, which is reflected in the use of the portrait of the Roman emperor on coinage, as well as in the royal title ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ, which is presumably restored in one of the inscriptions from the region. The conflict with Emperor Claudius in the mid-40s AD, which led to the Roman-Bosporan war, is interpreted by the author not as an expression of ideological separatism, but rather as a result of internal struggle for power between Mithridates and his brother Cotys, in which Rome intervened as an arbiter. The article emphasizes the necessity of careful handling of sources characterized by fragmentariness and retrospective interpretation, as well as the importance of taking into account regional specificity in the manifestation of Roman amicitia policy.

Key words: Bosporan Kingdom, Mithridates VIII, Roman-Bosporan relations, amicitia, Caligula, Claudius, numismatics, epigraphy.

Для цитирования: Растегаева М.Н. Правление Митридата VIII – последний всплеск боспорского сепаратизма // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 107-121.

Начать очерк римско-боспорских отношений середины I в. н.э. следует с небольшого пояснения, почему именно этот сюжет был выбран для публикации в настоящем издании. История Северного Причерноморья в римский период так или иначе входила в сферу многогранных научных интересов Е.В. Смыкова, кандидатская диссертация которого была посвящена одному из интереснейших эпизодов римской внешней политики – противостоянию с Митридатом VI Евпатором². Представленный сюжет – это небольшая часть моей кандидатской работы о политике amicitia в Северном Причерноморье, которую Е.В. прочел полностью, хотя формально не являлся в тот момент научным руководителем. Он был по-настоящему Учителем. И это один из последних текстов, который Е.В. прочел у своих учеников... Да и будем честны – любил он подобные спорные эпизоды, а иногда был «возмутителем спокойствия», мастером пересматривать устоявшиеся в историографии точки зрения. Приведенный ниже текст тоже отчасти в духе работ Учителя.

Зачастую, обращаясь к изучению политической истории Боспорского царства в т.н. римский период, мы вынуждены сталкиваться с

---

² Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дис... к.и.н. Саратов, 1997.

тем, что имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные источники дают весьма противоречивую информацию по какому-либо вопросу или же вовсе умалчивают о нем. Такая ситуация заставляет нас основывать свои суждения на весьма зыбких гипотетических конструкциях, которые в большей или меньшей степени основаны на субъективном восприятии имеющихся данных. Несмотря на относительную насыщенность нарративной традиции сведениями о государствах и народах Северного Причерноморья, большинство письменных источников отличаются краткостью и фрагментарностью, а разные периоды истории этого региона освящены неравномерно³. И, несмотря на постоянно увеличивающееся число археологических, эпиграфических и нумизматических источников, такая ситуация актуальна по сей день. Как справедливо отметил В.П. Толстиков, «несмотря на... усилия нескольких поколений историков, археологов, эпиграфистов, пытающихся буквально по крупинкам, как некое мозаичное панно, воссоздать историю Боспора, мы и сегодня вынуждены с сожалением признать, что в этой «исторической картине» все еще слишком много лакун и «темных мест»»⁴.

Одним из таких спорных сюжетов является правление царя Боспорского царства Митридата VIII, который получил⁵ боспорский престол после смерти своего отца – Аспурга. Правление Митридата VIII не было избаловано вниманием источников – сведения

---

³ В.В. Латышев и его коллеги собрали в виде единого свода практически все сведения о Северном Причерноморье, содержащиеся в текстах античных авторов, которые были изданы в сборнике: *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900; Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904. Из отдельных исследований: *Подосинов А.В.* Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1984. С. 8–178; *Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.

⁴ *Толстиков В.П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // *Археология и искусство Боспора*. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 41.

⁵ Правда, это произошло не сразу. Судя по данным нумизматики, власть на Боспоре, по крайней мере, полтора года находилась в руках не наследника трона, Митридата, а его матери, Гепеирии, которая продолжила чеканить на своих золотых монетах покойного Тиберия; см. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I. С. 166–174. О соправительстве свидетельствует Кассий Дион (LX.28.7). Подробнее об этом сюжете см. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 234–238; *Чореп М.М.* «Vox audita latet, littera scripta manet», или К биографии боспорской царицы Гепеирии // *Вест. ННГУ*. 2020. Вып. 1. С. 94–103.

эпиграфики и нумизматики сравнительно малочисленны, а нарративная традиция весьма неоднозначна. Политику Митридата принято характеризовать как антиримскую – царя нередко обвиняют в попытке отложиться от Рима, описывая его правление как последнее проявление боспорского сепаратизма, который воплотился в событиях римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э.⁶ Но было ли правление Митридата в действительности антиримским?

Митридат VIII был сыном царя Боспора Аспурга и Гепеирии, которую считают либо дочерью Котиса III Фракийского и Антонии Трифены⁷, либо дочерью Реметалка I и сестрой Котиса III⁸. Следует согласиться с предположением Э. Миннса о том, что к моменту прихода к власти царицы Гепеирии после смерти ее супруга в конце 37 г. н.э. их дети – Митридат и Котис – еще не достигли совершеннолетия, что и стало причиной передачи власти не старшему сыну, а вдове Аспурга⁹.

В это время римский император Калигула проводил активную династическую политику в регионе: в конце 30-х гг. н.э. царем Фракии был провозглашен Реметалк III, а царем Понта – его брат Полемон II¹⁰. В этой связи С.Ю. Сапрыкин выдвинул предположение о том, что «Калигула хотел возродить старый план своих предшественников создать объединенное Понтийско-боспорское государство с тесными связями с Фракией»¹¹, однако это не подтверждается данными источников.

---

⁶ См., например, *Зубарь В.М., Шмалько А.В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 225–231; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 19–23; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 31–36; *Nawotka, K.* The attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // *Latomus*. 1989. Т. XLVIII. P. 329; *Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 88; *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // ПИФК. 2017. Вып. 4. С. 170–194.

⁷ *Sullivan, R.D.* Thrace in the Eastern Dynastic Network // *ANRW*. 1979. Bd. II. 7.1. P. 207; *Sullivan, R.D.* Dynasts in Pontus // *ANRW*. 1980. Bd. II. 7.2. P. 922.

⁸ *Saprykin, S.Yu.* Thrace and the Bosphorus under the Early Roman Emperors // *Scythians and Greeks: Cultural Interaction in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC – First Century AD)* / D. Braund (ed.). Exeter, 2005. P. 172 f.

⁹ *Minns, E.* *Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus.* Cambridge, 1913. P. 601.

¹⁰ *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 240.

¹¹ Там же.

Видимо, Митридат, как и его предшественники, был утвержден на боспорском престоле римским императором.

Единоличное правление Митридата начинается только в 39 г. н.э., о чем свидетельствует его золотой статер с бюстом Калигулы на аверсе, легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ и изображением Ники с венком и ветвью на реверсе¹². Получается, что приход к власти на Боспоре был осуществлен Митридатом с согласия Рима, что и стало основанием для чекана золотых монет с портретом царя в 39 г. н.э.¹³ Однако существует мнение, что Рим дал добро на правление Митридата только в 41 г. н.э., когда к власти пришел император Клавдий¹⁴. Но в таком случае – чем можно объяснить появление бюста Калигулы на монетах Митридата, если не его официальным признанием в Риме? При всем этом некоторые сомнения вызывает трактовка реверса этого монетного выпуска Митридата. С.Ю. Сапрыкин полагает, что изображение богини Ники с венком и пальмовой ветвью¹⁵ свидетельствует о стремлении Митридата к большей самостоятельности в политике и подчеркивании независимости от Рима, «как того требовали выдвинувшие царя промитридатовские слои населения Боспора»¹⁶. Во-первых, не вполне понятно, на чем основывается исследователь, говоря об антиримских настроениях в среде боспорской элиты. Во-вторых, изображение богини Ники с венком и пальмовой ветвью встречается в боспорской монетной чеканке достаточно часто – как до Митридата, при Асандре, так и после

---

¹² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 96; Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 49–61; Фролова Н.А. Золотая монета 338 г. б.э. = 41 г. н.э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. 1986. № 4. С. 54; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 81; ср. *Zograph, A.N. Ancient Coinage. Oxford, 1977. P. 315. Pl. XLVI-5.*

¹³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 96; Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 174–176; *Barrett, A. Gaius' Policy in the Bosphorus // TAPhA. 1977. Vol. 107. P. 5, 6.*

¹⁴ *Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 326; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 163, 164; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 83; Болтунова А.И. К надписи IOSPE, II, 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 174.*

¹⁵ *Болтунова А.И. Указ. соч. С. 175; Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 198; Zograph, A.N. Ancient Coinage. Oxford, 1977. P. 317; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 128; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 84; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 177.*

¹⁶ *Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 244; Saprykin, S.Yu. Op. cit. P. 174.*

него – при Котисе I и последующих царях. Поэтому представляется несколько опрометчивой попытка трактовать подобные изображения на монетах как показатель независимости боспорских царей от Рима, как это делают некоторые авторы¹⁷. Все известные нам до 43 г. н.э. золотые монеты Митридата помещают на аверсе бюст римского императора – поэтому о каком-либо противодействии Риму в этот период говорить не приходится.

О событиях на Боспоре и в сопредельных областях в это время сообщает Кассий Дион (LIX.12.2): «Гай Калигула по решению сената подарил Полемону, сыну Полемона, царство его отца». Исследователи, обращавшиеся к этому сюжету, доказали, что речь здесь идет о Полемоне II, сыне Котиса III и Антонины Трифены, дочери Полемона I, царя Понта и Боспора. Поэтому в тексте Кассия Диона следует читать не «сыну», а «внуку» Полемона¹⁸. Принято думать, что Калигула передал Полемону II не только территории Понтийского царства, но и Боспора, ранее входившего во владения его деда¹⁹. Однако, как убедительно показали А. Барретт и В.П. Яйленко, Полемон мог претендовать только на понтийские территории²⁰.

О начальном периоде правления Митридата (при императоре Калигуле), можно судить на основании манумиссии, сделанной от имени некоего Пофа, сына Страбона, происходящей из Горгиппии и датирующейся 338 г. б.э. = 41/2 г. н.э. (КБН 1123). Надпись содержит имя Митридата, однако состояние текста не позволяет с уверенностью восстановить титулатуру царя. На плите сохранились лишь остатки надписи, вырезанной по тонким линиям и сильно стертой, особенно в некоторых местах. Поверх стертых букв позже была нанесена новая резьба (вероятно, уже в Эрмитаже во второй половине XIX в.), выполненная

---

¹⁷ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 244; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период Поздней республики – Ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Дис. ... д.и.н. Н. Новгород, 2009. С. 377–378.

¹⁸ Hoffman, W. Polemon II // RE. 1963. Bd. 49. Hbd. 47. Sp. 1285–1287; Minns, E. Op. cit. P. 596; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 175; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 238.

¹⁹ Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 128; Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. Т. I / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (отв. ред.). М.; Л., 1955. С. 129; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 31; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 376.

²⁰ Barrett, A. Op. cit. P. 5; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 174–177. Ср. Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 239–240; Dmitriev, S. Claudius' Grant of Cilicia to Polemo // ClQ. 2003. Vol. 53. № 1. P. 286–291; Панов А.Р. Политика Калигулы на Боспоре // ИИАО. 2007. Вып. 9–10. С. 157–165.

другим инструментом и имевшая, очевидно, целью подновить надпись; местами, там, где буквы сохранились плохо, резчик наносил резьбу, как отмечают авторы КБН, «по-видимому, наудачу, иной раз даже бессмысленно»²¹.

В связи с этим в среде эпиграфистов существует ряд расхождений относительно восстановления и чтения надписи. Л. Стефани реконструирует титулатуру царя как ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΣ ΚΑΙ ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ²². Относительно восстановления первого из этих титулов среди ученых возникли разногласия. В.В. Латышев отнес надпись ко времени правления на Боспоре Полемона II, восстановив первый титул как ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ²³. А.И. Болтунова на основании рыбницкой копии надписи видит первый титул как ΦΙΛΟΣΥΜΜΑΧΟΣ²⁴. Последнее утверждение достаточно спорно – как верно показал Б. Надель, титул ΦΙΛΟΣΥΜΜΑΧΟΣ не имеет параллелей в боспорской эпиграфике и, поскольку на камне в начале 5-й строки не находим ни малейших следов сигмы, йоты и второго М, то восстановление, предложенное А.И. Болтуновой не может считаться обоснованным²⁵. Кроме того, не вполне понятно, другом каких союзников в таком случае мог именовать себя Митридат. Два других варианта восстановления первого титула в надписи кажутся более реальными. Последняя по времени аутопсия надписи КБН 1123 была проведена Н.В. Завойкиной. Результаты этого исследования представлены в ее докладе в рамках конференции «Эпиграфика и эстампажи: от полевых исследований до музейных и архивных коллекций», которая состоялась в начале июня 2025 г. в Санкт-Петербурге. Н.В. Завойкина убедительно показала, что первый титул Митридата в надписи должен восстанавливаться как ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ. К аргументам, приведенным Н.В. Завойкиной в пользу этого прочтения можно добавить еще несколько соображений.

---

²¹ КБН С. 657.

²² Восстановление Л. Стефани было принято и другими авторами: *Функ Б.* Указ. соч. С. 92; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 244.

²³ *Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini Graecae et Latinae / V. Latyshev (ed.). Petropoli, 1916. Vol. I. Ed. 2. P. 400.*

²⁴ *Болтунова А.И.* Указ. соч. С. 176. К восстановлению А.И. Болтуновой присоединились другие авторы: *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 182; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. С. 32; *Горончаровский В.А.* Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003. С. 167.

²⁵ *Надель Б.* Филологические и дипломатические заметки к боспорским манускриптам // ВДИ. 1958. № 1. С. 144.

Судя по всему, титулатура боспорских царей в этот период не представляла собой устоявшуюся и неизменяемую от правителя к правителю конструкцию, поэтому необычность использования титулов в КБН 1123 можно объяснить следующим образом. Относительно второго титула Митридата, ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ²⁶, исследователи часто отмечают, что он выражал стремление царя к более независимой политике и его намерения относительно возрождения самостоятельности на Боспоре²⁷. Однако следует усомниться в явной антиримской направленности этого титула, вслед за В.А. Анохиным²⁸. Как показывают надписи с эллинистического Коса, титул ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ давался лицам, совершившим ряд благодеяний в отношении города и принесшим ему значительную пользу, причем делалось это, как правило, путем голосования²⁹. Трудно судить о том, как именно эта процедура проходила на Боспоре, но очевидно, что рассматриваемый титул отражал не антиримские, а пробоспорские настроения.

Это наблюдение, а также конструкции εὐεργετήν τῆς πατρίδος в титулатуре последующих боспорских царей, которые явно не предпринимали никаких попыток противостоять Риму, заставляют усомниться в антиримском характере титула ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΣ. Относительно первого титула в КБН 1123 ситуация несколько сложнее, в первую очередь, из-за плохой сохранности текста. Вероятно, сделать окончательный выбор в пользу восстановления в надписи ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ или ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΣ невозможно. Однако автору этой работы, вслед за В.В. Латышевым, В.Ф. Гайдукевичем и Н.В. Завойкиной, представляется более вероятным первое восстановление. Для такого заключения есть две причины. Судя по сложившимся к I в.

---

²⁶ Этот же титул фигурирует в ольвийской надписи IOSPE I² 38 и содержит указание на некоего боспорского царя, имя которого в ряде случаев восстанавливается как Митридат (Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 84; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 173). О других вариантах восстановления этой надписи см. Растегаева М.Н. К вопросу об участии Ольвии в римско-боспорской войне середины I в. н.э. // ПИФК. 2024. Вып. 4. С. 58–63.

²⁷ Болтунова А.И. Указ. соч. С. 176; Фролова Н.А. Золотая монета 338 г. б.э. = 41 г. н.э. ... С. 55; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора... С. 83–84; Функ Б. Указ. соч. С. 88; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 245; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 377.

²⁸ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 60.

²⁹ *Buraselis, K. Kos between Hellenism and Rome. Studies on the Political, Institutional and Social History of Kos from ca. the Middle Second Century B.C. until Late Antiquity. Philadelphia, 2000. P. 105–106.*

н.э. традициям в титулатуре боспорских царей, в надписях первым размещался титул, обозначающих дружественные отношения правителя с римским императором. Как показывают надписи этого времени из других регионов эллинистического мира, эти отношения могли воплощаться в титулах по-разному, например, φιλοκλαύδιος или φιλονέρων³⁰. Поэтому вполне возможно рассматривать КБН 1123 в духе этой тенденции – титул φιλογεργμανικός подчеркивал дружественные отношения Митридата с Калигулой (к этому можно добавить и бюст императора на монетах этого царя), а φιλόπατρις демонстрировал его заслуги перед отечеством. По-видимому, можно говорить о том, что титулатура боспорских царей в это время не была строго установленной конструкцией. Но в любом случае, КБН 1123 свидетельствует об установлении царем дружественных отношений с Римом при Калигуле. В согласовании с римской администрацией нуждался статус друга в целом, а его региональные воплощения на монетах и в надписях зависели от местных традиций³¹. Отношения *amicitia* были универсальным инструментом римской дипломатии, однако в каждом регионе, видимо, существовали свои особенности их демонстрации.

О том, что Митридат VIII действительно мог официально стать другом Рима в первый период своего правления, косвенно свидетельствует сообщение Тацита, который передает фразу боспорского царя, якобы произнесенную им после пленения в ходе событий римско-боспорской войны перед императором: *non sum remissum ad te, sed re-versus*³² (*Ann.* XII.21). Соответственно, если Митридат упоминает о возвращении в Рим, значит, он явно бывал там ранее³³. Как справедливо отмечает А.Р. Панов, единственной возможностью для его пребывания в Риме могло быть урегулирование вопроса о правах на

---

³⁰ Nutton, V. *Archiatry and the Medical Profession in Antiquity* // *Papers of the British School at Rome*. 1977. Vol. 45. P. 196; *Buraselis, K.* Op. cit. P. 104.

³¹ Сходную точку зрения см. *van der Ploeg, G.* *The Impact of the Roman Empire on the Cult of Asclepius*. Leiden, 2018. P. 87–107.

³² Этот сюжет встречается и у Кассия Диона, который утверждает, что Митридат в суде ответил императору Клавдию фразой: «меня не привели к вам; я пришел. Если вы сомневаетесь в этом, отпустите меня и попытайтесь найти меня» (ἐγὼ οὐκ ἠνέχθην πρὸς σέ, ἀλλὰ ἀφῆμαι εἰ δὲ ἀποτεῖς, ἄφες με καὶ ζήτηι, LXI.32.4a, пер. А.В. Махлаюка).

³³ Это соображение впервые было высказано С.В. Дьячковым (*Дьячков С.В.* *Римские граждане и римская политика на Боспоре в I в. до н.э. – III в. н.э.* // ВХУ. 1992. Вып. 26. С. 85).

боспорский престол, и, следовательно, личная встреча с Калигулой вполне могла состояться³⁴. Возможно, в результате этой поездки между государствами были официально установлены отношения дружбы, что нашло отражение в надписях и монетах Митридата VIII.

Такое положение, по-видимому, сохранялось до прихода к власти Клавдия. Видимо, Митридат VIII, следуя уже устоявшейся на Боспоре традиции, попытался подтвердить *amicitia* с новым римским императором. Посредником в установлении дружественных отношений стал младший брат Митридата Котис – Кассий Дион замечает, что он был отправлен в Рим с *φιλιους λογους* (LX.28.7; Petri Patric. Fr.H.Gr. IV.185. fr. 3). Однако итоги этого посольства, по-видимому, оказались несколько неожиданными для Митридата, и *amicitia* между двумя правителями так и не была установлена. Судя по сообщениям Тацита и Кассия Диона, на Боспоре в середине 40-х гг. I в. н.э. возник некоторый внутривластный конфликт, потребовавший непосредственного вмешательства Рима. Традиционно эти события в исследовательской литературе обозначаются как римско-боспорская война 45–49 гг. н.э. Однако сведения источников об этом сюжете весьма неоднозначны. О причине и начале этого внутривластного конфликта на Боспоре источники, к сожалению, умалчивают (судя по всему, рассказ о низложении боспорского царя Митридата и воцарении Котиса содержался в утраченной части «Анналов» Тацита). Эксцепт из «Историй» Петра Патрикия, восходящий к Кассию Диону, содержит следующий сюжет: «Царь иберов Митридат задумал повернуть дело и стал готовиться к войне с римлянами. Когда же мать воспротивилась этому и, не сумев убедить его, захотела бежать, Митридат, желая скрыть свои намерения, но продолжая свои приготовления, отправил своего брата Котиса послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения (*φιλιους λογους*). Котис же, презрев посольские обязанности, все открыл Клавдию и стал царем Иберии вместо Митридата» (Cass. Dio LX.28.7; Petri Patric. Fr.Gr.H. IV.185. fr. 3; пер. В.П. Яйленко, с изменениями). Это сообщение Кассия Диона кажется несколько сомнительным с точки зрения исторической достоверности, учитывая тезисность изложения событий конфликта, а также то, насколько автор был по времени удален от происходящего. Кроме того, Митридат здесь ошибочно назван

---

³⁴ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 376–377.

иберским, а не боспорским царем³⁵. В любом случае виновником войны Кассий Дион считает именно Митридата, чьи антиримские, как сообщает источник, планы не были поддержаны семьей и ближайшим окружением.

В пассаже Тацита, где описываются события второго этапа римско-боспорской войны, можно встретить несколько иную версию. Так, повествуя о бедственном положении царя Митридата после вмешательства в конфликт римлян, Тацит сообщает (*Ann.* XII.18.1), что боспорский царь не мог теперь довериться брату Котису, который в прошлом стал для него предателем (*proditor olim*), а теперь оказался врагом (*deinde hostis*). Не вполне понятно, почему именно Котис стал врагом своему брату, но очевидно, что некоторую роль в этом сыграло предательство, о котором сообщает Кассий Дион: Котис изменил своему брату, представив его в неблагоприятном свете перед императором Клавдием (*Cass. Dio LX.28.7; Petri Patric. Fr.Gr.H. IV.185. fr. 3*). Последнего, по словам Тацита, на продолжение борьбы с Митридатом «толкала горечь нанесенных обид и жажда мести (*hinc dolor iniuriarum et libido vindictae adigebat*)» (*Tac. Ann.* XII.20).

Неизвестно, что скрывалось за этой обидой Клавдия; обычно такое отношение римского императора к делам на Боспоре в это время рассматривают как реакцию на проявление антиримского курса Митридата. По мнению С.Ю. Сапрыкина, в деятельности Митридата VIII отчетливо прослеживаются традиционные для Митридатидов черты в политике по отношению к Риму: «под прикритием дружбы и показного признания его власти усиливать тенденцию к независимости и самостоятельности в политике, подчас даже весьма агрессивной и направленной вразрез римским интересам»³⁶. Еще дальше пошел В.А. Горончаровский, который полагает, что политика Митридата сопровождалась антиримскими акциями, к примеру, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с династией императоров³⁷. Подобные варианты реконструкции событий покоятся на зыбких основаниях и, по существу, не подтверждаются источниками; ведь, как было показано выше, Митридат все же мог установить *amicitia* с предыдущим римским императором. Более близкой к действительности кажется версия А.Р. Панова:

---

³⁵ Т. Моммзен доказал, что речь здесь идет не об иберийском, а о боспорском царе Митридате: *Mommsen, T. Römische Geschichte*. Berlin, 1894. Bd. 5. S. 291. Ср. Яценко В.П. Указ. соч. С. 213; Чоредж М.М. Указ. соч. С. 99, прим. 2.

³⁶ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 247.

³⁷ Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 165.

исследователь полагает, что вмешательство римлян во внутренний конфликт на Боспоре могло быть связано с тем, что Митридат какими-то своими действиями вмешался в область римской компетенции, связанную с порядком распределения властных полномочий на Боспоре. В таком случае Митридат мог ущемить права своей матери Гепепирии, ранее признанные Римом, что и стало формальным поводом для обращения Котиса за помощью к императору Клавдию³⁸. Несмотря на всю привлекательность такой трактовки событий, она не дает ответы на все вопросы, а именно – почему Калигула утвердил на престоле Митридата³⁹, а Клавдий, после победы над Митридатом доверил власть на Боспоре Котису, а не законной правительнице Гепепирии. Так или иначе, дело действительно могло касаться разделения власти на Боспоре, но то, каким именно образом был поставлен вопрос, видимо, так и останется непонятным. Судя по всему, дело действительно было серьезным: Тацит сообщает, что Митридат совершил *iniuria*⁴⁰ по отношению к императору Клавдию (*Ann.* XII.20), а Кассий Дион – что боспорский царь, после того как потерпел поражение в войне с римской армией и был доставлен в Рим, был вынужден предстать перед судом (LXI.32.4a). Однако вопрос о том, за что именно могли судить Митридата, видимо, также пока остается без ответа⁴¹.

Так или иначе, возникшие противоречия привели к продолжительной римско-боспорской войне 45–49 гг. н.э. Она неоднократно становилась предметом как специальных, так и общих исследований по истории Северного Причерноморья⁴², поэтому, думаю, что нет необходимости останавливаться на этом вопросе подробно. Действительно, на основании многочисленного археологического материала,

---

³⁸ Панов А.Р. Клавдий и начало боспоро-римской войны // *Via in tempore. История. Политология.* 2012. Вып. 19 (138). С. 10–14.

³⁹ Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. С. 115; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт... С. 162, 164.

⁴⁰ Комментарий об употреблении термина *iniuria* в этом фрагменте см. Панов А.Р. Клавдий и начало боспоро-римской войны. С. 10 слл.

⁴¹ Существует точка зрения, что антиримские настроения Митридата были приписаны ему самим Котисом, римской пропагандой или античными авторами, зафиксировавшими этот сюжет; подробнее см. *Batty, R. Rome and the Nomads: The Pontic-Danubian Realm in Antiquity.* Oxford, 2007. P. 434–437.

⁴² См., например, *Зубарь В.М., Шмалько А.В.* Указ. соч. С. 225–231; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя... С. 19–23; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. С. 31–36; *Горончаровский В.А.* Римско-боспорский конфликт... С. 165 и ряд других исследований на эту тему.

зафиксированного на территории и Европейского, и Азиатского Боспора, можно проследить следы активных боевых действий конца 40-х гг., которые соотносятся археологами с событиями римско-боспорской войны⁴³. Но иногда в литературе можно встретить весьма патетические суждения по этому поводу. Например, Н.И. Винокуров и С.М. Крыкин полагают, что римско-боспорская война не была рядовым военным столкновением, а соотносилась с дальнейшим выбором пути развития боспорской государственности, когда с одной стороны находился самостоятельный курс развития, а с другой – закрепление за Боспором положения союзника Рима, который в перспективе должен был отстаивать интересы имперской политики в Северном Причерноморье⁴⁴. Но, судя по всему, этот конфликт не был столь глобальным – скорее, дело касалось внутривластных борьбы за власть между сыновьями Аспурга. После прямого вмешательства римских войск под командованием легата провинции Мезия Авла Дидия Галла⁴⁵ боспорский царь Митридат VIII был подавлен силой римского оружия, а на его место был поставлен Котис I, заручившийся поддержкой римского императора (Тас. *Ann.* XII.15–21).

В связи с завершением войны показателен еще один сюжет: по сообщению Тацита, после того как армия Митридата была разбита у Танаиса, он обратился за помощью к царю аорсов Эвнону, который воевал на стороне римлян, но не питал к боспорскому царю личной вражды и, вступив недавно в дружбу с римлянами (*nobiscum amicitia*), пользовался большим влиянием (Тас. *Ann.* XII.18.2). Таким образом, Митридат сдается на милость римлян (*ibid.* XII.19.1: *quod suam dextram petendae veniae delegerit*), а Эвнон, как дружественный по отношению к Риму правитель,

---

⁴³ См., например, Винокуров Н.И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008) // СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, А.А. Завойкин (ред.). 2010. Вып. 1. С. 38–44; Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3. С. 93–146; Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 50–73; Abramzon, M.G., Frolova, N.A., Gorlov, Y.V. Two hoards of Bosporan coins // *Revue numismatique*. 2001. Т. 157. Р. 287–295; Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–56; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт... С. 168–169; Винокуров Н.И., Трейстер М.Ю. Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // БФ. 2018. С. 140–148.

⁴⁴ Винокуров Н.И., Крыкин С.М. Указ. соч. С. 171.

⁴⁵ О нем см. Saprykin, S.Yu. *Op. cit.* Р. 174 f.

становится посредником в этом. По словам Тацита, царь аорсов направил к императору послов с письмом, в котором просил о том, чтобы побежденного Митридата не заставили следовать за колесницей триумфатора и не казнили. В этой связи примечательна фраза, которую Тацит приписывает Эвнону: «Начало дружбе между римскими императорами и царями великих народов кладется схожестью занимаемого ими высокого положения» (Тас. *Ann.* XII.19.2: *populi Romani imperatoribus, magnarum nationum regibus primam ex similitudine fortunae amicitiam*). Видимо, это стало одной (но не основной) причиной положительного решения императора Клавдия⁴⁶: Митридат был доставлен в Рим, утверждая, что прибыл туда по своей воле (Тас. *Ann.* XII.21.1; Cass. Dio LXI. 32.4a), где и оставался в качестве пленника вплоть до своей смерти (Plut. *Galba* 13, 15).

Подводя итог изложенным рассуждениям, можно заключить, что устоявшееся в историографии представление о Митридате VIII как об антиримском правителе, выступившем против римского господства и попытавшемся возродить былую независимость Боспора, при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не столь однозначным. Анализ монетной чеканки, эпиграфических данных и нарративных источников позволяет утверждать, что на начальном этапе своего правления (ок. 39–41 гг. н.э.) Митридат, напротив, стремился к установлению и поддержанию дружественных отношений с Римом. Об этом свидетельствуют портрет Калигулы на монетах, возможное использование титула ΦΙΛΟΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ, а также, вероятно, личная поездка царя в Рим.

Именно в середине I в. н.э. в титулатуре боспорских царей происходит ряд изменений, отражающих общий настрой политики дружбы Рима по отношению к зависимым государствам *orbis terrarum* – к формулировкам о дружбе с римским народом добавляется дружба с римским императором. Φιλόκτισσαρ и φιλορῶμαιος в титулатуре боспорских царей указывали на то, что статус друга Рима был официально утвержден императором, обладающим *imperium*, и римским сенатом, который осуществлял свою власть от имени римского народа. Новая конструкция оказалась встроена в систему привычных титулов, но при этом ее использование не было строго унифицировано на тот момент, о чем говорит вариативность титулатуры Митридата VIII. Судя по надписям и монетам, Митридат был утвержден на престоле римским императором и сенатом, при этом царь, вероятно, явился для этого в Рим лично, на что

---

⁴⁶ Исследователи подчеркивают, что римляне не умалили царского статуса побежденного противника: Braund, D. Client kings // Exeter Studies in History. 1988. № 18. P. 73–74; Панов А.Р. Взаимоотношения Рима... С. 379.

указывает сообщение Тацита. В результате этой поездки правитель получил согласие на царствование и подтвердил статус друга римского народа и императора.

Это опровергает традиционную трактовку его политики как изначально антиримской и позволяет предположить, что конфликт с Клавдием в середине 40-х гг. н.э. имел, скорее, внутривосточный, чем идеологический характер. Скорее всего, речь шла о борьбе за власть между братьями – Митридатом и Котисом, в которой Рим, как арбитр и гарант стабильности на периферии империи, вмешался, руководствуясь собственными интересами и пониманием легитимности. Обвинения в «сепаратизме» и «антиримской направленности» могут быть отчасти результатом ретроспективной интерпретации, основанной на поздних и не всегда надежных источниках, таких как Кассий Дион, а также на желании исследователей выстроить драматическую и цельную картину «последней борьбы за независимость».

Таким образом, правление Митридата VIII следует рассматривать не как сознательную попытку разрыва с Римом, а как сложный, противоречивый и во многом вынужденный эпизод в истории зависимого царства, где личные амбиции, династические интриги и региональные интересы переплетались с глобальной политикой империи. Эта история напоминает, что даже в условиях тесной зависимости от Рима боспорские цари сохраняли определенную степень политической маневренности – но цена ошибки или опрометчивого шага в отношениях с императором могла быть чрезвычайно высокой.

ФРАГМЕНТ «ПОВЕСТИ О ТЕМИР-АКСАКЕ» В «ЦЕРКОВНЫХ
АННАЛАХ» ЦЕЗАРЯ БАРОНИЯ В КОНТЕКСТЕ КАТОЛИЧЕ-
СКОЙ ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ ИКОН

А.Б. Мальшев¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: ordynez@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется фрагмент русской летописной «Повести о Темир-Аксаке» (Тамерлане), который попал в официальную историю католической церкви - «Церковные анналы», написанные в XVII в. Данный фрагмент описывает известный сюжет о спасении Руси с помощью чудотворной Владимирской иконы Божией Матери. В работе приводятся и другие свидетельства иностранных авторов XVI-XVII вв. об особенностях православия в России и почитании русскими икон. На основе анализа источников, высказывается предположение о влиянии русского летописного рассказа, приведённого в «Церковных Анналах», на распространение почитания икон в католической церкви в XVII вв.

Ключевые слова: Церковные Анналы, католицизм, православие, иконопочитание, чудотворные иконы, русские летописи, Тамерлан, культ Богоматери.

A FRAGMENT OF «THE TALE OF TEMIR-AKSAK» IN CAESAR
BARONIUS'S «ECCLESIASTICAL ANNALS» IN THE CONTEXT OF
THE CATHOLIC TRADITION OF ICON VENERATION

A.B. Malyshev

(Saratov, Russia)
e-mail: ordynez@yandex.ru

Annotation. This article examines a fragment of the Russian chronicle «The Tale of Temir-Aksak» (Tamerlane), that found its way into the official history of the Catholic Church, the «Ecclesiastical Annals», written in the XVII century. This fragment describes the well-known narrative of Russia's salvation through the miraculous Vladimir Icon of the Mother of God. The work also presents other testimonies of foreign authors of the XVI-XVII centuries regarding the peculiarities of Orthodoxy in Russia and icon veneration by Russians. Based on the analysis of the sources, an assumption is made about the influence of the Russian chronicle narrative given in the «Ecclesiastical Annals», on the spread of the icon veneration within the Catholic Church during the XVII century.

Key words: Ecclesiastical Annals, Catholicism, Orthodoxy, icon veneration, miraculous icons, Russian chronicles, Tamerlane, the cult of the Mother of God.

---

¹ Мальшев Алексей Борисович (Саратов), к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии ИИИМО Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Для цитирования: *Мальшиев А.Б.* Фрагмент «Повести о Темир-Аксаке» в «Церковных анналах» Цезаря Барония в контексте католической традиции почитания икон // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 122-132.

В конце XVI – начале XVII в. католический церковный историк – кардинал Цезарь Бароний (Чезаре Баронио, 1538-1607 гг.) создал 12-томный труд «Церковные анналы» (*Annales Ecclesiastici*). Данное сочинение возникло в пору бурной протестантско-католической полемики и борьбы за души верующих. Непосредственным вызовом для написания столь подробного труда по истории католической церкви, было создание во второй половине XVI в. коллективом протестантских авторов большого критического сочинения, по истории церкви: «Магдебургские центурии», носившего явную антикатолическую направленность. Ответом на данное издание и стало создание в 1588-1617 гг. Цезарем Баронием «Церковных анналов» в 12 томах. Однако в своём произведении Бароний успел рассмотреть не всю историю католической церкви, а лишь от возникновения христианства до 1198 г. Далее работу над «Анналами» продолжили его последователи: Одорико Райнальди и Джакомо Ладерчи, написавшие в XVII веке ещё 12 томов, доведя повествование до 1565 г. В конце XVII – начале XVIII в. издание «Анналов» продолжили Антуан Паджи, Франсуа Паджи и другие авторы. По своему идеологическому значению «Церковные анналы» стали наиболее важным трудом по истории католической церкви.

Труд Барония и его последователей имеет огромное историческое значение в силу того, что авторы использовали многочисленные источники из библиотек и архивов Ватикана и других европейских стран, а также Византии и иных православных государств, в том числе документы, не известные в оригинале. Для освещения истории католической церкви привлекались события в государствах Восточной Европы, Русских землях и, даже в Золотой Орде. В то же время, уже в первом издании «Анналов» был замечен ряд существенных ошибок и досадных неточностей.

Повествуя о событиях конца XIV – начала XV в., авторы «Анналов» рассказывали о вторжении в Южную Европу войск османского султана Баязида I, который покорил земли балканского полуострова. Согласно его изложению, христианские государи, разделённые схизмой, воевали друг с другом (имеются в виду Византия, южнославянские и ближайšie католические государства – А.М.), и ослабели перед лицом

опасности исходящей от турок. В связи с этим венгерский король Сигизмунд собрал большую армию из 52 тысяч воинов и выступил против турецкого войска. После этого армия Сигизмунда была разгромлена войсками султана Баязида I в страшной и кровопролитной битве² (сражение при Никополе 1396 г. – А.М.). Однако, как пишет О. Рейнальди, «...Так как Баязид не отказался от покорения христиан, Господь разрешил, чтобы на него поднялся Тамерлан»³. Имеется в виду победа войск Тамерлана над армией Баязида I через несколько лет -- в битве под Анкарой в 1402 г., что на некоторое время снизило военную активность турок в Европе и сохранило ещё на несколько десятилетий Византийскую империю.

Излагая в «Анналах» события 1395-1396 гг., О. Рейнальди и Д. Ладерчи и приводили отрывок из истории Московского государства, а именно повествование о походе среднеазиатского правителя Тамерлана в Восточную Европу.

По их словам: «Книга Сигизмунда сообщает, что в дальнейшем, в том же году в Московию вторгся вождь Тамерлан, и добавляет из древних московских памятников, что [Московия] была стеснена огромным войском, и, что Москва была столь охвачена страхом, что отчаявшись в победе, если ей не поможет милосердный Бог, искала заступничества у Богородицы. [Сигизмунд] сообщает, что её силой татары были отражены: «Тамерлан с огромным войском пришёл в Рязань (*Retzian*) с целью разрушения Московии, и столь великий страх охватил князей Московских, что, отчаявшись в победе, отказавшись от оружия, они прибегли только к божественной помощи. Тотчас же послали во Владимир (*Vuolodimeriam*) за неким образом Пресвятой Девы Марии, который был там известен многими совершёнными чудесами. Когда его везли в Москву, навстречу ему вышел князь (московский великий князь Василий I Дмитриевич – А.М.) со всем почётным семейством, нижайше слёзно моля её об отвращении врага, и ввёл в государстве величайший пост и поклонение ей. Говорят, что этим поклонением он добился того, что татары не продвинулись дальше Рязани. В вечную память этому событию, на том месте, где ожидался и был встречен образ, был воздвигнут храм. И этот день, который русские называют «Сретенье», то есть

---

² *Baronio, C., Rinaldi, O., Laderchi, G. Caesaris S. R. E. card. Baronii, Od. Raynaldi et Jac. Laderchii. Annales ecclesiastici, denuo excusi et ad nostra usque tempora. 37 vol. Parisiis; Bruxellis, 1864. T. XXVI. P. 567.*

³ *Ibid. P. 567.* Автор выражает признательность Е.В. Смыкову за перевод этого текста.

«день встречи» – 26 августа, ежегодно торжественно празднуется. Это случилось в 6903 году», а от Рождества Христова – в 1395 году. Однако как татары проникли в Литву и Польшу, говорится ниже»⁴ (перевод Е.В. Смыкова).

Авторы «Анналов» ссылались на «Книгу Сигизмунда», то есть на сведения, полученные из произведения австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии», впервые опубликованного в 1549 г. в Вене на латинском языке. В оригинале текст Герберштейна выглядит следующим образом: «После него Темир-Аксак двинул для опустошения Московии огромное войско на Рязань, внушив государям Московии столь великий страх, что, отчаявшись в победе и бросив оружие, они прибегли единственно к божественной помощи: тотчас послали во Владимир за неким образом Пресвятой Девы Марии, который был прославлен многими явленными там чудесами. Когда его везли в Москву, то навстречу ему, в знак почтения вышел государь, со всем населением. Нижайше помолившись, сперва об отвращении врага, государь проводил образ в город с величайшим благоговением и поклонением. Говорят, такой набожностью они добились того, что татары не пошли дальше Рязани. В вечное воспоминание об этом событии, на том месте, где ожидали образ, и где он был встречен, выстроили храм, и этот день, который русские именуют «Сретение», то есть «день встречи», ежегодно торжественно празднуется 26 августа. А это случилось в 6903 году»⁵.

В целом, приведённый фрагмент «Анналов» мало чем отличался, от рассказа Герберштейна. Исключение составляли лишь отдельные слова и выражения. Например, Герберштейн писал, что навстречу чудесной иконе «вышел государь, со всем населением». А авторы «Анналов» сообщали, что «вышел князь со всем почётным семейством». Герберштейн называл Тамерлана – «Темир-Аксаком» (железным хромцом), как его именовали русские летописцы, а О. Рейнальд и Д. Ладерчи употребляли имя «Тамерлан».

В целом, науке известны те самые «древние московские памятники», которые, по словам авторов «Анналов», использовал Сигизмунд Герберштейн при написании данного отрывка. Это одна из редакций «Повести о Темир-Аксаке» (всего известно 11 редакций), включавшая сведения о происхождении «Железного хромца». Известны летописи, содержащие схожую редакцию повести. Это Львовская, Софийская 2-я

---

⁴ *Baronio, C., Rinaldi, O., Laderchi, G. Caesaris. P. 567-568.*

⁵ *Герберштейн С. Записки о Московии. В 2-х т. М., 2008. Т. I. С. 394-397.*

и Ермолинская летописи⁶ с некоторыми добавлениями, то есть, летописный свод 1518 г. По-видимому, Герберштейн и использовал подобный источник⁷.

Изначальная «Повесть о Темир-Аксаке» («сказание» или «слово»), повествующее о событиях 1395 г., была создана в конце XIV – первой половине XV в. В 1470-80-х гг. сложились две основные редакции произведения. Повесть включает: легендарное жизнеописание Тамерлана, рассказ о его нападении на Золотую Орду и Русь, сказание о перенесении в Москву Владимирской иконы Богоматери и видении небесных полков завоевателю⁸. Уже гораздо позднее – в середине XVI века, на основании «Повести о Темир-Аксаке», сложилось компилятивное «Сказание об иконе Богоматери Владимирской».

Следует отметить, что Сигизмунд Герберштейн приводил рассказ из «Повести о Тимур-Аксаке» совершенно не в религиозном контексте. В «Записках о Московии», автор уделял весьма значительное внимание религии, вероучению, обрядности, христианским нормам поведения, наставлениям русских церковных деятелей, церковным праздникам, традициям поста, а также почитанию святых. Эти сведения он приводил в отдельных главах своего сочинения. Однако здесь ничего не говорилось о культе Богородицы и почитании чудотворной иконы Владимирской Богоматери. Данный сюжет о чудесном спасении Руси от войск Тамерлана при заступничестве чудотворной иконы Владимирской Богоматери, воспроизводился лишь при описании отношений между русскими княжествами и Золотой Ордой – в главе «О Татарах». Представляется, что Герберштейн, хорошо знакомый с русскими летописями, не мог отождествлять Тимур-Аксака (Тамерлана) с золотоордынскими ханами. Впрочем, для него это не имело особого значения, и Герберштейн представлял как Золотую Орду, так и армию вторжения Тамерлана одинаково враждебными для Руси силами.

Авторы «Анналов», сразу после сюжета о спасении Руси от Тамерлана, приводили сообщение о нападениях татар на Польшу и

---

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 124-128; Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910. С. 212-216; Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 134-135.

⁷ Герберштейн С. Указ. соч. Т. II. Статьи, комментарии, приложения, указатели, карты. С. 442, комм. 698.

⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч. 2: Л-Я. Л., 1989. С. 283-287.

Литву⁹ и тоже мало отличали воинов Тамерлана от «татар» вообще. С другой стороны, Тамерлан, по их мнению, выступал «орудием Господа» в обоих случаях – и в разгроме турок, и в отступлении (бегстве) от пределов Русских земель.

Представляется, что в «Церковных анналах» данный сюжет «Повести о Темир-Аксаке» был приведён в двух контекстах. Во-первых, рассказ Герберштейна о Тамерлане был использован, так как авторы «Анналов» были относительно слабо осведомлены о военной деятельности и завоеваниях Тимура на Востоке. Сочинение Герберштейна послужило для них, по сути, единственным «восточным» известием о Тамерлане. Удивляет то, что авторы были, по-видимому, не знакомы, или почему-то не использовали сочинение испанского дипломата и путешественника Руи Гонсалеса де Клавихо «Жизнь и деяния великого Тамерлана, с описанием земель его империи». Это произведение было написано по материалам дневников путешествия Клавихо ко двору Тамерлана в 1403-1406 гг. и впервые было издано в 1582 г. в Севилье¹⁰.

Во-вторых, наиболее важной причиной использования данного русского православного мифа о чудесной иконе Богородицы Владимирской, является поддержка и продвижение весьма важного для католического вероучения культа Богородицы.

Католическая церковь различает три вида культа: 1) Поклонение, которое воздаётся исключительно Богу; 2) Особенное почитание Богородицы; 3) Почитание, воздаваемое святым. Основу католического культа составляет Почитание Иисуса Христа и Девы Марии. Только католицизму присуще возникшее в XII в. поклонение Сердцу Иисуса и Сердцу Девы Марии. Католики поклоняются также ангелам, почитают иконы, реликвии и святые места, связанные с жизнью Иисуса Христа, Девы Марии, апостолов и мучеников. Однако почитание икон в католицизме до XVI-XVII вв. было гораздо менее распространено, чем в православии. В то же время, в католицизме весьма распространённым было почитание объёмных изображений (статуй) Христа, Девы Марии и святых.

Интересно, что Сигизмунд Герберштейн в своём сочинении рассказывает не только об иконе Владимирской Богородицы, но сообщает и ещё об одной известной чудотворной иконе – Ченстоховской иконе

---

⁹ *Baronio, C., Rinaldi, O., Laderchi, G. Caesaris. С. 568.*

¹⁰ *Клавихо Р.Г. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990. С. 3.*

Божией Матери, почитаемой как православными, так и католиками¹¹ – главной христианской святыне Польши. Икона была написана в XII-XIII вв. в Византии и попала в Польшу через галицко-волыньских князей. По преданию, эта икона спасла город Бэлз от монгольской осады в XIII в.¹²

Следует отметить, что Герберштейн и авторы «Церковных Анаалов» – были не первыми европейцами, интересовавшимися особенностями русской религиозности: святыми, монашеством, обрядностью, почитанием Богоматери и икон. Почти все иностранцы, писавшие в XVI-XVII вв. о России, с удивлением и уважением отзывались о религиозности русских¹³.

Первый из католических авторов, писавших на эту тему, был Иоганн Фабри – австрийский католический епископ Вены, богослов, переводчик и автор полемических произведений против реформации. Наиболее значительным его произведением стал трактат «Молот против Лютеранской ереси» (1524 г.). В 1525 г. Иоганн также написал трактат «Религия Московитов», основываясь на своих беседах с русскими послами Василия III. В своём произведении он противопоставлял грубый русский народ, почитающий, однако, монашество, и яко бы просвещённый немецкий народ, отрицающий этот древний христианский институт¹⁴. Иоганн подробно описывал почитание русскими икон, Богоматери и праздники, посвящённые ей, а также доказывал, что почитание икон не является идолопоклонством. В то же время, Иоганн называл иконы то картинами, то образами¹⁵, видимо, не различая чётко эти понятия.

Ещё один автор, писавший о России, был Антонио Поссевино – итальянский священник-иезуит, папский легат и проповедник, побывавший в России в конце Ливонской войны (1581-1582 гг.) и оставивший после этого несколько сочинений о России (издавались с 1586 г.). Антонио был изначально весьма враждебно настроен в отношении православия. Однако он подробно описал русское иконопочитание, после того как Иван IV позволил ему посетить

---

¹¹ Герберштейн С. Указ. соч. Т. I. С. 691.

¹² Романова Н. Загадки иконы: к вопросу об иконе Божией Матери «Ченстоховская». М., 2004; Лепяхин В.В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М., 2005. С. 312.

¹³ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866. С. 16; Лепяхин В.В. Икона и иконопочитание. С. 279.

¹⁴ Лепяхин В.В. Икона и иконопочитание. С. 279-281.

¹⁵ Там же. С. 283-300.

православный храм, чтобы тот убедился, как русские относятся к иконам, Святой Троице и Богородице¹⁶. Со слов Антонио, Римский Папа позволил католикам почитать православные иконы, изображающие общих для православия и католичества святых¹⁷.

Голштинский дипломат Адам Олеарий побывал в России в 1634-1639 гг., а также в 1643 г. Его книга «Описание путешествия в Московию» была издана уже в 1647 г. Олеарий был лютеранином по вероисповеданию и его отношение к иконам, в целом, было критическим. Известно, что отрицание или критика иконопочитания – характерная особенность протестантизма. Тем не менее, Олеарий описал русское иконопочитание в разных аспектах: в церковных обрядах, в быту и народной культуре, в наиболее почитаемых иконах и святых (Христос, Богородица и Николай Чудотворец)¹⁸. Однако довольно часто он называл иконы просто «картинами древней живописи»¹⁹.

Рассматривая различия в отношении икон между православием и католичеством, следует отметить, что в католичестве главной функцией иконы считалась напоминательная (напоминание человеку о Боге) и образовательная (икона – книга для неграмотных). Католическая икона создавалась не в качестве сакрального образа, а как иллюстрация на библейские темы, живописный портрет или картина на религиозную тематику, изображение которой полностью зависит от фантазии художника. В связи с этим, католическая церковь никогда не относилась строго к иконографическому канону, а от священного изображения требовала лишь благочестивый характер. Поэтому исследователи часто относят католическую икону к одному из родов религиозной живописи. Исходя из этого, для католиков почитание икон не относилось к вероисповедальной сфере, и они могли молиться и перед православными иконами, и почитать их²⁰. Этот принцип хорошо виден в отношении Иоганна Фабри к русской иконе, как к простой «картине».

---

¹⁶ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России. М., 1983. С. 14, 23-41, 60-62, 73-76, 86-88, 132-133, 173-197, 210-213.

¹⁷ Там же. С. 76.

¹⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 57, 75, 165-169, 240, 264, 281, 289-316, 323-335.

¹⁹ Там же. С. 47.

²⁰ *Ленахин В.В.* Икона и иконопочитание. С. 325-327; *Горожанина М.Ю.* Православная и католическая иконография: в свете диалога культур Востока и Запада // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 4. С. 17-18.

Русская иконография формировалась под сильным влиянием византийской традиции, с её строгостью и монументальностью. Православная икона была полна торжественности, небесного света и радости. Она создавалась для молитвы, и была направлена на формирование соответствующего настроения²¹. В православии главное призвание иконы состояло в её литургической (богослужебной) и молитвенной функциях. Начиная с иконоборческой эпохи (VIII-IX вв.) православие настаивало на соответствии визуального и словесного образа. Событие на иконе должно было изображаться так, как оно описано в Священном Писании, без «самодеятельности» и «самомышления», а по иконографическому канону²². На этих основаниях, почитание икон в православии было более распространённым и более серьёзным делом, чем в католичестве.

Можно выделить три главных отличия между православной и католической иконой: 1) Разное назначение (православная для молитвы, католическая в качестве иллюстрации); 2) Разная манера и стили письма; 3) Разное отношение к образу (у православных все иконы пишутся строго по канонам, с акцентом на неземную ипостась; у католиков основное внимание отводится земной жизни, действию)²³.

Именно этот реализм католической иконографии и её приземлённость, стал одной из причин протестантского «иконоборчества»²⁴. В отличие от католицизма, в протестантизме, в основном, отрицается культ Богородицы и святых, а также почитание икон. Это хорошо видно, по критическому отношению к иконам протестанта – Адама Олеария. В свою очередь, эта особенность протестантского восприятия икон, и способствовала привлечению авторами «Церковных Анналов» (в противовес протестантам) рассказа о чудотворной иконе Богородицы Владимирской защитившей Русь от нашествия Тамерлана.

Приведённый фрагмент из «Церковных анналов» дополняет и другие известные случаи почитания католиками православных святых и православных икон. Заметим, что наиболее ранние почитаемые в католической церкви иконы, являлись изначально византийскими (или православными) по стилистике и происхождению.

Считается, что в истории культурного взаимодействия католицизма и православия выделяется два этапа: первый – XI-XVII вв.

---

²¹ Горожанина М.Ю. Православная и католическая иконография. С. 17-18.

²² Ленахин В.В. Икона и иконопочитание. С. 325-326.

²³ Горожанина М.Ю. Православная и католическая иконография. С. 18.

²⁴ Там же. С. 18.

характеризующийся сильным влиянием византийской традиции на католическую иконографию (особенно в XIII–XIV вв.), второй – XVII–XVIII вв. связан с воздействием католической традиции на русскую иконопись²⁵. Представляется, что эти процессы взаимовлияния были более сложными и разносторонними.

Византийское влияние на католическую иконопись XI в. можно проследить в аскетической стилистике мозаик собора Святого Марка в Венеции, мозаик церкви Санта-Мария-Ассунта на венецианском острове Торчелло; фресок главного храма монастыря Богородицы Елеусы в Велюсе (Македония)²⁶. Заметное влияние православной традиции на католическую иконографию наблюдается в XIII в. Это отражено в творчестве тосканских и сиенских мастеров, которые стали изображать Мадонну в виде царицы-владычицы Сиен. Таким образом, византийский тип изображения (Богоматерь на троне) получил новое прочтение на итальянской почве²⁷.

Весьма почитаемыми в католицизме являются некоторые православные чудотворные иконы:

– Ченстоховская икона Божией Матери – икона византийского письма XII–XIII вв., писанная с первообраза VI–VIII вв. попавшая в Польшу от галицко-волыньских князей²⁸;

– Икона Девы Марии Снежной в церкви Санта-Мария-Маджоре в Риме – одна из самых почитаемых католиками икон Богородицы, называемая также «Спасение народа Римского». Это икона VIII в. византийского происхождения, связанная с иконографическим типом Одигитрии (Путеводительницы). С иконы сделано несколько списков под названием «Икона Девы Марии Снежной»²⁹.

– Холмская икона Божией Матери (хранится в Луцке на Украине) – произведение византийской живописи XI–XIII вв.³⁰.

---

²⁵ Горожанина М.Ю. Православная и католическая иконография. С. 15.

²⁶ Там же. С. 18.

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Романова Н. Загадки иконы: к вопросу об иконе Божией Матери «Ченстоховская». М., 2004; Лепяхин В.В. Икона и иконопочитание. С. 312; Горожанина М.Ю. Православная и католическая иконография. С. 20.

²⁹ Колтакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. М., 2010. С. 253–255.

³⁰ Этингоф О.Е. Византийские иконы VI – первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 164–170, 618–621; Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 621–622.

– Икона Божией Матери «Никопея» (Собор Святого Марка в Венеции) – икона византийского происхождения XII в.³¹.

– Богоматерь Одигитрия Месопандитисса (Собор Санта Мария делла Салюте в Венеции) – спасительница Венеции от чумы, византийская икона XII века³².

– Богоматерь Одигитрия Сиенская (кармелитская церковь Святого Николая) – византийская икона XIII в., а также многие другие иконы византийского письма³³.

Однако появление большинства почитаемых в католицизме чудотворных икон относится ко второй половине XVI-XVII в.

Таким образом, сообщения католических и протестантских авторов о России XVI-XVII вв., её религии и особенностях православного культа оказало католической церкви определённую антипротестантскую идеологическую помощь. Конечно, ко времени продолжения «Церковных анналов» в XVII в. О. Райнальди и Д. Ладерчи (ещё со времён Ливонской войны), уже начал формироваться тот негативный архетип европейского восприятия России, как жестокой и варварской страны, вечного агрессора и врага западного христианского мира («европейской цивилизации»). Однако, по-видимому, в это время, отношение католиков к Московии ещё не было однозначно отрицательным. Представляется, что именно уважительное отношение к русской культуре, православной культовой практике почитания икон и легенде о чудотворной иконе Богоматери Владимирской, которое попало в официальную историю католической церкви («Церковные анналы») оказало значительное влияние на усиление иконопочитания у католиков, причём в противовес протестантизму. В результате, почитание икон, в том числе, и чудотворных, в католицизме во второй половине XVI – XVII в. стало более массовым и распространённым явлением.

---

³¹ Урбани М.В. Собор Сан Марко. Венеция, 2006. С. 25.

³² Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 53.

³³ Пугачёва И.В. Византийская икона, как особо почитаемый образ в Италии XIII в., на примере Сиенской Одигитрии из церкви Кармелитов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 1. С. 145-157.

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК 94(4-15) | 1618/1648 | :355.426(37) | -01 |

«ABERMALS EIN NEUES JAHR! IMMER NOCH DIE ALTE NOT!»: РИМСКИЕ ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В КУЛЬТУРЕ ГЕРМАНИИ ВРЕМЕН ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

И.Н. Степанов¹

Колледж туризма и прикладных
технологий Санкт-Петербурга
e-mail: stepanoff.goscha2011@yandex.ru

Аннотация. В каждую кризисную эпоху в истории той или иной страны люди стремятся найти исторические аналогии в прошлом, которые наставят их в новых условиях жизни, дадут добрый совет, утешат и вернут надежду на будущее. В эпоху, когда классическая древность составляла плоть и кровь всего образованного общества, вполне естественно, что именно к ней обратили свой взор подданные Германской империи, раздираемой внутренними противоречиями и внешними угрозами. А ощущение кровного родства, войны против представителей своего же народа, само подталкивало обратиться ко времени римских гражданских войн, где вполне находились общие сюжеты: жажда иного, счастливого мира, роль войска, личность и общество, тирания и легитимность, Провидение и слепое счастье, гибель старого мироощущения.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, античность, гражданские войны в Риме, Валленштейн, Цезарь, кризисная эпоха, рецепция, исторические аналогии.

«ABERMALS EIN NEUES JAHR! IMMER NOCH DIE ALTE NOT!»: ROMAN CIVIL WARS IN THE CULTURE OF GERMANY DURING THE THIRTY YEARS' WAR

I.N. Stepanov

(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: stepanoff.goscha2011@yandex.ru

Annotation. In every era of crisis in a country's history, people seek historical analogies from the past to guide them in new living conditions, to offer good counsel, to console, and to restore hope for the future. In an age when classical antiquity formed the very flesh and blood of all educated society, it was entirely natural that the subjects of the Holy Roman Empire, torn apart by internal

---

¹ Степанов Игорь Николаевич (Санкт-Петербург), преподаватель Колледжа туризма и прикладных технологий Санкт-Петербурга, выпускник аспирантуры по кафедре истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета.

contradictions and external threats, would turn their gaze precisely to antiquity. The very feeling of a kinship-based conflict, a war against members of one's own people, itself drove them to turn to the time of the Roman civil wars, where fully applicable common themes could be found: the longing for a different, happier world, the role of the military, the individual and society, tyranny and legitimacy, Providence and blind fortune, the demise of an old worldview.

Key words: Thirty Years' War, Antiquity, Roman civil wars, Wallenstein, Caesar, era of crisis, reception, historical analogies.

Для цитирования: Степанов И.Н. «Abermals ein neues Jahr! Immer noch die alte Not!»: Римские гражданские войны в культуре Германии времен Тридцатилетней войны // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 133-144.

*Памяти русского антиковеда-романиста
Е.В. Смыкова*

«Сию книгу, в коей я, как честный лист бумаги, представлял две страницы, фактор столь же возлюбил, как Александр Великий Гомера; она была ему вместо Вергилия, коего столь прилежно изучал Август, заменяла ему Оппиана, коего с таким усердием читал Антоний, сын Септимия Севера; служила ему как «Комментарии» Плиния Младшего, которые так высоко ценил Ларгий Лициний, она же была его Тертулианом, которого не выпускал из рук епископ Киприан, была его «Киропедией», которую так ославил Сципион; его Филолаем Пифагорейцем, к коему так благоволил Платон; его Спевсиппом, коего так любил Аристотель, его Корнелием Тацитом, коим так гордился император Тацит; его Комином, которого Карл Пятый предпочитал всем другим писателям, и, одним словом, его Библией, которую он штудировал день и ночь, правда, не затем, чтобы все счета были верными и справедливыми, а для того, чтобы запутать свои воровские проделки и все так расписать, чтобы все сошлось со счетною книгою»².

Это — отрывок из славной биографии Подтирки, которую употребил по прямому назначению герой романа Якоба Гриммельсгаузена Симплициус Симплициссимус, идущий дорогами Тридцатилетней войны (1618–1648).

Античность каждому времени предоставляла зеркало, идеальное отражение, в котором оно может видеть себя, все свои помыслы, горести и радости. Должна была она дать это отражение и кровавым событиям, происходившим в Священной Римской империи. Возрождение было еще недавно, древние тексты прилежно изучались, сопоставлялись с

---

² Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус / Пер. А.А. Морозова. Л., 1967. С. 396.

текущей действительностью, составляли плоть и кровь поэзии и литературы вообще. Высмеянная Гриммельсгаузенем ученость³ проникала всю сущность немецкой культуры, напоминая близкий каждому из нас образ сурового немецкого же профессора позапрошлого века, всезнающего, имеющего в своем кармане цитату на любой вопрос. Изборники, моральные наставления — любимое чтение общества, к которому обращались проповедники, где сразу после утешения вдовам и сиротам шло утешение нашим коллегам⁴: «Поднимите глаза ваши, вы, изгнанные студенты, там — ваша школа! Вы, изгнанные *professores et praeceptores*, там — ваша кафедра!»⁵

Преклонение перед *Gelahrtheit*, объемом знаний, эрудированностью и энциклопедичностью было столь велико, что хорошим тоном считалось такое, к примеру, обращение к любезному читателю, найденное в одной из работ, посвященных историческому разбору гражданских войн: «Посему и я, по мере сил моих, приму сей труд на себя и о нём поведу речь; но из умонастроения древних, из чьих писаний, словно из садов, я буду собирать цветы суждений и сплетать их в сии венки положений. И тем извинительнее [сие предприятие], что я буду приводить не установления собственного ума, но наставления и советы других; и не приводить, но предлагать»⁶.

Эрудированность эта, правда, часто сводилась к различным курьзам и занимательным историям. Так, полигистора Филиппа Камерария из биографии Суллы, конечно, интересовало прежде всего то, что ему явился демон во сне, а после пробуждения тот рассказал об этом друзьям, составил завещание и умер 60-ти лет от роду⁷; или, что, «когда диктатор хотел плыть с полутора тысячами кораблей в Брундизий, около Аполлонии был пойман сатир и приведен к нему»⁸.

Так античные образы, тиражируемые через цитаты и сентенции, освященные авторитетом, становились общими местами, понятными широким слоям. Через них ученые, поэты, проповедники и объясняли

---

³ И одновременно хвастливая! Автор демонстрирует свою собственную начитанность.

⁴ Все прозаические и поэтические переводы с немецкого и латинского языков (кроме специально оговоренных) принадлежат автору данной статьи.

⁵ *Meyfart, J.M.* Tuba novissima. Das ist Von den vier letzten Dingen des Menschen. Coburg, 1626. S. 60.

⁶ *Kilburgerus, F.* Discursus historico-politicus de bello civili. Argentorati, 1625. P. 1.

⁷ *Camerarius, Ph.* Operae horarum succisivarum sive Meditationes Historicae Das ist, Historischer Lustgarten. Leipzig, 1628. S. 75.

⁸ *Ibid.* S. 425.

окружающую действительность другим и себе самим. События первой половины XVII в. особенно возбудили спрос на примеры кризисных эпох древнего мира, особенно эпохи гражданских войн в Риме.

В первую очередь, конечно, погружение в римскую древность давало возможность ухода от тяжелой действительности. Отсюда немецкая поэзия значительной частью своей шла вслед за Катуллом, Овидием и Горацием в мир аркадской идиллии, исполненный нежной красоты и пасторальной любви, ярким примером чего является творчество «немецкого Овидия» Христиана фон Гофмансвальдау, Даниэля фон Лоэнштейна и многие творения подлинного классика, защитника Германии и немецкого языка, Мартина Опица:

Эй, ты, юноша, глубоко
Объяснивший целый мир,
Объясни мне: где трактир
Тут от вас неподалеку?
До тех пор, покуда мне
Нить спрядет старушка Клото,
Утоплю свои заботы
В упоительном вине!⁹
(Пер. Л. Гинзбурга)

В этом же мотиве счастливой и спокойной жизни следуют и многочисленные чаяния утопического мира, куда можно сбежать. Отсюда — воспоминание об Элизии (подробнейшее описание коего дано в книге с говорящим названием «Час отдыха в собачий день»¹⁰) и островах блаженных, в том числе и в связи с Квинтом Серториумом, туда стремившимся¹¹. И об этих чаяниях говорят постоянные стремления опровергнуть их у протестантских авторов, описывающие их как напрасную надежду, утешение слепых язычников, басни поэтов¹².

---

⁹ Литературные манифесты западноевропейских классицистов / Под ред. Н.П. Козловой. М., 1980. С. 458.

¹⁰ Конечно, в названии под «die Hundstage» подразумеваются знойные дни лета, а «Erquickstunde» — часы отдыха, чтобы освежить усталую душу в это неспокойное время: Hundstägige Erquickstunde: Das ist: Schöne, Lustige, Moralische und Historische Discursß und Abbildungen. Franckfurt, 1651. S. 22.

¹¹ *Camerarius, Ph. Op. cit. S. 269–272.*

¹² *Rechtenbach, L. Euzōia kai Euthanasia, Oder die Güldene, selige Lebens- und Sterbens-Kunst. Kühne, 1625. S. 415; Salmuth, J. Von warer Seligkeit der außerwelten*

Все это дает отдохновение сердцу, но не пищу уму. Интереснее иное, т. е. именно осмысление, не поиск вечных идеалов блаженной жизни, а попытка понять происходящее через аналогии в прошлом.

И здесь возникает главный мотив — личность. Античные авторы, на которых, прежде всего, ссылаются писатели эпохи, — Саллюстий, Светоний, Плутарх и Тацит, — так или иначе сосредоточены на исследовании личности, вся история движима ею, ее душой и характером. Этот античный психологизм сливается воедино с христианской нравственностью, поэтому главной причиной гражданских войн объявляются пороки личности: жажда славы, честолюбие, стремление к чрезмерности. Ни одно общество не может долго прожить без руководителя, без главы, однако эти качества *der Potentaten* или делают власть тиранической, или уничтожают саму власть в постоянной борьбе за нее, примером чему, конечно, борьба Помпея и Цезаря, Суллы и Мария, Августа и Антония¹³. В этом смысле их история полезна как будущим правителям, для воспитания которых в это время издается обширная литература, так и обычным людям, которые, прочитав о жадности и честолюбии в сборнике моральных историй, удовлетворятся своим состоянием и поймут, что частная жизнь куда лучше жизни общественной, как сопряженной с многочисленными опасностями.

Из такого рода книг мы, к примеру, узнаем, что Август — славный император, хорошо изучивший историю предшественников и понявший, что расширение своей власти *fas et nefas* не приведет к добрым результатам, поэтому он смирил себя, как должны смирить и юноши, читающие мудрые книги¹⁴. Яркий пример тиранической власти — это, конечно, Сулла, который уничтожал не только своих врагов, но и невинных людей, и друзей своих, при этом продавая их имущество¹⁵; его прямая противоположность — Юлий Цезарь. Если Сулла жесток, то Цезарь милосерден. Тот постыдно, как Ахиллес с телом Гектора, поступил с телом Мария после своей победы, этот же плакал над телом Помпея¹⁶.

Kinder Gottes, welche in dem Herrn Jesu Christo sterben. Kühne, 1618. S. 34; Saubert, J. Geistliche Gemaelde uber die Sonn und hohe festtägliche Evangelia. Nürnberg, 1658. S. 82.

¹³ Löhneysen, G.E. *Aulico politica*. Remlingen, 1625. P. 21.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. При этом на целом ряде примеров — Метелл после Серторианской войны, Сулла, Марий, Карбон — указывается, что жажда почестей не к лицу

С этими личностями иногда увязывались и великие деятели времен германского нестроения. Из них наиболее заметной фигурой является имперский генералиссимус Альбрехт фон Валленштейн, затенявший, как писали авторы эпохи, мощью своей самого императора. Конечно, он навлек на себя ненависть многих, собственно, обоих лагерей — протестантов и католиков. В одной из работ его сравнивают с Цинной, отмечая схожие моменты биографий: 1) узурпация единоличной власти над армией в ущерб союзным князьям; 2) расправа над знатью для расчистки мест своим сторонникам; 3) подкуп армии и взятие личной присяги; 4) измена отечеству и планы установить личную тиранию, что и привело к законному убийству заговорщиками¹⁷. Католический поэт Яков Бальде сочинил большое стихотворение, прославляющее убийство Валленштейна, в котором называет его Катилиной германского мира и, помимо прочего, пишет:

Рим некогда видел — о горе! —
Как Цезарь был поражен Брутом;
Теперь же счастливо весь видит,
Как Брут повержен Цезарем¹⁸.

Судьба таких людей лишь более усиливает настроения, всегда возникающие в эпоху смут, именно — мысли об изменчивости человеческой жизни, о неразумности мироздания, о капризах Фортуны. В поэзии и прозе постоянно упоминается *blindes Glück* — «слепое счастье». Однако именно это «слепое счастье» входило в резкое противоречие с религией. Протестантизм отвергает случай, более того, в своем стремлении обосновать власть Провидения, он отвергает и свободу воли человека, достаточно вспомнить известную полемику по данному вопросу Лютера с Эразмом Роттердамским.

Вера в удачу, получившая новый импульс, подвергается активному гонению, составляются выписки из Священного писания, доказывающие, что единственный податель счастья — Бог. У лишенных Бога тоже

человеку, ибо с одной стороны, он может выглядеть нелепо, если недостоин, с другой, может вызвать зависть, результатом чего является судьба Цезаря.

¹⁷ Traur- Schau- Bühne der durchleuchtigen Maenner unserer Zeit / Übersetzung von J. Merck. Ulm, 1665. S. 550–552. Это замечательный пример миграции идей в то время. Как он указывает в предисловии Й. Мерк, он перевел книгу «неизвестного автора» с голландского языка (*ibid.* S. 4–5), не зная, что оригинал — французский: *Malingre, C. Histoires tragiques de nostre temps. Roven, 1641.*

¹⁸ Balde, J. Lyricorum Lib. IV. Monachii, 1643. P. 78.

может быть счастье, даже в куда большем размере, но оно непрочно и создается по умыслу Божию¹⁹, составляются целые трактаты, направленные на уничтожение языческих представлений о счастье²⁰, цель которых — утвердить господство Провидения, которое дарует это счастье. А ведь вера в собственную удачу была характерной чертой римских мятежных полководцев. Вспомним Мариа с его семью консулатами, счастливого Суллу, во всех делах счастливого Помпея, удачливого Цезаря. И поэтому именно их примеры (исключая неудобного Суллу, конечно) широко распространяются в литературе с целью показать непрочность такого счастья.

Отсылки к (*blindes*) *Glück* встречаются в проповедях. К примеру, Иоганн Мейфарт, упоминая эфемерность счастья Цезаря, в проповеди пишет: «На земле им подчиняются, они творят, что хотят, но там все будет совсем иначе. Тогда они были высокочтимыми и уважаемыми, теперь они — дураки, тогда — почтенными и учеными, теперь — дураки, тогда — сильными и могучими, теперь — дураки»²¹.

Подобные же мысли встречаются и у католиков, так, иезуит Лоренц Форер пишет в своей «Жизни Иисуса Христа»: «Когда Юлий Цезарь решил на время пересечь море, лодочник, имея лишь небольшое судно, был очень робок и не верил, что сможет плыть безопасно. Тогда Цезарь сказал ему: «Не бойся, ибо ты везешь императора и его удачу». Так корабль благополучно достиг берега. Насколько же лучше могли бы мы сказать святому, который носит с собой Писание в своей маленькой ладье: «Не бойся, ибо ты везешь Небесного Императора и правую, истинную, непогрешимую, божественную, а не языческую удачу»»²².

Лишь в Боге можно найти твердую основу. Так, в «Зерцале христианского домостроительства Иисуса, сына Сирахова, учителя святого и премудрого» указывается, что «Цицерон, Помпей, Брут, хорошо зная, что такое общее благо и как его достичь, слишком уверились, что все в их руках, за что и поплатились»²³.

И, что удивительно, все это никак не связывается авторами с широко распространенной христианской мыслью «Если Бог хочет

---

¹⁹ См. *Niedling, J. Promptuarium Biblicum oder Biblische Concordantien Altes und Neues Testaments. Leipzig, 1652. P. 383.*

²⁰ Об этом см. *Wülfer, D. Das vertheidigte Gottes-geschick, und vernichtete Heyden-Glück. Nürnberg, 1656.*

²¹ *Meyfart, J.M. Op. cit. S. 9, 13, 39.*

²² *Forer, L. Leben Iesu Christi. Dillingen, 1661. S. 136.*

²³ *Stöckern, J. Spiegel Christlicher HaußZucht Jesus Sirachs des heiligen und weisen Lehrers. Jehna, 1624. S. 124.*

наказать человека, то сперва отнимет у него разум», которая родственна античной *theoblabeia*, т.е. божественному ослеплению человека (хотя можно было бы вспомнить Сертория и Помпея).

Glück der Gottlösen, «счастье безбожников», объясняли, как уже сказано, попущением Бога, показывающего таким образом эфемерность жизни вне Творца. Однако было и другое объяснение, берущее свое начало, как кажется, в «Этике» Филиппа Меланхтона²⁴, где он пишет, что счастье Юлия Цезаря объясняется тем, что ему *natura adjuvat*. Т.е. их счастье — результат природных способностей. Эта мысль потом перешла во многие работы интересующего нас времени²⁵. Природные таланты позволяют людям обретать власть и успешно руководить самой ненавистной тогдашнему времени породой людей. *KriegesVolck*, иначе говоря, *Soldaten und Landsknechten*, на которых (как справедливо отмечал Самюэль фон Пуффендорф, рассуждая о Германской империи) была выстроена единоличная власть в Риме²⁶. Народ чудовищно жестокий, развращенный, жадный, непостоянный, легко предающий своих же вождей, примерами чему служат римские полководцы и их легионеры, что некогда подняли мятеж против Цезаря при Платенции; от них же Серторий мечтал сбежать на острова блаженных, чтобы пожить спокойной жизнью. Они давали власть, отнимали жизнь, если говорить о личности и войске²⁷, они же и угнетали народ во время гражданских войн в Риме²⁸, и в Германии, что нашло отражение во множестве произведений: от стихотворений Фридриха фон Логау до гравюр француза Жака Калло, бывшего тогда в Германии.

---

²⁴ *Melanthon, P. Ethicae Doctrina elementa et enarratio libri quinti ethicorum. Vitebergae, 1553. P. 52.*

²⁵ “So wir der Römer Kriegsubung und wol bestellte Ordnung betrachten, müssen wir bekennen daß sie solche gewaltige Herrschafft nit durch Glück, sondern viel mehr durch ihre herrliche Tugenden erlangt unnd zuwegen gebracht haben” (*Wallhausen, J.J. von. Kriegskunst zu Fuß. Franckfurt, 1620. S. 123*). Но в точности эта же мысль выражена во французской книге 1642 г., переведенной на Hochdeutsch в 1688 г.: *Silhon J. de. Le ministre d’etat. Franckfurt und Leipzig, 1688. S. 239–240*. Хотя в некоторых работах фортуна входит в противоречие со щедро заложенными природой дарованиями. См. *Dieterich, C. Königliche schwedische Leich-Klag uber dem christlichen hochseeligsten tödtlichem Ableiben dess weyland durchleuchtigsten grossmächtigsten Fürsten unnd Herrn, Herrn Gustavi-Adolphi. Ulm, 1633. S. 7.*

²⁶ *Mozambanus, S. de. De statu Imperii Germanici. Veronae, 1668. P. 19.*

²⁷ *Camerarius, Ph. Op. cit. S. 269–272.*

²⁸ О чем писал еще гуманист Иоганн Авентин в своей «Баварской хронике» (*Annales ducum Boiariae*), изданной в полном и исправленном виде лишь в эту эпоху; см. *Aventinus, J. Chronika des Hauß Bayern. Franckfurt am Meyn, 1622. S. 262.*

Как и у античных историков, у нас возникает троица: коллектив, личность, войско. Отношения их являются предметом вполне детальных теоретических разборов, причем на материале древней истории. Так, Фридрих Кильбургер²⁹ делит *bella civilia* на два вида, в зависимости от причины их возникновения, а именно — *factiones et seditiones*³⁰. Заговоры знатных людей, хорошо знакомых друг другу, движимых своими амбициями, жаждой власти, объявляются им несправедливыми, поскольку исходят не из общего блага. Поэтому Цезарь и Помпей ему одинаково противны, а вот *seditiones*, как восстания угнетенного и оскорбленного множества против тиранической власти, для него являются справедливыми гражданскими войнами; при этом первой и наиболее справедливой причиной этих восстаний являются религиозные притеснения, а уже потом — нарушения прочих законов, грабежи и т.п.

Такие теоретические рассуждения вообще были нужны для ответа на главный вопрос частного человека: следует ли держаться нейтралитета в гражданской войне или нет? И, конечно, решается он на основании цитат Саллюстия, Ливия, Цицерона, Цезаря, Тацита. Кильбургер однозначно отвечает, что, если война дозволенная, то оставаться в стороне неразумно³¹.

Михаэль Лундорп приводит сразу два блока рассуждений, в пользу нейтралитета и против него. Разумный человек поступил бы глупо, дав себя втянуть во внутренние разборки, пока они его не касаются, ведь так он поступал бы против общего блага. Более того, и по желанию власть имущих ему не следует вставать на защиту их *factiones*, ведь он не знает в точности настроений той или иной партии, чтобы к ней присоединиться (если он не вассал и не подданный). В пользу этой мысли автор приводит отрывок из Светония (Suet. *Iul.* 75), где Помпей призвал всех к оружию против Цезаря и пригрозил, что будет считать врагами тех, кто

---

²⁹ Кстати, на основании античных авторов он еще приводит обширный список терминов, обозначающих гражданские нестроения, указывая места древних авторов (Kilburgerus, F. Op. cit. P. 5). В эту пору утверждалась римская терминология, взять хотя бы римскую *cupido rerum novarum*, по понятным причинам приписываемую протестантам (ibid. P. 25), вошедшую в немецкий язык «zu aller Neuheit und Alteration geneigter Mensch». См. Halbmayer, J.F. Ausführliches und Wolgegründetes Bedencken Auff die Frage: Ob der Durchleutctigiste Fürst, Herr Maxmilian Pfaltzgrafe bey Rhein, Hertzog in Obern. unnd Nidern Bayern, [et]c. die angebotene Churfürstliche Pfältzische Würde und Reputation, acceptirn und annemen, oder selbige denegirn, und von sich weisen solle? 1621. S. 32.

³⁰ Kilburgerus, F. Op. cit. P. 7.

³¹ Ibid. P. 28.

не присоединится к нему; Цезарь же брал под свою защиту всех, кто желал остаться нейтральным. А также письмо Цицерона к Аттику: «Я же пренебрегу законом твоего единоплеменника Солона, как, думается мне, и моего, который назначил лишение гражданских прав тому, кто во время раздоров не был бы на той или другой стороне»³². Одновременно, рассуждая о том, что следует примкнуть к той или иной партии, независимо от справедливости их дела, ссылается на этот самый закон Солона и указывает, что это приведет к скорейшему установлению мира, ибо одна из партий непременно должна проиграть, чтобы война закончилась.

Как уже было сказано, для литераторов этой эпохи единоличная власть сама по себе не являлась чем-то противным духу. Тот же Кильбургер отмечает, что справедливая гражданская война должна вестись с позволения императора (здесь, конечно, значимы феодальные реалии Священной Римской империи), если он способен на справедливое правление³³. Лундорп также указывает: «когда в королевстве среди подданных возникают беспорядки, и король не может никакими средствами утихомирить их по-хорошему, тогда он должен принять главенство над более сильной партией и принудить другую к тому, чтобы она позволила себя наставить, либо же вовсе подавить ее».

Представители противоположных лагерей душой стремились к миру, а мир этот связывался с Империей и ее олицетворением — Цезарем. Вполне обычны были рассуждения о древнем Риме, как, например: «Можно найти немало свидетельств ужасной тирании, безнравственности и злодеяний, творившихся до правления императора Юлия. Из них видно, что часто невинных людей избивали без суда и следствия, вопреки всякой справедливости и честности, или обезглавливали»³⁴.

Особенно сильно образ античного Рима возникает в творчестве поэта-иезуита Якова Бальде. В одном из своих творений он пишет:

Восстань, хранитель Римского Юпитера
И трезубой молнии,
Цезарь пернатый!

---

³² *Londorpius, M.C. Der Römischen Kayserlichen Majestät Und Desz Heiligen Römischen Reichs Geist- und Weltlicher Stände, Chur- und Fürsten, Graffen, Herren und Städte Acta Publica Und Schrifftliche Handlungen, Auszschreiben, Sendbrieff, Bericht, Unterricht... so in Friedens-und Kriegeszeiten gegeneinander. Franckfurt am Mayn, 1668. S. 149.*

³³ *Kilburgerus, F. Op. cit. P. 7.*

³⁴ *Camerarius, Ph. Op. cit. S. 283.*

Мятежное крыло грозит
Сражающимися ратям.
С вороньём шведским
Союз заключают толпы сов,
Затачивают клювы;
И весь эфир сплёлся
Враждебным легионом.
Вытяни же когти знакомые,
Не медли!
Гремит оружие в потрясенной туче.
В небесах Фарсалия древняя
Становится полем твоим³⁵.

Север наступает, наступают гунны, Империя раздираема со всех сторон, остается одна надежда на Цезаря, который в свое время воевал везде, умиротворяя Рим. И ведь в его творчестве нет прямых нападок на протестантов, но везде — плач по Империи, по Германии и ее народу³⁶.

По примеру же древних авторов поэт стремится призвать к объединению немцев против внешнего врага: «К германцам. Когда под самые Вакханалии швед разорял Германию, а турок — пользуясь смутой — ожидался с нашествием в Венгрию и Австрию»:

Поднимись же на копья!
Он не боится ни осетров,
Ни кабанов, растянутых на скатертях,
Ни чаш, ни праздного тирса,
Ни оружия стеклянного Марса³⁷.

Или: «Что он увидел, вернувшись из Турции: он проклиная войны Германии». Яков Бальде пишет:

Разве это — не конец?
Восстаньте, германцы!
Довольно позора кровавого.

---

³⁵ Balde, J. Op. cit. P. 49.

³⁶ Вспомним известное изречение Фридриха фон Логая: «Deutschland wieder Deutschland» (см. Tränen des Vaterlandes. Deutsche Dichtung aus dem 16. und 17. Jahrhundert / J.R. Becher (Hrsg.). Berlin, 1954. S. 63).

³⁷ Balde J. Op. cit. P. 49.

Да будет жизнь — и немецкая кровь —
В цене,
И пусть она не окрашивает бойню,
Подобно коровьей крови на рынке³⁸.

Ведь это — явный античный мотив, который можно встретить в «Энеиде» Вергилия, к примеру, на щите Энея, где изображен Август, усмиряющий гражданские войны и продвигающий Империю на Восток (Verg. *Aen.* VIII. 680–690), у Горация (*Od.* I. 35), когда тот призывает от гражданских войн обратиться вовне, в «Фарсалии» Лукана и в сочинениях других древнеримских авторов.

Таким образом, мы видим сознательное и вполне полное сближение Античности и Нового времени: личность и общество, войско и коллектив, законность и тирания, удача и божественная власть, утопия и вино, турки и парфяне³⁹. Так прошлое толкует нас, помогает смириться, понять и пережить страшное время общего нестроения.

---

³⁸ Balde, J. Op. cit. P. 261–262.

³⁹ И это, не говоря уже о многочисленных примерах изучения военного искусства по образцу древних. См. *Wallhausen, J.J. von. Camera militaris oder Kriegskunst Schatzkammer: darinnen allerley Kriegs-Stratagemata zu Wasser und Land von Anfang der Welt biß auff Caesarem Augustum.* Franckfurt, 1621. S. 38; *Dögens, M. Heutiges Tages übliche Kriges Baukunst, mit vilen ausserläsenen, so wol alten als neuen geschichten bewähret und mit den vornämsten Fästungen der Christenheit lehr-bilds-weise aussgezietet.* Amsteldam, 1648. S. 16.

«ОЧЕРНЕНИЕ» ПЕРСОНАЖЕЙ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ
В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ:
КЛЕОПАТРА И ГАННИБАЛ

В.А. Гончаров¹

Воронежский государственный университет
e-mail: vg01011978@gmail.com

Аннотация. В последние годы в западном кинематографе все чаще встречаются ситуации, когда на роль изначально белых персонажей берут темнокожих актеров. В литературе данное явление получило название «очернение» (*blackwashing*). Подобное поветрие коснулось и личностей из античной истории. Самыми яркими примерами этого являются образы Клеопатры и Ганнибала, которых в современном медиапространстве все чаще считают темнокожими – просто по причине того, что они происходили с Африканского континента. Это нашло выражение и на киноэкране. В 2023 г. платформа Netflix выпустила сериал «Царица Клеопатра», в котором главную героиню сыграла британская актриса ямайского происхождения А. Джеймс. Ганнибала же еще в 2016 г. сыграл темнокожий актер Н. Пиннок, а в 2023 г. появилась информация о планах той же платформы Netflix взять на роль карфагенского полководца афроамериканского оscarоносца Д. Вашингтона. При этом оба проекта Netflix (и реализованный, и еще не реализованный) вызвали весьма бурную реакцию широкой общественности – прежде всего, египетской и тунисской, которая обвинила американскую платформу в попытках «апроприации» и «фальсификации» собственной истории движением афроцентризма. Данная ситуация прекрасно демонстрирует столкновение двух тенденций в общественном сознании целого ряда современных стран: с одной стороны, это стремление темнокожего населения США, веками подвергавшегося притеснениям, найти себе «престижных предков», а с другой – желание жителей Ближнего Востока и Северной Африки закрепить этих «престижных предков» за собой.

Ключевые слова: современный кинематограф, общественное сознание, рецепция Античности, *blackwashing*, Клеопатра, Ганнибал, афроцентризм, престижные предки.

«BLACKWASHING» OF ANCIENT HISTORICAL FIGURES
IN MODERN CINEMA: CLEOPATRA AND HANNIBAL

V.A. Goncharov

(Voronezh, Russia)
e-mail: vg01011978@gmail.com

---

¹ Гончаров Владимир Александрович (Воронеж), кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета; преподаватель Воронежского колледжа «Номос».

Annotation. *In recent years, roles of initially white characters in the American and European cinema are more and more often played by dark-skinned actors. In the literature, this phenomenon is now called «blackwashing». Figures from ancient history are no exception. The most remarkable examples of this situation are representations of Cleopatra and Hannibal who are more and more often regarded as dark-skinned – just because they originated from the African continent. This found expression in the cinema, too. In 2023, Netflix released Queen Cleopatra, where the main character was played by the British actress of Jamaican descent A. James. As for Hannibal, in 2016 he was portrayed by the dark-skinned actor N. Pinnock, while 2023 saw the news about Netflix’s plans to make a film featuring D. Washington as the Carthaginian general. At the same time, both Netflix projects (implemented and still unimplemented) sparked an uproar from the general public – first of all, in Egypt and Tunisia, who accused the American platform in attempts of appropriation and falsification of their own history by Afrocentrists. It is a good example of the clash of two tendencies in the public opinion of a number of modern countries: on the one hand, it is the urge of Black Americans, who were oppressed for centuries, to find «prestigious ancestors», and on the other – the eagerness of people from the Middle East and North Africa to secure these ‘prestigious ancestors’ for themselves.*

Key words: modern cinema, public opinion, reception of antiquity, blackwashing, Cleopatra, Hannibal, Afrocentrism, prestigious ancestors.

Для цитирования: Гончаров В.А. «Очернение» персонажей античной истории в современном кинематографе: Клеопатра и Ганнибал // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Сеницына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 145-159.

В англоязычной кинокритике уже достаточно давно закрепился такой термин как *whitewashing* (в буквальном переводе – «обеление»), которым обозначаются ситуации, когда изначально «цветного» литературного или исторического персонажа играет белый актер². Достаточно вспомнить Микки Руни в роли мистера Юниоши в фильме «Завтрак у Тиффани» (1961 г.), Алека Гиннеса в роли арабского принца Фейсала в фильме «Лоуренс Аравийский» (1962 г.), Лоренса Оливье в роли Отелло (1965 г.) (да и многих других белых актеров, сыгравших шекспировского мавра), Кристиана Бейла в роли Моисея в фильме «Исход» (2014 г.), Скарлетт Йоханссон в роли майора Мотоко Кусанаги в экранизации знаменитой манги «Призрак в доспехах» (2017 г.) и т.д.

При этом, начиная с конца XX в. в американском кинематографе активно развивается и противоположная тенденция: на роли изначально белых персонажей все чаще начинают брать темнокожих актеров. К примеру, уже в 1994 г. в фильме «Побег из Шоушенка» вместо фигурировавшего в изначальной повести ирландца появился персонаж Моргана Фримена, в фильме «Тор» (2011 г.) скандинавского бога

---

² См. Oh, D.C. *Whitewashing the Movies: Asian Erasure and White Subjectivity in U.S. Film Culture*. New Brunswick, 2021.

Хеймдалля сыграл Идрис Эльба, главную роль в сериале «Анна Болейн» (2021 г.) исполнила темнокожая британская актриса Джоди Тёрнер-Смит, а в киноадаптации мультфильма «Русалочка» (2023 г.) – афроамериканская актриса и певица Холли Бейли. Для обозначения этого явления по аналогии с «обелением» стали использовать термин *blackwashing* (буквально – «очернение»)³.

Конечно, данное поветрие коснулось и персонажей из античной истории. Так, в 2012 г. вышла телевизионная версия шекспировской пьесы «Юлий Цезарь», в которой все роли исполнили темнокожие актеры⁴, однако широкого резонанса она не вызвала и в принципе была воспринята просто как еще один смелый эксперимент с творчеством классика британской драматургии (тем более, что и все действие пьесы было перенесено в современную Африку). Самым же ярким примером использования «очернения» в отношении личностей из истории Древнего мира, несомненно, является образ последней египетской царицы Клеопатры VII.

В последние годы изображение Клеопатры в кино нередко приводят как пример обратной тенденции, т.е. «обеления»⁵, потому что во всех «классических» фильмах египетскую царицу играют актрисы однозначно европейской внешности. Достаточно вспомнить Жанну д'Альси (1899 г.), Клодетт Кольбер (1934 г.), Вивьен Ли (1945 г.), Элизабет Тейлор (1963 г.), Линдси Маршал (2005–2007 гг.) и многих других⁶. А в представлениях современного западного (прежде всего, американского) обывателя практически любая личность, по своему происхождению связанная с Африкой, автоматически становится темнокожей.

Впрочем, на рубеже XX–XXI вв. ситуация стала меняться. Так, в 1997 г. в одном из эпизодов телесериала «Зена – королева воинов» роль египетской царицы сыграла американская актриса афрокубинского

---

³ См., например: *Smith, A.M. Whitewashing v. Blackwashing: Structural Racism and Anti-Racist Praxis in Hollywood Cinema, 2021* - URL: <https://openworks.wooster.edu/independentstudy/9455/> (Дата обращения: 14.11.2025).

⁴ *Julius Caesar: Political thriller in a modern African state, 2012* - URL: <https://www.bbc.co.uk/blogs/tv/2012/06/julius-caesar.shtml> (Дата обращения: 29.10.2025).

⁵ См. *Goodwin, J. 19 Times Hollywood Whitewashed Movie Characters, 2022* - URL: <https://www.buzzfeed.com/jessg/whitewashed-hollywood-characters> (Дата обращения: 07.11.2025).

⁶ *Dispelling Some Myths: Cleopatra the 'African' Queen, 2022* - URL: <https://www.tastesofhistory.co.uk/post/dispelling-some-myths-cleopatra-the-african-queen> (Дата обращения: 18.11.2025).

происхождения Джина Торрес, а в 1999 г. на экраны вышел мини-сериал «Клеопатра», в котором в главной роли выступила чилийка Ленор Варела. В 2009 г. на роль Клеопатры в телефильме «Клеопатра: портрет убийцы» компания BBC взяла уже ближневосточную актрису Камелию бен Сакур из Марокко. Кроме того, в этом же самом фильме прозвучало предположение о «смешанном» происхождении египетской царицы, сделанное рядом европейских археологов на основании исследований обнаруженного в Эфесе женского скелета, который, по их словам, является скелетом сестры Клеопатры – Арсиной⁷. В 2010 г. был выпущен египетский сериал «Клеопатра», в котором главную роль сыграла сирийская актриса Сулаф Фавахерджи⁸.

Впрочем, основной всплеск интереса широкой общественности к образу египетской царицы пришелся на рубеж 2010-х – 2020-х гг., когда в действие вступили два фактора: во-первых, резкое повышение внимания к вопросам расовой справедливости (прежде всего, в общественном сознании населения США), а во-вторых – активное развитие социальных сетей, которые как раз в рассматриваемые годы становятся платформой для бурного обсуждения острых вопросов самого разного характера (в том числе, конечно, связанных и с той же самой расовой справедливостью). Применительно к кинематографу образ Клеопатры впервые всплыл в подобных бурных обсуждениях в начале 2019 г. – после того, как в прессе появилась информация, что компания Sony планирует снимать фильм о последней царице Египта, а на главную роль в нем претендуют Анджелина Джоли и Леди Гага⁹. Реакцией на подобные новости стало появление в соцсетях множества негативных комментариев, основной смысл которых сводился к тому, что «африканскую царицу Клеопатру должна играть черная женщина»¹⁰. При этом

---

⁷ Cleopatra's mother 'was African', 2009 - URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/also_in_the_news/7945333.stm (Дата обращения: 07.11.2025).

⁸ Casting Cleopatra: It's All About Politics, 2020 - URL: <https://www.classicalstudies.org/scs-blog/three-ancient-historians/blog-part-ii-casting-cleopatra-it-s-all-about-politics> (Дата обращения: 30.10.2025).

⁹ См. Lady Gaga and Angelina Jolie War, 2019 - URL: <https://www.dailystar.co.uk/showbiz/753226/Lady-Gaga-and-Angelina-Jolie-war-cleopatra-movie-hollywood-role/> (Дата обращения: 16.11.2025).

¹⁰ Borge, J. Here's Why the Internet Doesn't Want Lady Gaga or Angelina Jolie to Portray Cleopatra, 2019 - URL: <https://www.oprahdaily.com/entertainment/tv-movies/a25907570/cleopatra-movie-lady-gaga-angelina-jolie-beyonce/> (Дата обращения: 19.11.2025); Nittle, N. Almost all of the actresses who've played Cleopatra have been white. But was she? 2019 - URL: <https://www.vox.com/the-goods/2019/1/14/18182744/cleopatra-white-actress-liz-taylor-angelina-jolie-lady-gaga> (Дата обращения: 19.11.2025).

авторы подобных комментариев периодически ссылались на упомянутые выше исследования скелета Арсиной, показанные в фильме *BBC*¹¹, а в качестве кандидатур на роль «африканской царицы» предлагали темнокожих певиц Бейонсе и Рианну¹².

Следующий скандал подобного рода – еще более громкий – разразился в следующем, 2020 г., когда израильская актриса Галь Гадот опубликовала в Twitter сообщение о своих планах сыграть Клеопатру в грядущем фильме режиссера Патти Дженкинс по сценарию Леты Калогридис (которая, кстати, также является автором сценария к фильму «Александр»)¹³. Это сообщение вызвало еще больший резонанс в интернете, причем в этот раз наряду с обвинениями Голливуда в «обелении» (*whitewashing*) не-европейских исторических персонажей и комментариями, касающимися того, что роль Клеопатры должна исполнять темнокожая актриса (опять же – с периодическими ссылками на довольно сомнительные реконструкции, созданные британскими учеными)¹⁴ в соцсетях весьма активно зазвучали и голоса выходцев с Ближнего Востока, недовольных, во-первых, «не-средиземноморским» происхождением Галь Гадот («ее предки жили в Германии, Польше и Австрии»), а во-вторых – ее «сионистской» позицией и тем фактом, что она «служила в колониальной армии, печально известной... убийствами мирных жителей (и по-прежнему продолжает поддерживать ее)»¹⁵. В этом же контексте следует отметить, что, исходя из подобных же соображений, в 2017 г. сразу в нескольких странах Ближнего Востока и Северной

---

¹¹ Kang, B. Cleopatra should be played by a black actor – but not just because it might be more historically accurate, 2019 - URL: <https://www.independent.co.uk/voices/cleopatra-film-sony-black-actor-lady-gaga-angelina-jolie-whitewashing-a8728721.html> (Дата обращения: 14.11.2025).

¹² Borge, J. Op. cit.; Nittle, N. Op. cit.

¹³ Fitzsimons, T. Gal Gadot cast as Cleopatra, teaming up again with “Wonder Woman” director, 2020 - URL: <https://www.nbcnews.com/pop-culture/movies/gal-gadot-cast-cleopatra-teaming-up-again-wonder-woman-director-n1242919> (Дата обращения: 03.11.2025); Casting Cleopatra: It’s All About Politics, 2020 - URL: <https://www.classicalstudies.org/scs-blog/three-ancient-historians/blog-part-ii-casting-cleopatra-it-s-all-about-politics> (Дата обращения: 03.11.2025).

¹⁴ См., например: Gal Gadot defends Cleopatra casting after ‘whitewashing’ controversy, 2020 - URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-55409187> (Дата обращения: 30.10.2025); Casting of Israeli actress Gal Gadot as Cleopatra sparks anger, 2020 - URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/13/israeli-actress-gal-gadot-in-role-of-cleopatra> (Дата обращения: 30.10.2025).

¹⁵ Casting of Israeli actress...

Африки был запрещен фильм «Чудо-женщина» с Галь Гадот в главной роли¹⁶.

Что любопытно, одну из первых (и одну из самых ярких) ролей Клеопатры в кино (в 1917 г.) сыграла актриса еврейского происхождения Теда Бара (настоящее имя – Феодосия Бёрр Гудман), псевдоним которой, по словам представителей студии «Fox», якобы являлся анаграммой слов «Arab death», т.е. «арабская смерть» или «смерть араба»¹⁷. Впрочем, на тот момент подобные заявления работали исключительно на создание экзотического имиджа актрисы и лишь увеличивали ее популярность. А вот Элизабет Тейлор, самой известной «Клеопатре» американского кино, которая еще в 1959 г. приняла иудаизм и несколько раз открыто демонстрировала поддержку Израиля, уже пришлось столкнуться с определенным противодействием: ей был запрещен въезд в Египет, из-за чего студии «20th Century Fox» даже пришлось отменить запланированные съемки в этой стране. Впрочем, после выхода «Клеопатры» на экраны в 1963 г. этот запрет был снят, так как египетские власти сочли, что фильм способствует созданию благоприятного образа их страны на мировой арене¹⁸. В начале XXI в. подобный исход представить себе уже гораздо сложнее – и фильм Патти Дженкинс и Леты Калогридис (как, кстати, и картина с Анджелиной Джоли или Леди Гагой) так и остался на уровне проекта (или даже слухов).

Однако один фильм про последнюю правительницу Птолемеевского Египта в начале 2020-х гг. все-таки был снят – и именно он вызвал наибольший общественный резонанс. Конечно, речь идет о выпущенной на платформе *Netflix* четырехсерийной документальной драме «Царица Клеопатра» (2023 г.)¹⁹, в которой главную роль сыграла темнокожая британская актриса (ямайского происхождения) Адель Джеймс. При этом в официальном пресс-релизе фильма представители *Netflix* заявили, что, изображая Клеопатру женщиной «смешанного

---

¹⁶ Cain, R. Why The Middle East Went To War With “Wonder Woman”, 2017 - URL: <https://www.forbes.com/sites/robcairn/2017/07/06/why-the-middle-east-went-to-war-with-wonder-woman/> (Дата обращения: 16.11.2025); Casting of Israeli actress...

¹⁷ Uddin, R. In pictures: Depictions of Cleopatra through the ages, 2023 - URL: <https://www.middleeasteye.net/discover/egypt-cleopatra-depictions-through-history-pictures> (Дата обращения: 19.11.2025).

¹⁸ Friedman, G. Elizabeth Taylor’s Cleopatra also drew grief (guess why), 2020 - URL: <https://www.thejewishstar.com/stories/elizabeth-taylors-cleopatra-also-drew-grief-guess-why,19831> (Дата обращения: 21.11.2025).

¹⁹ Queen Cleopatra, 2023 - URL: <https://www.netflix.com/title/81230204> (Дата обращения: 29.10.2025).

этнического происхождения», преследовали цель показать «мультикультурную природу Древнего Египта»²⁰. В трейлере же, выложенном на *YouTube* 12 апреля 2023 г., зрители могли услышать отрывки из интервью с кембриджским экспертом Салли-Энн Эштон (создательницей 3D-реконструкции образа Клеопатры в виде темнокожей женщины), которая говорила, что «учитывая, что Клеопатра позиционировала себя как египтянку, было бы странно настаивать на том, чтобы изобразить ее как женщину чисто европейской внешности», и с американской исследовательницей Шелли Хейли (известной рассмотрением образа Клеопатры с позиций «черного феминизма»²¹), которая рассказывала: «Я помню, как моя бабушка говорила мне: чему бы вас там ни учили в школе, Клеопатра была черной!»²²

Сразу же после выхода вышеупомянутого трейлера на него обрушился вал негативных комментариев, нередко – расистского содержания²³, а Адель Джеймс в одном из интервью упомянула о том, что в некоторых сообщениях ей даже угрожали смертью²⁴. Вскоре после этого *Netflix* были вынуждены отключить комментарии под трейлером. Впрочем, одними частными отзывами на этот раз дело не ограничилось. Уже 16 апреля критический отзыв в *Facebook* опубликовал ведущий египетский археолог Захи Хавасс, бывший генеральный секретарь Верховного совета древностей, который решительно заявил: «Клеопатра не была черной. Фильм, который выходит на *Netflix* ... дает ложную информацию о Древнем Египте», хотя при этом и оговорился, что ни в коем случае не выступает против темнокожих людей в принципе²⁵. Несколько

---

²⁰ “Queen Cleopatra” Shows a Side of the Infamous Royal You Haven’t Seen Before, 2023 - URL: Retrieved from <https://www.netflix.com/tudum/articles/african-queens-release-date-cast-news> (Дата обращения: 12.11.2025).

²¹ *Haley, S.P.* Black Feminist Thought and Classics: Re-remembering, Re-claiming, Re-empowering. In *Feminist Theory and the Classics*. New York, 1993. P. 40–68.

²² Queen Cleopatra. Official trailer, 2023 - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IktHcPyNlv4> (Дата обращения: 22.11.2025).

²³ *Yee, V.* Whose Queen? Netflix and Egypt Spar Over an African Cleopatra, 2023 - URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/10/world/middleeast/cleopatra-netflix-race-egypt.html> (Дата обращения: 30.10.2025).

²⁴ *Waheed, J.* Adele James discusses “blackwashing” backlash to Queen Cleopatra, 2023 - URL: <https://www.glamourmagazine.co.uk/article/adele-james-queen-cleopatra-interview> (Дата обращения: 14.11.2025).

²⁵ *Hawass, Z.* البشرة سمراء تكن لم كليونباترا, 2023 - URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=pfbid0ZMUcC3Jh2d92uBweUw64rawUtaUwFL1WUjhZtrCt-LWrZohcnjTVUWdWxunuW8hsCl&id=100044332304573 (Дата обращения: 21.11.2025).

позднее он дал более развернутое обоснование данной точки зрения в интервью крупнейшей египетской газете «Аль-Ахрам»²⁶.

27 апреля в подобном же ключе на официальной странице Министерства туризма и древностей в *Facebook* высказался и нынешний генеральный секретарь Верховного совета древностей Мустафа Вазири. Он также назвал образ Клеопатры в фильме *Netflix* «фальсификацией египетской истории и грубой исторической ошибкой, которая еще больше усугубляется тем фактом, что фильм позиционируется как документальный» и при этом также специально отметил, что данная точка зрения «далека от какой-либо формы этнического расизма» и выразил «всемерное уважение к африканским цивилизациям и нашим братьям и сестрам на Африканском континенте, который объединяет нас всех»²⁷.

Одновременно с этими заявлениями египетский юрист Махмуд аль-Семари подал в Генеральную прокуратуру иск с требованием запретить *Netflix* работу в Египте на том основании, что «большая часть того, что демонстрируется на этой платформе, противоречит исламским ... и особенно египетским ценностям», а конкретно фильм «Царица Клеопатра» является настоящим «преступлением», поскольку продвигает афроцентристскую точку зрения, целью которой является «искажение и стирание египетской идентичности»²⁸. Вскоре после этого египетский парламентарий Сабура аль-Сайед также призвала к запрету *Netflix* на территории Египта²⁹.

Кроме того, на трейлер рассматриваемого фильма отреагировала и широкая египетская общественность, представители которой после отключения комментариев на *YouTube* выложили на сайте *change.org* петицию, обвиняющую *Netflix* в «фальсификации истории» и требующую запрета показа «Царицы Клеопатры». Молодая египетская

---

²⁶ Hawass, Z. Cleopatra was not black, 2023 - URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1207/498917/AlAhram-Weekly/Heritage/Cleopatra-was-not-black.aspx> (Дата обращения: 14.11.2025).

²⁷ نيتفليكس منصة على عرضه سيتم والذي كليبواترا الملكة فيلم بشأن 2023 - URL: <https://www.facebook.com/tourismandantiq/posts/pfbid02FS21YBEd-mmvyuMWEembBB4Jfoi9ZG4G9i65P2m1DEMhsKP3ZhX76vJR8ZVHmCqKQcl> (Дата обращения: 24.11.2025).

²⁸ Egyptian lawyer sues Netflix over Queen Cleopatra, 2023 - URL: <https://www.egyptindependent.com/egyptian-lawyer-sues-netflix-over-queen-cleopatra/> (Дата обращения: 17.11.2025).

²⁹ Gubash, C., Smith, P. Cleopatra was not Black, Egypt tells Netflix in growing feud ahead of new series, 2023 - URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/queen-cleopatra-black-egypt-netflix-series-rcna81924> (Дата обращения: 12.11.2025).

активистка Фатима аль-Захра, инициировавшая подачу петиции, в интервью сайту *Cairo 24* особо указала на «опасность афроцентризма» и заявила, что представители этого движения «распространяют ложную информацию» о том, что современные жители Египта являются «не наследниками древних египтян, а потомками захватчиков», которых нужно изгнать³⁰. По непроверенным данным, буквально за несколько дней петиция набрала более 100 000 подписей, однако затем была удалена без объяснения причин³¹.

Еще одним проявлением «низовой» реакции египетской общественности на сериал *Netflix* стало заявление канала «Аль-Ватакия» о планах снять свой собственный документальный фильм о Клеопатре VII³². Захи Хавасс в уже упомянутом выше интервью газете «Аль-Ахрам» также упомянул группу молодых людей, которые «за свой собственный счет делают документальный фильм о Клеопатре, который сможет конкурировать с сериалом *Netflix*»³³. Впрочем, с тех пор никакой информации о подобных проектах в прессе не появлялось, да и платформа *Netflix* продолжает работать в Египте.

Отвечая на возмущенную реакцию египетской общественности, режиссер «Царицы Клеопатры» Тина Гарави в весьма эмоциональной статье, написанной для журнала *Variety*, назвала решение взять на главную роль темнокожую актрису «политическим актом», заявила, что «просто хотела, чтобы египтяне рассматривали себя как африканцев», и выразила недоумение по поводу того, что они на нее за это так разозлились, объяснив это тем, что в представлениях жителей Египта белый цвет кожи, видимо, по-прежнему придает историческим персонажам большую ценность³⁴. Что любопытно, в этой же статье Гарави упомянула о своем иранском происхождении и отметила, что у Клеопатры тоже были персидские корни.

Возражения не заставили себя долго ждать – и с ними выступил не кто иной, как британский историк египетского происхождения Ислам

---

³⁰ *Aljabali, M.* قية أصوله المصري الشعب أن يدعي: كليبواترا فيلم لإلغاء شبائية حملة - URL: <https://www.cairo24.com/1782752> (Дата обращения: 14.11.2025).

³¹ *Gubash, C., Smith, P.* Op. cit.

³² *كليبواترا* "عن فيلم إنتاج تعلن" الوثائقية - URL: <https://www.facebook.com/AIWathaeqya/posts/pfbid02sLmfy22A99toMQwf9Xr8cYL4SYWjAd8QZSqYn9mmr3dHQM YcmzjUTTi8Vq8p3c6rl> (Дата обращения: 29.10.2025).

³³ *Hawass, Z.* Cleopatra was not black...

³⁴ "Queen Cleopatra" Director Speaks Out: "What Bothers You So Much About a Black Cleopatra?", 2023 - URL: <https://variety.com/2023/tv/global/queen-cleopatra-black-netflix-egypt-1235590708/> (Дата обращения: 14.11.2025).

Исса, который, кстати, тоже принимал участие в съемках «Царицы Клеопатры» как приглашенный эксперт, но впоследствии заявил, что даже ни разу не общался с режиссером. В своем весьма объемном материале, выложенном на сайте канала «Аль-Джазира», Исса выразил разочарование чрезмерно политизированной точкой зрения Гарави и добавил: «Какое она вообще имеет право говорить египтянам, кем им считать себя?»³⁵. При этом основной упор в своих доказательствах исследователь сделал на то, что используемые в настоящее время преимущественно бинарные расовые термины применительно ко временам Клеопатры являются анахронизмом, и на этом основании отметил, что точки зрения, согласно которым в Древнем Египте вообще не было темнокожих людей или, наоборот, египетская цивилизация уходит своими корнями исключительно в Черную Африку, по существу вычеркивают из истории собственно египтян.

В подобном же ключе высказалась и известная египетская исследовательница Моника Ханна. В интервью каналу CBS она отметила, что Древний Египет представлял собой «скорее культурное, чем расовое понятие» и «идея цвета кожи совершенно не применима к древнему миру», а создатели «Царицы Клеопатры», продвигая «афроцентристскую повестку», накладывают на древность современные штампы и «присваивают себе прошлое Египта, точно так же, как евроцентристы и представители крайне правых течений в Европе»³⁶.

Собственно, все возмущение египетской общественности, судя по всему, коренится именно в подобной позиции создателей сериала: говоря словами еще одной египетской исследовательницы Сары Хоршид, «бросить вызов расизму, направленному против чернокожего населения, в США за счет пересмотра истории еще одного народа, относящегося к расовым меньшинствам, без учета возможной реакции представителей самого этого народа»³⁷. Примерно о том же пишет обозреватель газеты «Observer» Кенан Малик, который усматривает причины недовольства египтян в «националистическом стремлении защитить

---

³⁵ Issa, I. Cleopatra was Egyptian – whether Black or brown matters less, 2023 - URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2023/5/1/cleopatra-was-egyptian-whether-black-or-brown-matters> (Дата обращения: 17.11.2025).

³⁶ Shawkat, A., Reals, T. Why some Egyptians are fuming over Netflix’s Black Cleopatra, 2023 - URL: <https://www.cbsnews.com/news/netflix-cleopatra-black-egypt-controversy-ancient-queen/> (Дата обращения: 12.11.2025).

³⁷ Khorshid, S. Why Netflix’s ‘Queen Cleopatra’ Has Egypt up in Arms, 2023 - URL: <https://foreignpolicy.com/2023/05/14/egypt-netflix-queen-cleopatra-race-history-heritage-imperialism-afrocentrism/> (Дата обращения: 21.11.2025).

уникальную египетскую идентичность» и в «желании отделить себя от Черной Африки»³⁸. При этом подобные настроения вполне соответствуют идеологическим установкам, активно насаждаемым в египетском обществе после прихода к власти в 2013 г. Абдул-Фаттаха Халила ас-Сиси, который всячески приветствует «утверждение настоящей египетской идентичности» с целью дистанцироваться, с одной стороны, от радикальных исламистов, а с другой – от влияния Черной Африки, не в последнюю очередь связанного с массовым наплывом мигрантов в последние годы³⁹. По мнению уже упомянутой Сары Хоршид, в основе подобной политики в первую очередь лежит стремление нынешнего президента оправдать преследование своих оппонентов «необходимостью защитить нацию и ее идентичность от иностранных и «непатриотичных» врагов»⁴⁰.

Впрочем, судя по описанной выше реакцией на фильм *Netflix*, призывы ас-Сиси находят отклик и у простых египтян, и у представителей египетской интеллигенции. Более того, свое возмущение темнокожей Клеопатрой высказали даже уже упомянутые выше оппоненты египетского президента – например, известный сатирик и телеведущий Басем Юссеф, бежавший из Египта еще в 2014 г., выступая на американском шоу Пирса Моргана, обвинил создателей «Царицы Клеопатры» в апроприации и попытках «присвоить себе нашу египетскую культуру»⁴¹.

Наконец, следует сказать несколько слов и о реакции, которую сериал *Netflix* вызвал у греческой общественности. Что интересно, эта реакция была далеко не такой бурной, как у египтян: критические отзывы о «Царице Клеопатре» были опубликованы лишь на нескольких второстепенных грекоязычных ресурсах (в основном – эмигрантских) и в большинстве случаев просто цитировали заявления уже не раз

---

³⁸ *Malik, K.* When Cleopatra was alive, she wasn't categorised by the colour of her skin, 2023 - URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/23/when-cleopatra-was-alive-she-wasnt-categorised-by-colour-of-her-skin> (Дата обращения: 30.10.2025).

³⁹ См., например: *Fleeing war, poverty, African migrants face racism in Egypt*, 2020 - URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/1/2/fleeing-war-poverty-african-migrants-face-racism-in-egypt> (Дата обращения: 14.11.2025).

⁴⁰ *Khorshid, S.* Op. cit.

⁴¹ *Saad, N.* After backlash to Netflix's Black 'Queen Cleopatra', Egypt plans counterprogramming, 2023 - URL: <https://www.latimes.com/entertainment-arts/tv/story/2023-05-10/queen-cleopatra-black-egypt-state-media-netflix-african-queens> (Дата обращения: 17.11.2025).

упомянутых Захи Хавасса и Мустафы Вазири⁴² или повторяли точку зрения о том, что *Netflix* вычеркивает греков и египтян из их собственной истории⁴³.

Вторым ярким примером подобного же «очернения» и негативной реакции на него является образ великого карфагенского полководца Ганнибала. Восприятие его образа в кинематографе и параллельно – в общественном сознании в целом развивается по той же модели, что и уже рассмотренные нами представления о Клеопатре. На киноэкране Ганнибала изначально играли исключительно актеры европейского происхождения – француз Эмиль Варданн (1914), итальянец Камилло Пилотто (1937), американцы Говард Кил (1955) и Виктор Мэтьюр (1959), и лишь в 2006 г. на его роль (в телевизионном фильме «Ганнибал: Легендарный полководец» производства компании *BBC*) взяли выходца из Северной Африки – британского актера суданского происхождения Александра Сиддига (он же Сиддиг эль-Фадиль). Кроме того, в 2002 г. о своем желании снять фильм о Ганнибале (с собой в главной роли) заявил Вин Дизель⁴⁴, однако эти планы до сих пор так и не реализованы. А вот в 2016 г. на канале *History Channel* вышел документально-драматический мини-сериал «Нашествие варваров», в одном из эпизодов которого Ганнибала сыграл уже темнокожий британский актер Николас Пиннок. Конечно, у некоторых зрителей (особенно ближневосточного происхождения) подобный выбор вызвал определенные сомнения⁴⁵, однако в целом сколько-нибудь бурной реакции на «Нашествие варваров» в медиапространстве заметно не было.

Более же существенный резонанс вызвали появившиеся в конце 2023 г. (примерно тогда же, когда на экраны вышла «Царица

---

⁴² См., например: *Gale, A. Cleopatra was Greek Says Egypt in Response to Netflix Controversy, 2023 - URL: <https://greekreporter.com/2023/04/27/cleopatra-greek-egypt-netflix/> (Дата обращения: 04.11.2025).*

⁴³ *Katsaras, P.E.G. (2023). How Netflix's "Cleopatra" got it wrong: A Greek-American's call to correct presentism, historical negationism, and appropriation - URL: <https://neoskosmos.com/en/2023/05/10/dialogue/opinion/how-netflixs-cleopatra-got-it-wrong-a-greek-americans-call-to-correct-presentism-historical-negationism-and-appropriation/> (Дата обращения: 30.10.2025).*

⁴⁴ *Susman, G. Vin Diesel will play Hannibal, 2002 - URL: <https://ew.com/article/2002/07/09/vin-diesel-will-play-hannibal/> (Дата обращения: 14.11.2025).*

⁴⁵ См., например: *Barbarians Rising: Hannibal (2016) – History channel showing Hannibal as a Sub Saharan African, 2016 - URL: https://www.reddit.com/r/Documentaries/comments/4n5nl0/barbarians_rising_hannibal_2016_history_channel/?rdt=50229 (Дата обращения: 17.11.2025).*

Клеопатра») новости о том, что всё та же платформа *Netflix* планирует снимать фильм о Ганнибале, а на главную роль собирается взять одного из самых именитых темнокожих актеров – Дензела Вашингтона, который, по слухам, мог сыграть Гамилькара Барку в проекте Вина Дизеля⁴⁶. Конечно, эта информация не вызвала столь широкого возмущения, как в случае с «Царицей Клеопатрой», и интернет-пользователи чаще иронизировали по поводу возраста Вашингтона, чем по поводу его расовой принадлежности⁴⁷, однако если говорить о жителях Туниса, на территории которого располагался древний Карфаген, то их реакция была очень похожей на уже рассмотренную выше реакцию египтян (хотя, опять же, не такой бурной).

Так, в соцсетях многие тунисцы обвинили *Netflix* в продвижении «woke-культуры», а ряд активистов, так же, как и в Египте, создал онлайн-петицию с призывом к Министерству культуры «принять меры против попыток украсть нашу историю»⁴⁸. Впрочем, в этой петиции содержались менее жесткие формулировки, да и подписало ее гораздо меньше людей – всего 1300. При этом протест против проекта *Netflix* высказала и официальная пресса: в частности, журналист франкоязычной тунисской газеты «La Presse» Карим бен Саид в соответствующей статье назвал «очернение» Ганнибала «исторической ошибкой» и отметил, что выбор Д. Вашингтона на роль карфагенского полководца «ставит острые вопросы об афроцентризме, исторической точности и проблемах с выбором актеров в киноиндустрии»⁴⁹. Как отмечают некоторые аналитики, подобная точка

---

⁴⁶ Vin Diesel as Hannibal, and Denzel Washington as Hamilcar Might Go Epic in “Hannibal the Conqueror”, 2010 - URL: <https://hollywood-spy.blogspot.com/2010/08/vin-diesel-as-hannibal-and-denzel.html> (Дата обращения: 14.11.2025); Vlessing, E. Denzel Washington to Star in Antoine Fuqua’s ‘Hannibal’ Epic, 2023 - URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-news/denzel-washington-antoine-fuqua-hannibal-epic-netflix-1235645517/> (Дата обращения: 14.11.2025).

⁴⁷ См., например: Is Denzel Washington still doing Hannibal? 2023 - URL: https://www.reddit.com/r/ancientrome/comments/1eosc06/is_denzel_washington_still_doing_hannibal/ (Дата обращения: 29.10.2025).

⁴⁸ Denzel Washington’s casting as Hannibal in Netflix film sparks race controversy in Tunisia, 2023 - URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/11/denzel-washingtons-casting-as-hannibal-in-netflix-film-sparks-race-controversy-in-tunisia> (Дата обращения: 17.11.2025).

⁴⁹ Said, K. ben. Hannibal incarné par Denzel Washington: Pourquoi est-ce problématique? 2023 - URL: from <https://lapresse.tn/2023/11/24/hannibal-incarne-par-denzel-washington-pourquoi-est-ce-problematique/> (Дата обращения: 07.11.2025).

зрения — опять же, как и в Египте, — вполне укладывается в рамки идеологии, продвигаемой туниисским президентом Каисом Саидом, который в последнее время достаточно активно выступает против наплыва мигрантов из Черной Африки и даже якобы пытается создать из них «воображаемого врага»⁵⁰.

Более того, вопрос о проекте американской платформы был поставлен и в туниисском парламенте: Яссин Маами, председатель комитета по туризму, культуре и услугам, потребовал от министра культуры Хайет Китат Гермази, чтобы ее ведомство «заняло четкую позицию» и «защищило туниисскую идентичность», на что та, правда, ответила примерно следующее: «Это художественный вымысел, это их право... Мы здесь ничего поделать не можем. Для меня главное — чтобы они сняли хотя бы одну сцену в Туниисе и упомянули об этом. Мы хотим, чтобы наша страна вновь стала местом, где снимают иностранные фильмы»⁵¹.

Поводя итоги, следует отметить, что и у «очернения» персонажей античной истории, и у реакции на это «очернение», несомненно, существует определенный идеологический и политический подтекст. Прежде всего, и Клеопатра, и Ганнибал представляют собой прекрасные примеры так называемых «престижных предков», которые фигурируют в идеологии многих народов и помогают поддерживать национальную идентичность. И — как и в случае со многими другими подобными фигурами (типа иллирийской царицы Тевты или древнерусского князя Владимира I) — на них претендует сразу несколько разных народов.

С одной стороны, и египетская царица, и карфагенский полководец, происходившие с Африканского континента, являются фигурами, весьма притягательными для т.н. афроцентристского движения, представители которого, реагируя на столетия угнетения и притеснения (в том числе и в сфере национальной идеологии), уже с середины XX в. активно отстаивают точку зрения о том, что оба этих персонажа были черными⁵². Благодаря активности данного

---

⁵⁰ Tunisia's president calls for halt to sub-Saharan immigration amid crackdown on opposition 2023 - URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2023/feb/23/tunisia-president-kais-saied-calls-for-halt-to-sub-saharan-immigration-amid-crackdown-on-opposition> (Дата обращения: 10.11.2025); Denzel Washington's casting as Hannibal...

⁵¹ Denzel Washington's casting as Hannibal...

⁵² См., например: *Rogers, J.A. World's Great Men of Color. Vol. 1: Asia and Africa. New York, 1946.*

движения, подобные точки зрения в последнее время достаточно глубоко укоренились в общественном сознании стран Запада (прежде всего, США) и в числе прочего нашли выражение и в европейском и американском кинематографе.

С другой же стороны, подобные взгляды вызывают вполне понятное отторжение у современных жителей тех стран, где когда-то жили Клеопатра и Ганнибал — то есть у египтян и тунисцев, которые нередко пытаются дистанцироваться от Черной Африки, причем как на «низовом», так и на официальном уровне, что достаточно хорошо заметно по той идеологии, которую продвигают нынешние президенты Египта и Туниса соответственно и которая не в последнюю очередь предполагает опору на фигуры из древней истории для поддержания современной национальной идентичности (в том числе и в борьбе с наплывом мигрантов из стран, расположенных южнее Сахары).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОДПИСИ

П.Э. Салий¹,

СГХМ имени А.Н. Радищева

А.Г. Моченцов²

СГХМ имени А.Н. Радищева;

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Аннотация. В статье рассказывается о том, как сотрудниками отдела реставрации Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева были атрибутированы две картины европейского художника моравского происхождения Мартина Фердинанда Квадаля (1736 – 1808), долгое время считавшиеся работами неизвестных мастеров, а также прослежен путь этих полотен из Англии в Санкт-Петербург и далее – в имение Голицыных в селе Князевка Петровского уезда Саратовской области. Подчеркивается важность возвращения работам имен их авторов, поскольку это помогает как искусствоведам, так и зрителям лучше понять изображенное на картине.

Ключевые слова: Мартин Фердинанд Квадаль, европейская живопись, авторская подпись, атрибутирование, реставрация, Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева, Петровский краеведческий музей, Анна Сергеевна Голицына.

THE STORY OF ONE SIGNATURE

P.E. Saliy

(Saratov, Russia)

A.G. Mochentsov

(Saratov, Russia)

e-mail: restore@radmuseumart.ru

Abstract: This article describes how the restoration department of the A.N. Radishchev Saratov State Art Museum attributed two paintings by the Moravian-born European artist Martin Ferdinand Quadal (1736–1808), long considered the work of unknown artists, and traced the paintings' journey from England to St. Petersburg and then to the Golitsyn estate in the village of Knyazevka, Petrovsky District, Saratov Region. The importance of restoring the artists' names to the works is emphasized, as this helps both art historians and viewers better understand the paintings' depictions.

---

¹ Салий Полина Эдуардовна (Саратов), художник-реставратор 3 категории Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева.

² Моченцов Андрей Геннадиевич (Саратов), заведующий отделом реставрации Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева, член Ассоциации искусствоведов (АИС), доцент кафедры Региональной истории и музееведения ИИиМО СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

Keywords: Martin Ferdinand Quadal, European painting, author's signature, attribution, restoration, Saratov State Art Museum named after A.N. Radishchev, Petrovsky Museum of Local History, Anna Sergeevna Golitsyna.

Для цитирования: Салий П.Э., Моченцов А.Г. История одной подписи // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Сеницына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 160-173.

Что происходит с произведением искусства, когда оно в силу тех или иных обстоятельств теряет своего автора? Когда мы приходим в музей и видим картину, автор которой неизвестен, а время её создания указано весьма приблизительно, то такое произведение становится для нас наполовину немым: мы видим только то, что изобразил художник, и сами пытаемся домысливать – зачастую неверно – когда и в какой стране он мог жить, в каком историческом и художественном контексте «варилось» его творчество, каким стилистическим запросам времени оно отвечало. Не менее печальна судьба и тех полотен, которые в результате ошибочной атрибуции получают чужие имена – не уничтоженные физически, они тем не менее фактически исчезают с искусствоведческого горизонта.

История не так часто балует нас примерами возвращения полотнам имен их подлинных авторов, поэтому каждый такой случай – это настоящее событие в мире искусства. Именно таким событием, облетевшим все мировые СМИ, стало недавнее возвращение из забвения картины Уильяма Тёрнера «Надвигающийся шквал». После своего последнего появления на выставке на Тасмании (Австралия) в 1868 г. эта работа более чем на полтора столетия выпала из контекста творчества Тёрнера – лишь в 2024 г. реставраторы вернули ей имя автора.

Вернулось имя – и открылись важнейшие смыслы, стоящие за изображенным на полотне: стало понятно, что картина, написанная в 1792 г. 17-летним Тёрнером, была его данью модному тогда романтизму, но – главное – это первая его работа маслом, в которой юный Тёрнер впервые применил свою виртуозную технику акварелиста, открыв окно в мир дальнейших экспериментов, перевернувших впоследствии все прежние представления художников о технике живописи. Вот таким этапным произведением оказалась эта картина и для творчества Тёрнера, и для английской живописи, и для мирового изобразительного искусства в целом – и замечательно, что реставраторы помогли ей занять правильную нишу в истории живописи. По удивительному совпадению 2024 г. подарил нам не только потерянный «Надвигающийся шквал» – после 220-летнего забвения две картины другого художника,

современника Тёрнера, вернули себе имя творца, и случилось это также в процессе реставрации. Об этом возвращении и пойдет далее речь.

В 2023 г. сотрудники отдела реставрации Саратовского художественного музея имени А.Н. Радищева взяли в работу из музейного хранения картину — картину интересную, сюжетную, но которая по причине своего не экспозиционного состояния не демонстрировалась широкой публике.

Поступила она в Радищевский музей в 1957 г. из Петровского краеведческого музея в числе семи произведений живописи кисти «крупных западноевропейских художников XVIII–XIX вв., представляющих высокую художественную ценность общесоюзного значения», как говорилось в приказе о передаче. В этом приказе были объяснены и причины передачи: во-первых, условия хранения Петровского музея не соответствовали установленным нормам, что могло привести к порче живописного слоя картин; во-вторых, эти произведения, отражающие историю развития западноевропейского искусства, не являются экспонатами краеведческого характера. В акте о передаче наша картина под названием «Гадание» значилась как работа неизвестного французского художника XVIII в.

После технической реставрации, проведенной в 1960 г., полотно находилось в запасниках, лишь однажды побывав на выставке живописи из собрания музея «До и после реставрации...». Неоднократно картину пытались атрибутировать, но мнения авторитетных экспертов разошлись: специалисты из Государственного Эрмитажа (В.И. Березина и Е.П. Ренне) и Е.Б. Шарнова (Москва) предположили авторство английского мастера первой половины XIX в., известный искусствовед Т.В. Максимова отнесла картину немецкому художнику И.Г. фон Диллису.

В результате пришли к выводу, что произведение является примером интернационального стиля начала XIX в., но поскольку большинство экспертов отдали предпочтение английской школе живописи, то в нынешний каталог Радищевского музея «Сцену с гадалкой» внесли как работу неизвестного английского художника первой половины XIX в.³ Атрибутированная таким образом, картина ждала глубокой научной реставрации, поскольку ее состояние было весьма плачевным. И вот наконец сложные реставрационные работы начались. Сначала было

---

³ Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Зарубежное искусство: живопись, рисунок, скульптура, шпалеры: каталог собрания. Т. 2. Саратов, 2008. С. 281.

произведено укрепление, затем удалены загрязнения и вставки реставрационного грунта. Когда последовал следующий этап, связанный с утоньшением лакового слоя, то в неожиданном месте — не внизу, как это обычно бывает, а посередине левого края полотна — обнаружилась авторская подпись.

Подпись эта оказалась хорошо знакомой нашим сотрудникам — аналогичная ей стоит под огромным полотном, которое располагается на парадной лестнице исторического корпуса Радищевского музея⁴.

---

⁴ Паикова Л.В. Эти прошлые лица на отцветшем большом полотне... Малоизвестная картина М.-Ф. Квадаля «Коронация Павла I и Марии Фёдоровны» // Дворянские усадьбы саратовской губернии: Материалы вторых Боголюбовских чтений. 29 -31 марта 1995 года. Саратов, 1998. С. 48-58.

И принадлежит она Мартину Фердинанду Квадалю (1736–1808) — моравскому художнику, чей талант был необычайно востребован при его жизни во всех культурных центрах Европы, в том числе и в России (куда он прибыл в 1797 г. по приглашению Павла I и где оставался до конца своих дней), но чье имя впоследствии было незаслуженно забыто и известно сейчас лишь в профессиональных кругах⁵.

Параллельно с кропотливой работой по восстановлению первоначального облика этой картины мы, конечно же, пытались выяснить историю её создания. И в этом нам существенным образом помогла дата её написания: рядом с традиционными «*M.F. Quadal Pinx*» сохранились четыре цифры — 1793. И это не просто цифры — за ними стоит целый пласт важнейшей информации. Итак, о чём же они говорят? Во-первых, что картина эта была написана Квадалем во время его второго английского периода⁶ — периода важного, этапного в творческой судьбе художника. Во-вторых, изображённая на холсте сценка — это свидетельство того, что, помимо увлечения графикой и гравюрой (широко известна созданная в это время художником серия гравюр с изображением домашних и диких животных), Квадаль продолжал в этот период работать маслом, и интересовала его в том числе и жанровая живопись. В-третьих, пейзажный фон «Сцены с гадалкой» частично совпадает с пейзажным фоном другой картины Квадаля, на которой он изобразил динамичную сцену английской охоты на лис.

---

⁵ Шевцова Ю.В., Кулаков А.Е. От Моравии до России: судьба чешского художника Мартина Фердинанда Квадаля и его полотно // Славянский сборник: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17. Саратов, 2019. С. 98-106.

⁶ Šafaříková, E. Martin Ferdinand Chvátal (1736–1809): magisterská diplomová práce. Olomouc, 2012.

К сожалению, мы не знаем года создания этой проданной с аукциона картины, но её тематика подсказывает, что она тоже, по всей видимости, была написана в Англии. Такое совпадение может говорить о том, что писал обе сцены художник с натуры, в окрестностях Лондона или Бата — городов, в которых Квадаль тогда попеременно жил и работал. В-четвертых, тот факт, что Квадаль привез эту картину в Россию, может говорить о том, что писал художник подобные жанровые сценки не по заказу, не для продажи, а для себя, для души.

В этом месте может возникнуть справедливый вопрос: почему мы с такой уверенностью утверждаем, что Квадаль сам привез «Сцену с гадалкой» в Россию? Ответ прост: потому, что у нас есть весомые аргументы, которые мы, конечно же, представим, рассказав далее об одном интереснейшем культурном мероприятии, проходившем в Санкт-Петербурге, среди «участников» которого была и наша «Гадалка».

Итак, завершив в 1799 г. работу над историческим полотном, посвященном коронации Павла I, написав затем картину, посвященную восшествию на престол Александра I, а также ряд портретов столичной знати⁷, в 1803 г. Квадаль устраивает на Невском проспекте выставку своих работ⁸. Уникальность этого мероприятия состояла в том, что, по сути, это была первая персональная художественная выставка в России, причем в специально устроенном для этого временном помещении-павильоне (в европейских столицах подобные выставки появились незадолго до этого). Благодаря рекламному объявлению, размещенному

---

⁷ Врангель Н. Иностранцы в России // Старые годы. 1911. Июль-сентябрь. С. 50.

⁸ Марушина Н., Рипак Е. Коронация Павла I и Марии Федоровны. Картина Мартина Фердинанда Квадаля / Государственный Русский музей; Саратов. гос. худож. музей им. А.Н. Радищева. Санкт-Петербург, 2004.

Квадалем в «Санкт-Петербургских ведомостях», нам известны любопытные подробности устройства этого культурного мероприятия⁹.

Объявление анонсировало открытие живописной палатки (*Tente pittoresque*) «на Невской перспективе против аглинского магазина, в коей выставлено собрание живописных картин работы Квадаля»; открыта палатка (которая к тому же была «хорошо натоплена») с 9 часов утра до 5 вечера. Указана стоимость посещения выставки – 1 рубль серебром (столь высокая стоимость говорит об элитарном характере этого мероприятия). Каждому оплатившему вход бесплатно вручался печатный каталог (наподобие современного рекламного буклета), в котором на французском языке были перечислены названия 32-х представленных на выставке живописных работ и даны краткие аннотации их содержания. К счастью, образец того каталога дошел до наших дней, что дает нам чёткое представление о том, какие работы отобрал Квадаль на суд столичной публики.

Трудно переоценить значение этого каталога – это единственный наиболее полный перечень работ Квадаля, поэтому он так важен для исследователей его творчества (в переводе на русский язык каталог был опубликован С. Эрнстом в 1916 г. в журнале «Старые годы»)¹⁰. «По среди луга два аглинские верхами охотника, увидя цыганку, останавливаются. Одному из них делает она предсказания», – такое описание в каталоге дано картине под № 12. Это и есть описание нашей «Сцены с гадалкой». Итак, созданную ещё в Англии в 1793 г., Квадаль привёз эту картину в Россию, чтобы она в 1803 г. (а потом и в 1804) в числе лучших работ заняла свое место на его персональной выставке.

Следующий этап наших разысканий был связан с поиском путей, которые привели «Гадалку» из тогдашней российской столицы в уездный город Петровск (ныне – один из районных центров Саратовской области). Важнейшей отправной точкой на этом этапе явилась зафиксированная в картотеках и каталогах Радищевского музея информация о том, что картина поступила в Петровский краеведческий музей из собрания княгини Анны Сергеевны Голицыной (1853–1916), из её имени в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии.

---

⁹ Лешуков А.Г. Реклама отдельных культурно-зрелищных мероприятий в России в начале XIX в. // Культура - искусство - образование: XXXVIII научно-практическая конференция научно-педагогических работников. Челябинск, 2017. С. 204–207.

¹⁰ Эрнст С. Старые портреты // Старые годы. 1916. Апрель–июнь. С. 23.

Жизненный путь Анны Сергеевны, представительницы старинного рода и последней владелицы родового имения в Князевке, описан весьма подробно местными краеведами (к чему мы еще вернемся). Хорошо известно, что именно она была последней хранительницей и картинной галереи, и знаменитой библиотеки Шаховских (2020 томов из которой будут переданы ею в 1909-1912 гг. в общественную библиотеку Пензы)¹¹. Но между годом рождения Анны Сергеевны и датой персональной выставки Квадаля — дистанция в полвека. Следовательно, последняя владелица поместья являлась именно хранительницей работы Квадаля — приобрели же её, скорее всего, представители предыдущих поколений Шаховских.

Изучив родословную Голицыных по восходящей, мы нашли важные для нас персоналии. Мать Анны Сергеевны, Александра Петровна Шаховская (1806–1871), оказалась дочерью персон титулованных и весьма влиятельных при императорском дворе: отец её, Шаховской Пётр Фёдорович (1773–1841) - князь и действительный камергер, мать, Шаховская (в девичестве Жегулина) Анна Семёновна (1776–1843) с 1796 г. — фрейлина великой княгини Анны Фёдоровны, жены Константина Павловича. Любимой фрейлиной самой императрицы была и родная сестра Петра Фёдоровича, Наталья Фёдоровна Шаховская (1779–1807). Трудно представить особ, более приближенных к императорской фамилии!

Квадаль, в свою очередь, приехав в Россию, первое время проживал непосредственно при императорском дворе. Предположив, что между четой Шаховских и Квадалем могли завязаться деловые или дружеские отношения, мы обратились за поисками подтверждения нашей догадки в Государственный архив, и нам повезло — мы действительно нашли дело, в котором Анна Шаховская упоминается в одном контексте с фамилией Квадаль. «Об удовлетворении вдовы профессора живописи Квадаль присужденными ему деньгами, данными надворным судом титулярному советнику Скопинскому по переданному ему от княгини Шаховской условию»¹², — под таким заголовком в архиве хранится дело 4-го апелляционного департамента Сената.

---

¹¹ Мурашов Д.Ю. Встреча в веках // Улица Московская: электронное издание. [Сайт] - URL: <https://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/kraevedenie/item/2288-vstrecha-v-vekakh> (Дата обращения: 26.10.2015).

¹² РГИА. Ф. 1348. Оп. 71. Д. 1177.

Из материалов дела нам стало известно о многолетней финансовой тяжбе между вдовой Квадаля и Анной Шаховской¹³. Этот денежный спор возник по той причине, что Квадаль купил для Шаховских дачу, за что, согласно расписке, якобы получил от Анны Шаховской 3 000 рублей, но его вдова решением Санкт-петербургской палаты Гражданского суда от 18 мая 1815 г. добилась признания поддельного характера той расписки. Далее из материалов дела следует, что взыскать денежные средства следует с чиновных лиц, допустивших оплошность и не распознавших вовремя подделку, а все действия «Надворного суда о взыскании с княгини Шаховской денег признать противными оному решению» (решение было вынесено 14 января 1830 г.)¹⁴. Факт покупки Квадалем дачи для Шаховских как нельзя лучше доказывает, что между ними были весьма тесные отношения. Скорее всего, эти отношения не могли обойти стороной и творческую деятельность Квадаля – интерес к его живописным работам мог вылиться в их покупку Шаховскими, а возможно, учитывая статус Шаховских при дворе, Квадаль мог и подарить Шаховским некоторые из понравившихся им работ.

Перенесёмся теперь из Петербурга в Князевку. Надо сказать, что этому селу несказанно повезло – у него нашлись собственные летописцы. Ими стали жившие в Князевке в XIX в. простые крестьяне-самоучки Гаврила Киреевич Заварицкий и Иван Андреевич Успенский. Хранящиеся в Саратовском областном архиве в фонде СУАК их рукописи по истории Князевки по сей день являются бесценными историческими источниками¹⁵. Читая эти документы, поражаешься одержимости их авторов, проделавших невероятно сложную, кропотливую работу, чтобы свести в увлекательный рассказ историю Князевки с самого момента её основания до XX в. Вот только на самый важный для нас вопрос – когда и каким образом Князевка перешла от Путятиных, владевших ею почти весь XVIII в., в собственность Шаховских – краеведы не дали нам внятного ответа. Так И.А. Успенский пишет, что Путятиньы продали вотчину Петру Фёдоровичу Шаховскому в 1785 г., а Г.К. Заварицкий же, подробно описывающий жизнь в Князевке Алексея Алексеевича, последнего её владельца из рода Путятиных, затем без всяких

---

¹³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 259. Д. 38.

¹⁴ РГИА. Ф. 1348. Оп. 71. Д. 801.

¹⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 645.

пояснений утверждает, что в 1809-1811 гг. Князевка «перешла во владение княжны Шаховской»¹⁶.

Столь разные версии только подтвердили наши сомнения в том, что смена собственников прошла гладко: по некоторым источникам, Алексей Алексеевич Путятин за несколько лет до смерти (умер он в 1790 г.) втайне от прямых наследников князей Шаховских составил завещание в пользу своего дальнего родственника Николая Абрамовича Путьятина (1749-1830), известного дрезденского филантропа и философа, из-за скандала в свете вынужденного покинуть Россию в 1782 г. Известно также, что Шаховские в суде пытались оспорить это завещание, но Сенат им отказал, признав подлинность документа.

Входила ли Князевка в число завещанных Николаю Абрамовичу имений, мы не знаем, но некоторый «провал» в повествованиях краеведов относительно этих лет свидетельствует как раз в пользу этого предположения. К тому же Заварицкий упоминает предание о том, что Путятин был крестным Александры Петровны Шаховской и подарил с. Князевку ей «на крест». Но тогда или предание таит в себе явную временную несостыковку – ведь Александра Петровна родилась через 16 лет после смерти последнего владельца Князевки из рода Путьятиных, или же имение действительно подарил ей дрезденский дальний родственник (надеюсь, историки и краеведы когда-нибудь смогут поставить точку в этом вопросе). Так это или иначе, но Князевка в XIX в. – действительно уже собственность Шаховских.

Пётр Фёдорович и Анна Семёновна если и являлись её собственниками, то, судя по всему, в Князевке никогда не жили, отдавая предпочтение тем своим поместьям, что были расположены ближе к Петербургу и Москве. А вот их дочь, Александра Петровна, уже стала постоянной жительницей княжеской усадьбы. Переехала она в имение, по словам Заварицкого, после того как преобразовала его в соответствии с собственными запросами: построила новый барский дом, развела сады, вырыла пруд, а в старом барском доме организовала школу и больницу.

Переезду в Князевку способствовали и обстоятельства её личной жизни: супруг Александры Петровны, Голицын Сергей Сергеевич (1805-1871), заслуженный николаевский вояка, состоявший даже в Свите его Императорского Величества, был большим любителем карточных игр. Проигравшись, он попал в Петербурге в долговую тюрьму, и

---

¹⁶ Рукопись Заварицкого по истории с. Князевки Петровского уезда за XVIII-XIX вв. / Саратовская губернская учёная архивная комиссия // ГАСО. Ф. 404. Оп. 2. Ед. хр. 646.

Александра Петровна с дочерью Анной вынуждены были навсегда покинуть столицу — от стыда подальше, вероятно. Обустроив имение в Князевке, Александра Петровна, видимо, и перевезла из столицы в новый барский дом картины из собрания своих родителей (к тому времени уже покойных), а её дочь, Анна Сергеевна, и стала последней обладательницей семейной картинной галереи, где среди работ прочих авторов была и работа Квадаля.

Личность Анны Сергеевны, натуры деятельной и весьма незаурядной, заслуживает хотя бы самого короткого рассказа. В Князевке княжна вошла во вкус вольной деревенской жизни. С 19-ти лет она стала распоряжаться имением, интересоваться сельским хозяйством: ездила по полям, следила за всеми работами, разводила породистых коров, охотничьих собак, занималась коневодством — купила рысистых лошадей, возила их на бега, да и сама слыха прекрасной наездницей. Была она и творчески одаренной личностью: любила музыку, пение (пела в хоре, организованном ею из дворовых служащих и крестьян), а художник Пётр Чальшов, по свидетельству Заварицкого, обучал её рисованию и художеству.

«Крестьяне жили с помещицей мирно», — пишет Заварицкий¹⁷. Если случалась беда в семье — Анна Сергеевна всегда помогала (не любила она лишь нерадивых работников). Милосердие барыни сыграет важнейшую роль в сохранении как самой усадьбы, так и картинной галереи — в 1905 г., во время крестьянского движения, сопровождавшегося погромами и поджогами барских имений, дворовые служащие и крестьяне Князевки не стали участниками погрома, а наоборот, организовали охрану усадьбы и спасли её от уничтожения. Что ж, огромная им за это благодарность! А ведь «Гадалка» Квадаля могла сгореть, как сгорели в то время великолепные картинные галереи в соседних имениях Устиновых и Куракиных. Полагаем, что, если бы «Коронование Павла», выкупленное у вдовы Квадаля князем Куракиным и перевезенное им в свое саратовское имение Надеждино, не было бы передано потомками князя в 1886 г. в Радищевский музей — оно наверняка было бы уничтожено в тех пожарах вместе с другими картинами из коллекции «бриллиантового князя».

Анна Сергеевна Голицына умерла 6 июля 1916 г. Усадьбу в Князевке, как когда-то в 1905 г., обошёл стороной и революционный пожар 1917 г. — от Опекунского совета имение перешло в ведение Уземотдела,

---

¹⁷ «Жизнь Анны Серг. Голицыной» - рукопись Заварицкого / Саратовская губернская учёная архивная комиссия // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 651.

и в бывшем помещичьем доме разместился Народный дом. Несмотря на все тяготы тех переломных лет, новыми властями было принято решение о создании в Петровске краеведческого музея. Так «Гадалка» Квадаля и попала в Петровск, откуда и была передана в Саратов.

Вместе с «Гадалкой» тот же маршрут — с Туманного Альбиона в Петровск — проделала еще одна работа Квадаля, только её путь оказался на 100 километров короче — она не доехала до Саратова, а так и осталась в Петровском музее, где находится по сей день. Далее мы расскажем о том, как нам удалось обнаружить подпись Квадаля и на этом полотне.

Надо признаться, что в этом нам отчасти помог его величество случай — в силу обстоятельств личного характера нам доводилось не раз бывать в Петровском краеведческом музее. И одна из картин, представленных в экспозиции, посвященной дворянским усадьбам, каждый раз привлекала к себе наше пристальное внимание — по технике исполнения она была очень схожа с «Гадалкой», тогда ещё находившейся в запасниках Радищевского музея. Когда же в процессе реставрации «Гадалки» мы обнаружили подпись Квадаля, то решили в очередной раз посетить Петровский краеведческий музей, чтобы проверить, насколько верны были наши предположения. И на этот раз нам хватило простого визуального осмотра картины, чтобы обнаружить хорошо знакомую нам подпись — в нижнем правом углу мы прочли: *M.F. Quadal Pinx. 1793.*

Да, автор этой картины, на которой изображена сцена из басни Лафонтена «Мельник, его сын и осёл» — так хорошо знакомый нам Квадаль, а не неизвестный художник, как указано на этикетке. И вновь перед нами знакомая дата — 1793. Значит, и «Гадалка», и эта картина созданы Квадалем в один и тот же год, во второй английский период! Как и «Гадалка», это тоже своего рода жанровая сценка, только написанная на мотив басни. Выходит, что Квадаль и эту работу привёз в Россию с собой из Англии — следовательно, писал он её тоже не по чьему-то заказу, а для себя.

Конечно же, следующий вопрос напрашивался сам собой — была ли эта картина на выставке в «Картинном шалаше»? Возвращаемся к каталогу петербургской выставки Квадаля и читаем: «№ 6. Представляет фигуры и животных. Предмет сей взят из Лафонтеновых басен: Мельник, его сын и осёл». Да, была — и была на почётном шестом месте в каталоге.

Но это ещё не всё — в июле 1804 г. в числе шести картин из шалаша она отправилась на выставку в Академию художеств, по итогам которой Квадаль получил звание академика.

Тот факт, что Квадаль отобрал «Мельника», наряду с портретом императора Александра I и с собственным автопортретом, для участия в столь ответственной для него академической выставке, как нельзя лучше говорит о том, сколь высоко ценил художник эту свою работу! И «Мельник» помог стать Квадалю академиком Петербургской Академии художеств¹⁸. Вот такая интересная судьба у этой картины.

Маршрут её из Петербурга в Петровск уже известен — без сомнения, она прибыла в имение Шаховских вместе с «Гадалкой» и другими картинами из их собрания. Не очень ясен лишь один момент: почему

---

¹⁸ Известие об ученых обществах в России // Северный вестник. 1804. Ч. 3. С. 219-235.

«Мельник» не был передан в 1957 г. в Радищевский музей вместе с «Гадалкой»? Возможно, потому что 70 лет назад состояние картины было еще более-менее удовлетворительным? Кстати, нам удалось выяснить причины столь плачевного состояния работ Квадаля – они долгое время хранились в сыром подвале, когда у музея еще не было такого замечательного помещения, коим он располагает сейчас. Очень надеемся, что после выхода этой публикации будет принято решение о необходимости реставрации «петровского Квадаля». Ну и конечно же, обе картины ждут официальной реатрибуции.

Мы начали наше повествование с рассказа о возвращении из забвения картины Тёрнера. Не без удовольствия вернемся к этой истории и в финале. Свой «Надвигающийся шквал» Тёрнер впервые представил публике в 1793 г. в Лондоне на выставке Королевской академии художеств – выставке, которая и по сей день считается чуть ли не самым значительным мировым художественным событием. И с работой юного Тёрнера соседствовали четыре работы художника зрелого, сложившегося, востребованного. Этим художником был «Квадаль из Моравии». А одна из четырех представленных им работ называлась «Man and his Ass (from the fable)»¹⁹. Ну конечно же, посетители Королевской выставки рассматривали ту самую сценку из басни Лафонтена, которую посетители Петровского краеведческого музея разглядывают в наши дни, спустя почти два с половиной столетия.

Пройдя сквозь долгие годы странствий и приключений, каким-то невероятным образом переплелись судьбы этих двух картин, потерявших своих авторов и вновь – благодаря сохранившимся подписям – нашедших их спустя столько лет... Возвращённые имена, несомненно, откроют новую страницу в жизни этих полотен.

---

¹⁹ *Thomas, N.H. A Forgotten Animal Painter // Country Life. 1956. Vol. 120. S. 1180 – 1181.*

БИОГРАФИКА

УДК 070(470.44-25)(09)+929Арсениевич

МАЭСТРО В ГАЗЕТЕ «ЗЕМСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»¹

Макаров С.В.²

Саратовский Земский философский клуб
e-mail: opt@autoshtamp.ru

Аннотация: *Арсениевич Бранко Милутинович (11 ноября 1925 г. – 11 августа 2002 г.) – журналист, писатель, публицист. Родился в г. Андриевица в Югославии (ныне Черногория). Юношей участвовал в антифашистском сопротивлении, в 1944 г. стал командиром танка Т-34 в составе Югославской народной армии. После войны работал в Италии специальным корреспондентом одной из югославских газет. Был обвинён в поддержке политики Советского Союза и отправлен на десять лет в каторжный лагерь на Голом острове. В 1958 г. с помощью лидера итальянских коммунистов эмигрировал в Советский Союз. Получил гражданство и окончил филфак Саратовского–госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского. 30 лет проработал преподавателем итальянского языка в Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова. В 1995–2000 гг. – политический обозреватель, в 2000–2001 гг. – главный редактор саратовской газеты «Земское обозрение». Статья посвящена работе Арсениевича в этой газете.*

Ключевые слова: Б.М. Арсениевич, Н.Ф. Зорин, история саратовской прессы, «Земское обозрение», история журналистики.

THE MAESTRO IN «ZEMSKOE OBOZRENIE»

Makarov S.V.

(Saratov, Russia)
e-mail: opt@autoshtamp.ru

Abstract: *Arsenijević Branko Milutinović (11 November 1925 – 11 August 2002) was a journalist, writer, and publicist. He was born in Andrijevisa, Yugoslavia (now Montenegro). As a young man, he participated in the anti-fascist resistance, and in 1944, he became the commander of a T-34 tank in the Yugoslav People's Army. After the war, he worked as a special correspondent for a Yugoslav newspaper in Italy. He was accused of supporting the Soviet Union's policies and sentenced to ten years in a labor camp on Goloy Island. In 1958, with the help of the leader of the Italian Communists, he emigrated to the Soviet Union. He obtained citizenship and graduated from*

¹ Доклад на заседании саратовского Земского философского клуба 17 октября 2025 г. «К столетнему юбилею Бранко Арсениевича (11.11.1925 - 11.08.2002)».

² Макаров Сергей Васильевич (Саратов), инженер-механик, руководитель предприятия «Автоштамп», член Саратовского Земского философского клуба. Депутат Саратовского городского Совета народных депутатов (1990-1993), депутат Саратовской областной Думы 2-го созыва (1997-2002).

the Faculty of Philology at Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. For 30 years, he worked as a teacher of Italian at the Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov. In 1995-2000, he was a political commentator, and in 2000-2001, he served as the editor-in-chief of the Saratov newspaper «Zemskoe Obozrenie». The article is about Arsenievich's work in this newspaper.

Keywords: B. Arsenievich, history of the Saratov press, «Zemskoe Obozrenie», history of journalism.

Для цитирования: Макаров С.В. Маэстро в газете «Земское обозрение» // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 174-178.

Бранко Милутинович был такой «БОЛЬШОЙ» человек, что осветить весь его жизненный путь за отведенное на доклад время можно только весьма бегло. Поэтому я решил как-то «сузить» тему и рассказать про тот период его жизни, начиная с 1995 г. и вплоть до его кончины, который хорошо мне известен по совместной работе в газете «Земское обозрение».

Почти все номера газеты сохранились, и мне казалось, что будет не очень сложно это сделать, опираясь, так сказать, на первоисточник. Но когда я пролистал первые 100 номеров еженедельника «Земское обозрение», я увидел свою жизнь и жизнь своих друзей, коллег и соратников в отражении этой газеты. Ведь мы с единомышленниками из «Саратовского земского союза» её в свое время придумали, подобрали коллектив, обеспечили финансирование, разработали идеологию. Даже, спустя 30 лет, мне было очень трудно читать тексты: вспоминались обстоятельства появления публикаций, судьбы их авторов.

С Бранко Арсениевичем меня познакомил Николай Фёдорович Зорин – человек, который ранее, в советские времена, руководил областной газетой «Коммунист» и, также как и я, был избран в Совет народных депутатов города Саратова.

Николай Фёдорович Зорин – был главным человеком, который создал коллектив газеты и организовал его работу на высоком уровне. Я часто вспоминаю его с благодарностью как большого профессионала и просто хорошего человека.

Знакомство тогда состоялось в моём рабочем кабинете «Автоштампа» на 4 этаже по улице Шевченко, дом 2. Бранко тогда было уже под 70 лет, столько же, сколько и мне сейчас. Я до этой встречи его совсем не знал, хотя потом оказалось, что он известен в Саратове, и его уважительно называют «Маэстро». Мы понравились друг другу. Он сказал: «Я был такой же в твоём возрасте».

Он начал писать для нашей газеты. Первая его статья вышла в № 21 от 9 мая 1995 г. и называлась: «Логика распада и шанс на единство», в которой он предостерегал от двух синдромов — югославского и латинского, угрожавших российской государственности.

Далее, 10 ноября 1995 г., вышла статья «Жива ли великая Русь»: путевые заметки и размышления во время поездки в Черногорию, когда он своими глазами увидел, как распадается Югославия.

По итогам встречи с главой областной администрации Ю. Белых в № 45 от 24 ноября 1995 г. он опубликовал материал: «Демократические выборы способны потушить пламя гражданской войны». В № 8 за 1 марта 1996 г. он, понимая важность борьбы с либеральной пропагандой, написал статью: «Телеэкранный коварный» с подзаголовком «Телевизор изобрели, дабы глупость оно было каждому видна».

Далее материалы Бранко стали печататься всё чаще и чаще: в № 9 от 08.03.1996 — «При диком капитализме и демократия дикая», в № 11 от 22.03.1996 — «Уроки Боснийского кризиса».

Вместе с «Саратовским земским союзом», в который он вступил, Бранко освещал на страницах газеты злободневные вопросы: о создании «Партии власти» на основе президентской вертикали в статье «С потерями и без» от 5 апреля 1996 г. в № 13. В следующем номере в статье «О чём говорили Билл с Борисом» — о продаже США в Россию залежалых куриных окорочков, и в этом же номере — «Унесённые ветром»: о судьбе бежавших в Россию из Чечни и бывших союзных республиках СССР. Так он стал одним из идеологов нашего патриотического движения «Саратовский земский союз».

Напомню о тех авторах, кто печатался в «Земском обозрении» в то время.

Время было голодное, и, благодаря Зорину Н.Ф., в то время у нас печатались и работали многие известные журналисты, учёные и общественные деятели Саратовской области: О. Блохина, В. Разин, С. Панкин, С. Григорьев, В. Рогожин, О. Степчук, О. Бальков, Д. Чернышевский, С. Борзилов, С. Козин, С. Климов, Б. Глубоков, С. Почечуев, С. Уткин...

Брали интервью у Вячеслава Володина, Бориса Дворкина. Делали перепечатки статей А. Цымбалова, А. Панарина, и другие материалы патриотической прессы на выборах Президента, когда среди прочих баллотировался и Г.А. Зюганов. «Саратовский земский союз» по собственной инициативе агитировал за него против Бориса Ельцина. Однако, победив на выборах Президента России и сдавшись, Зюганов в 1997 г., приехав в Саратов, выступил против «Саратовского земского

союза». А перед этим еще вышла передовица в газете «Советская Россия», направленная лично против меня как кандидата в депутаты на выборах в Саратовскую Областную Думу II созыва.

Что касается постановки задач журналистам и редакторам, то они были отражены в программе «Саратовского земского союза». Иногда ставились конкретные задачи. Например, мы летели на самолёте из Алма-Аты в Москву, и я увидел у одного из пассажиров газету (кажется «Караван») с заголовком типа «СССР – прекрасная Атлантида». По приезду в Саратов я попросил Бранко написать статью с таким же названием. Он же, не спрашивая деталей, написал. Но, в основном, журналисты выбирали темы в рамках патриотической мысли сами, особенно Бранко.

Отдельно надо сказать, что для газеты писали многие члены «Саратовского земского союза» – М. Калашников, В. Санатин, А. Ососков, И. Сухарев и другие.

Кроме издания газеты, мы участвовали в общественно-политической жизни страны. Ходили на митинги, в том числе и Бранко. Помню один наш лозунг: «Ельцин – ты-виноват!» В момент нападения НАТО на Сербию, когда Бранко был в Югославии в командировке, пикетировали консульство Германии в Саратове.

Встречались с А.И. Солженицыным, с руководством области, участвовали в выборах. Издавали книги, в первую очередь, книги Бранко, благодаря которым он стал более известен.

Мы провели с Бранко многие часы, обсуждая Вторую мировую войну: я услышал много такого, что не пишут в мемуарах. Когда он стал редактором газеты, мы часто сидели в офисе «Автоштампа», выпивая коньяк. Последнюю бутылку уже красного вина мы «втихаря» выпили в его одноместной палате в больнице, незадолго до его смерти. Он уже чувствовал, что время его уходит: «Эх сегодняшние возможности в наше бы время», – говорил он. Тогда он дал мне несколько дружеских советов, которые мне потом помогли.

Бранко Арсениевич, работая в газете, в том числе и главным редактором, написал несколько сотен статей на разные темы. В области геополитики, экономики, быта России и мира. Я спрашивал, как он пишет, он отвечал, что пишет статьи быстро, часто за один «присест», главное чтобы была «одна главная идея». Причём всегда чувствовалась его любовь к русским и в целом к славянским народам.

Так как он мыслил системно, то мог предсказывать события: так он предсказал Азиатский экономический кризис в 1997 г. задолго до его начала. Он говорил и писал: «Запад надул экономический пузырь в

Азии — они выведут прибыли, и он лопнет». В разгар кризиса я оказался в его эпицентре в Азии и часто вспоминал пророчество Бранко.

Иногда-я навязывал-свою точку зрения. Так во второй половине 90-х годов слово «девальвация» было, как бы запрещено. Приоритетом Правительства РФ было таргетирование курса рубля к доллару, а не инфляции как сейчас. В то время промышленность разорялась от этого. Я настаивал: нужна девальвация, девальвация, и еще раз девальвация. Что и произошло в 1998 г., но уже не плавно, а в режиме обрушения. Так же я всегда просил чаще употреблять слово «русофобия», в то время, как другие газеты его «стеснялись».

Всего в нашей газете напечаталось более 300 авторов. Об этом узнал, когда мы сдавали ведомости на зарплату в госархив. Но самым лучшим автором и в какой-то мере учителем я считаю Бранко. У него на первом месте всегда было «мы», а не «я». Мне есть с чем сравнивать. Одно время я вынужден был финансировать газету «Авторское право», журналисты которой только и думали о себе и о своём творчестве, считая себя «элитой». Они не понимали главного, что жизнь – это нахождение гармонии между многими нашими «я» и многими коллективными «мы». Аналогичная картина была и в газете «Саратов», которую мы создавали как депутаты Городского Совета народных депутатов Саратова.

Бранко писал до последнего: 7 августа 2002 г. вышла его последняя статья в газете. 11 августа его не стало.

Заканчивая свое выступление, повторю одну мысль, которую нашел у Бранко: «Если демократия — власть большинства, то пока в России не будет власти русских, то не будет и демократии». Эту мысль я и попытался развить в своей книге «Великорусская социоматериальная матрёшка»³.

Своеобразным приемником движения «Саратовский земский союз» стал наш философский клуб с неформальным членством. И я рад, что мы стали в его стенах более дружны с саратовскими историками: А.В. Гладышевым (член «Саратовского земского союза»), А.В. Родионовым, С.Ю. Монаховым, В.А. Митрохиным, и многими другими, с которыми мы знакомы десятки лет. И главное, что нас объединяет – это любовь к России.

---

³ Макаров С.В. Великорусская социоматериальная матрёшка. Проектный подход к будущему. М., 2022.

ПАМЯТИ ЭДУАРДА РУНГА, АНТИКОВЕДА И ВОСТОКОВЕДА
А.А. СИНИЦЫН¹

РХГА имени Ф.М. Достоевского
e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Аннотация. Мемориальный очерк о профессоре Эдуарде Валерьевиче Рунге. Автор передает личные воспоминания, которые представляют этого замечательного историка, педагога и человека.

Ключевые слова: воспоминания, Э.В. Рунг, Казанский госуниверситет, история древнего Ирана, античность, биография.

IN MEMORY OF EDUARD RUNG,
CLASSIC AND ORIENTAL SCHOLAR

A.A. Sinitsyn
(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: aa.sinizin@mail.ru

Abstract. A memorial essay about Eduard Valerievich Rung, Professor. The author shares personal memories that represent this remarkable historian, teacher, and person.

Keywords: memoirs, E.V. Rung, Kazan State University, history of ancient Iran, antiquity, biography.

Для цитирования: Sinitsyn A.A. In memory of Eduard Rung, classic and oriental scholar // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, А.А. Синицына. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2025. Вып. 31. С. 179-193.

On 3rd June 2025, our friend and colleague, a notable Russian classic and oriental scholar, expert in the history of Ancient Orient, died. Though he was a little past fifty, he had contributed a lot to the scholarship and left fond memories of himself.

Eduard Rung was born on 7th September 1972 to the family of Valery Alexandrovich Rung (a service man) and his wife, Alfia Khamitovna Valeeva. He spent his childhood and adolescent years in Kazan. After leaving school in 1989, he was enrolled in the Faculty of History at Kazan State University (KSU; now Kazan (Volga) Federal University). In his first year, he

---

¹ Синицын Александр Александрович (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, педагогики и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии имени Ф.М. Достоевского.

concentrated on the history of the Ancient World and started attending a postgraduate seminar «Antichnyj ponedel'nik» («Ancient Monday») founded in the mid-1960s by Prof. Arcady Semenovich Shofman (1913–1993), a well-known historian and historiographer, expert in the history of ancient Macedonia. At that time, A.S. Shofman was the Head of the World History Department at Kazan University, and he was a leading figure in the Russian ancient studies; he singled out a modest, yet stubborn, student of German name, who showed a keen interest in ancient studies, and took him under his wing.

Professor Eduard Valerievich Rung.

Why did the young man want to concentrate on the ancient history? According to the Soviet poet, Vladimir Vysotsky, «That's because in your youth you read the right books!» Eduard once said that as a teenager his choice of Antiquity was determined by two books (both proved the *right books!*) on ancient world history. In his middle school, it was *Spartacus* (1874) by the Italian writer, Raffaello Giovagnoli, in his senior school years a monograph by A.S. Shofman, «Dissolution of Alexander of Macedon's Empire». This book was published as a large edition in 1984 at Kazan University; in the late 1980s, Eduard bought it and read at one go. Surely, there were other scholarly

literature and works of fiction that he spoke about, which urged him on, as it was proved later, to find his way in science, but it is Giovagnoli and Shofman that made him infatuated with ancient history.

In his first years at the university, Eduard Rung, under Prof. A.S. Shofman's guidance, was involved in the matters of military organization in ancient Macedon under Kings Philip II and Alexander III the Great: he studied the sources, perused scholarly literature, made speeches at the «Ancient Monday». As a sophomore, in 1989, he made his first report on the history of Ancient Macedon. In October 1991, E. Rung took part in the conference devoted to the 25th Anniversary of the «Ancient Monday», making a speech on «Pezetairoi of Philip II of Macedon: peculiarities of terminology and the role of the formation». The proceedings of this report came out in the collection «Ancient history and contemporary historiography» (Kazan, 1991), to become E. Rung's first publication. After A.S. Shofman's death in October 1993, Eduard continued his studies under Prof. Vladimir Danilovich Zhigunin (1943–2001), who became the Head of the Department of World History at Kazan University, and, as Arcady Semenovich's senior student, took over the «Ancient Monday».

From 1993, E. Rung, then a 4th year student, started taking part in All-Russian ancient history conferences held by the Russian Association of Antiquity Researchers at the Institute of World History, the Russian Academy of Sciences (Moscow), he was a regular participant at the «Sergeevskie chteniya» («Sergeev Readings») at Moscow State Lomonosov University. Whenever he attended conferences at Moscow, E. Rung would always work at the libraries.

Upon graduating from the university in 1994, he proceeded as a Ph.D. student at the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages, Kazan University, which was established at the Faculty of History after the World History Department had been split into two parts. In his work on his thesis he was supervised by V.D. Zhigunin. In the mid-1990s, E. Rung had several articles on various aspects of the history of Greece and inter-polis relations between the Hellenes published. In the 1994 article «The Elean way of life (on the *agoge tou biou* of the Eleans)», the young Kazan scholar, while drawing upon ancient sources, described the system of upbringing of citizens in the polis of Elea; and in the 1995 article he examined the relations between Sparta and the Greek poleis of Asia Minor. In the same year, he published the proceedings of his report «Clandestine diplomacy on the eve of the war of Corinth, 395–386 BC».

Eduard Rung's university studies of the history of ancient Macedon, the military organization of Macedonians, Alexander the Great's eastern

campaign and the history of the Empire he had founded spurred his academic concerns to encompass the history of Persia, politics and culture of the Achaemenid Empire, the history of relations between the Persians and the Hellenes. In 1996, E. Rung, a Ph.D. student, took part in the conferences held at Kazan University, Moscow University and the Institute of World History, at the Russian Academy of Sciences, and all his speeches were devoted to Greek-Persian relations. His speaker paper entitled «On the origin of contemporary international relations (a case study of the Greek-Persian relations in the 5th–4th centuries BC)» read out at the Russian Association of antiquity researchers was published in the collection of papers «The Ancient World and its fate in later centuries» (Moscow, 1996). By this time, E. Rung had already been determined to concentrate on the contacts between the Greeks and the Persians and on Persian diplomacy. In 1997, his three articles were devoted to the issues of the Persian Empire and the history of Greek poleis in Asia Minor subjected to its control: «The Persian diplomacy in the early 4th century BC» (Kazan), «Agesilaus in Asia Minor (396–394 BC)» (Kazan) and «On the status of Ionia in the satrapy system of the Persian Empire in late 5th – early 4th centuries BC» (Moscow). Upon completing his doctoral programme in November 1997, E. Rung defended his Ph.D. thesis on «Greek-Persian relations in the late 5th – early 4th centuries BC».

After earning a Ph.D. degree, for over eight years, E. Rung taught various courses and conducted seminars on the world and national histories and cultures in Kazan universities. In 2006, he was invited, as a senior lecture and then as an assistant professor, to his former department in his alma mater.

In 2005–2008, E. Rung was a postdoctoral student at the Department of the History of Ancient Greece and Rome at St. Petersburg State University. Supervised by Prof. Eduard Davidovich Frolov (1933–2018), the Head of the Antiquity Department at the Faculty of History at St. Petersburg University. E. Rung extended the scope and the time line of the topic of his Ph.D. thesis: from the first clashes in the 6th century BC to Alexander of Macedon's Eastern campaign. His works of the late 1990s and the 2000s were devoted to the Orient, Persian affairs and the Hellenes' contacts with the Persians. He had a number of papers published: «Ancient Historians on the origin and family ties of Tissaphernes» (1999), «Epilycus' Peace Treaty» (2000), «The Problems of Dating the Embassy of Callias to Persia» (2001), «Diplomatic Relations between the Greeks and Persia in 370–343 BC» (2002), «The informal diplomacy' in Persian foreign Policy towards the Greeks» (2003), «The Tradition of Perceiving the Greco-Persian Wars as the Median Wars of the 5th – 4th centuries BC» (2004), «The Perception of the Persians as the Barbarians in the Greek literary tradition in the fifth century BC», «The Phenomenon of

Medism in the Political Life of Classical Greece», «On the Problem of the origin of the Greek concept of Barbarism» (2005), «The Greek Envoys in the Persian Empire», «Persian Political Propaganda in the Greek World in the 5th and 4th centuries BC» (co-authored with Maxim Kholod), «The informal Persian diplomacy toward the Greeks and the importance of Persian gold in the Greco-Persian foreign relations» (2006), «Provision of land and water in the Greco-Persian relations», «Athens and Persian Satrap Orontes», «The Greco-Persian Wars in the Greek Poetic Tradition: From Simonides of Ceos to Aeschylus», «Diplomatic expression of Persian imperialism: Persian requirements for land and water», «Megabyzus, Zopyrus and Athens: From the History of Greco-Persian Relations during the Pentecontaetia», «Medism during the Greco-Persian Wars: On the Punishment of Persian Supporters in Greece in 480–479 BC» (2007), «On a New Paradigm for the Study of Greco-Persian Relations in Historiography», «The Peace of Antalcidas», «Early Greek Tyrants and the Persians» (2008), «Athens and Persia: first contacts», «Athens, Alexander the Great and Persia (Problems of interpretation IG. II². 356)» (2009) et al. In February 2009, E. Rung defended his doctoral thesis on «The Persian factor in the political life of Greece in the 6th – 4th centuries BC». It was a great success!

In his doctoral research, Eduard Rung examined the issues of political contacts of the states and peoples of the East and the West – Hellas and Persia during the late Archaic Greece (from the mid-6th century BC) and throughout the whole classical age of the Greek history. E. Rung focused on the official and nonofficial contacts of ancient Greek city-states with their eastern neighbours. The scholar elaborated a conception of the development of the Greek-Persian relations in the 6th – 4th centuries BC, highlighting not the military confrontation but the diplomatic relations of the Hellenic poleis with the Persian Empire and analysing the most important Greek and Persian treaties concluded in the 5th – 4th centuries BC: the Peace of Callias, Epilycus' Peace, Antalcidas' (The King's) Peace. E. Rung examined the Greeks' perception of the Persians as Medians, the phenomenon of the Greek Medism and the opposition to Medism – the important issues that at the turn of the 21st century were under the close scrutiny in the world Antiquity and Oriental science. E. Rung analysed the 'Persian factor' in the Greek ideology and politics and the issues of 'diplomacy of gold', examined the contentious issue of the Persians' claims to land and water as symbols of the Achaemenid imperialism and submission, did research in the Persian political propaganda in the Hellenic world and other aspects of Greek-Persian relations throughout the two-hundred-year-old history. The main conclusion the scholar arrived at in his doctoral thesis is as follows: «the diplomatic rapprochement of the Greek

world and Persia was inevitable. It was conditioned by the very fact of two-hundred-year-old natural neighbourhood of the Greeks and the Achaemenid Empire. Both the Greeks and the Persian King and satraps were mutually interested in such contacts, as is evidenced by a rather intensive exchange of diplomatic missions from the 6th to mid-4th centuries BC» (cited from Eduard Rung's book «Greece and the Achaemenid Empire...», St. Petersburg, 2008, p. 410). E. Rung frequently reiterated that it was wrong to consider the history of Greek and Persian relations exclusively from a viewpoint of confrontation between the Greeks and the Persians, as a constant struggle between Western liberty and Eastern despotism. Actually, it was not so since there would come periods of peace when diplomatic and other contacts between Greece and Persia were maintained. For over two centuries, the topical issue of the attitude to Persia was «constantly on the agenda», and only «Alexander of Macedon's campaign brought about the fall of the Achaemenid Empire and drew a line under the two-hundred-year-old history of the Greek-Persian relations» (ibidem, p. 415). E. Rung's contribution to the research into Hellas and ancient Orient is significant. His works will be studied, and Hellenists to come are sure to consider his conclusions – weigh them, revise them, argue with them.

E. Rung is the author of two books and chapters in several collective monographs. In 2008, the Publishing House at the Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University, produced in the «Historical Library» series his big work «Greece and the Achaemenid Empire: The history of diplomatic relations in the 6th – 4th centuries BC», which was edited by Prof. A.D. Frolov and dedicated to A.S. Shofman and V.D. Zhigunin, his mentors in Kazan University. The author had been at work on it when preparing for the completion of his doctoral thesis, which is almost identical to the 2008 book. A year later, the Kazan University Publishing House released E. Rung's little book «The Greek-Persian relations: politics, ideology, and propaganda» (Kazan, 2009) devoted to the relations between Hellenic poleis and their mighty eastern neighbour, which were developing throughout the history of the Persian Empire – from Cyrus the Great to the time of Alexander of Macedon's conquest. E. Rung focused on the evolution of the Hellenes' perception of the Persians. In his late years, he was working on the monograph devoted to the structure of the Achaemenid Empire, its ideology and propaganda the Persian kings engaged in, but he did not live long enough to complete it. The last time, in Moscow on 1st February 2025, when Maxim Kholod (Petersburg's antiquity researcher) and I visited Eduard, already failing, he spoke about his new book which he was trying to complete: «I have written over two-thirds and there is little left to finish. I wish I had enough time».

From the late 1990s, Eduard Rung had a lot published in Russian journals and collections, his articles came out in «Vestnik drevnej istorii» (*Journal of Ancient History*, Moscow), Petersburg's annual «Mnemon» (*Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World*), Saratov almanac «Antichnyj mir i arkheologija» (*Ancient World and Archaeology*), in «Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta» (*Proceedings of Kazan University*) and «Vestnik SPbGU» (*Vestnik of Saint Petersburg University*), «Voprosy epigrafiki», Nizhny Novgorod collection «Iz istorii antichnogo obshchestva» (*From the History of Ancient Society*), the Volga Almanac «Antiquitas aeterna» and Magnitogorsk journal «Problemy istorii, filologii, kul'tury» (*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*), Moscow editions «Studia historica», «Vostok (Oriens)», «Dialog so vremenem: Al'mahakh intellektual'noj istorii» (*Dialogue with Time: Intellectual History Review*) and others. In 2020, the Moscow historical and philological journal «Aristej» (*Aristeas: Philologia classica et historia antiqua*, XXI. pp. 139–155) published Eduard Rung's article (co-authored by Oleg Gabelko) «Byzantion and Calchedon during the Scythian expedition of Darius I». It developed their interpretation of a fragment of the ancient Persian cuneiform inscription found in Phanagoreia in 2016, which may shed light on the Scythian campaign waged by the Persian King Darius I and his relations with Byzantion and other Hellenic poleis in the Thracian Bosphorus (see on this topic their previous publications: Rung E., Gabelko O. The Scythian Expedition of Darius I and the Old-Persian Inscription from Phanagoreia. *Vestnik drevnej istorii*, 2018, 78/4, pp. 847–869; Rung E., Gabelko O. From Bosphorus... to Bosphorus: A New Interpretation and Historical Context of the Old Persian Inscription from Phanagoreia. *Iranica antiqua*, 2019, LIV, pp. 83–125).

A score of E. Rung's works were published in foreign Antiquity and Orient journals: in German – *Klio: Beiträge zur Alten Geschichte*, French – *Ktèma: civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques*, Belgian – *Iranica antiqua*, English – *The Classical Review*, as well as in electronic editions *Studia Antiqua et Archaeologica*, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, *Journal of the American Oriental Society*, *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*, *Revista San Gregorio* and others. Eduard Rung's papers were published by the Polish annual *Anabasis: Studia classica et orientalia* (2013, vol. 4) features his article «The Mission of Philiscus to Greece in 369/8 BC». As the author notes, «An earlier version of this paper was read at the conference 'Xenophon: ethical principle and historical enquiry' (Liverpool 2009)». It examined one of the non-official diplomatic undertakings that were regular in Persia's foreign policy following the Greek-Persian war. Philiscus of Abydos was the key agent in the Greco-Persian relations and played a significant role in communications between the Great King of Persia, satrap Ariobarzanes, and the Greeks. The Philiscus'

mission it was the first unsuccessful Persian diplomatic enterprise for some last decades (at least since the Peace of Antalcidas in 387/386 BC) (ibidem, p. 36, 47–48). In *Anabasis* vol. 9 (2018) contained E. Rung's article (co-authored by Alexandr Sapogov) «The Aftermath of the Peace of Callias», which examines the historiography surrounding Greco-Persian relations in the aftermath of the Peace of Callias (449 BC), highlighting a shift from military conflict to diplomatic interaction. The paper reviewed John Hyland's book «Persian Interventions: The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450–386 BCE» (Baltimore, 2018). With some reservations, the authors regard J. Hyland's book as an «outstanding work, suggesting some reflections on how ideological doctrines exerted a direct influence on foreign policy and international relations» and conclude that «The book is a significant contribution to the historiography of Greco-Persian relations» (ibidem, p. 234).

Starting from the early 2000s, E. Rung's works were published in American and European collections of papers and collective monographs: «Xenophon, the Oxyrhynchus Historian and the Mission of Timocrates to Greece» (*Xenophon and His World*, Stuttgart, 2004), «War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century BC» (*War and Peace in Ancient and Medieval History*, Cambridge, 2008), «Herodotus and Greek Medism» (*Ruthenia Classica Aetatis Novae*, Stuttgart, 2013), «The End of the Lydian Kingdom and the Lydians after Croesus» (*Political Memory in and after the Persian Empire*, Atlanta, 2015), «The Burning of Greek Temples by the Persians and Greek War-Propaganda» (*The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome*, Leiden/Boston, 2016), «Athens, Alexander and the family of Memnon of Rhodes: Some notes on a new interpretation of so-called 'Memnon's decree'» (*Alexander the Great and the East: History, Art, Tradition*, Wiesbaden, 2016) and the chapter «War and Ideology in Achaemenid Persia» published at the end of the last year in the collective monograph *Brill's Companion to War in the Ancient Iranian Empires* (Leiden/Boston, 2024). E. Rung cooperated with Prof. John O. Hyland, one of the editors of this volume in the «Brill» series, and, as far as I know, they were planning to continue their cooperation.

E. Rung was a compiler and editor of several academic editions at Kazan University; co-authored by his colleagues, he compiled collections and collective monographs *Iran and the Classical World: Political, Cultural and Economic Contacts of Two Civilizations* (2011), *Patriotism and Collaborationism in the World History* (2015), *IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC to the Sixth Century AD* (2017), *The Antiquity heritage in the later ages: reception of transformation?* (2018). The book *IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World...* contains, apart from the foreword and an

introduction «Iran and the Classical World: a thousand years of interaction» (co-authored by three co-editors of the volume Oleg Gabelko, Alexandr Sinitsyn and Evgeny Smykov) and two articles/chapters (one co-authored), translations of six articles written by his European colleagues (Arthur P. Keaveney, Robert Rollinger and Wouter F. M. Henkelman, Marek J. Olbrycht, Krzysztof D. Nawotka, Luis Ballesteros Pastor, Josef Wiesehöfer). In most respects, Eduard Rung deserves credit for the accomplishment of the edition of this grand collective monograph that brought together two dozen national and foreign researchers, and I am sure that this Iran-Antiquity volume will serve as E. Rung's towering achievement in the history of our scholarship.

In 1999, E. Rung took part in the conference on «Xenophon and His World» held in Liverpool, Great Britain and organized by Prof. Christopher Tuplin at Liverpool University. It was the first foreign academic conference, the young scholar participated in. He read a report on «Xenophon, the Oxyrhynchus Historian and the Mission of Timocrates to Greece», later the article on the same topic appeared in the collective monograph compiled and edited by Chr. Tuplin. St. Petersburg's «Mnemon» published E. Rung's article entitled «Matters of Ancient History in the works by Christopher Tuplin» (*Mnemon*, 2004, Iss. 3, pp. 465–474). E. Rung was on friendly terms with Chr. Tuplin for many years and in 2017 he invited his Liverpoolian colleague to the Conference «The Greeks, Romans and Barbarians: similarities and differences» held at Kazan University. On 15th May 2017, at the «Ancient Monday» seminar, Prof. Chr. Tuplin made a report «The King and the God in Achaemenid Iran», and on 17th May 2017, he made a public speech «New approaches and discoveries in the studies of Roman Britain». Christopher Tuplin made a great contribution to the compilation of the collective monograph *IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC to the Sixth Century AD* (consulted on some topics and assisted in revising the English text of the monograph). In 2020, the *Journal of the American Oriental Society* (vol. 140, Iss. 4, pp. 986–988) published E. Rung and Chr. Tuplin's review on Lydia and the Lydians (Rev.: Payne A., Wintjes J. *Lords of Asia Minor: An Introduction to the Lydians*. Wiesbaden, 2016).

In the 2000s onward, E. Rung was in touch with many foreign colleagues. He took part in conferences held in England (London, Oxford, and Liverpool), Germany (Berlin, Kiel, and Halle), Poland (Wroclaw, Gdansk), Iran (Persepolis, Shiraz), Iraq, Hungary, Turkey, France, the Netherlands, Greece, the USA, China, and Mexico. In 2007, he made a speech at the XIII International Congress on the Greek and Latin epigraphy at Oxford (Great Britain). In the summer of 2006, E. Rung did an internship at Martin Luther University

at Halle-Wittenberg (Germany) where he delivered an open lecture at the seminar of Ancient History, at the Department of Ancient History, the Institute of Classic Antiquities. In July-August 2014, as a DAAD grant-aided scholar, E. Rung spent two months at the Christian Albrecht University at Kiel (Germany), and at the end of August 2014 he took part in 14th International Congress of The International Federation of The Societies of Classical Studies Université Bordeaux-3 Montaigne, where, at the section «Ancient empires and imperialism», he made a speech «The Achaemenid imperial diplomacy toward the Greeks: the importance of land and water».

Eduard Rung was a regular participant of almost all annual and thematic, conferences and seminars both in the capital and in provincial towns in Russia. We met at different times at academic meetings in Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Saratov, and Yaroslavl. In May 2021, on my invitation, E. Rung took part in the conference held at the Russian Christian Academy for the Humanities in St. Petersburg to commemorate Prof. E.A. Chiglintsev.

And how interesting and memorable were the conferences held in the 2000s and 2010s by Kazan colleagues-antiquity researchers! Eduard Rung was one of the organizers of academic events at Kazan University; together with his colleagues he held dozens of first-rate conferences on the history and culture of the Ancient World: «Antiquity Heritage in inter-disciplinary context of the contemporary humanitarian knowledge» (October 2006); «Politics, ideology, historical accounts in the Roman-Hellenistic world: proceedings of the international scholarly conference to mark the centenary of the birth of Prof. Frank William Walbank» (December 2009); «Iran and the Classical World: Political, Cultural and Economic Contacts of Two Civilizations» (September 2011); «Patriotism and collaborationism in the world history» (October 2015); «Antiquity and Modernity: history and interpretations» (December 2016); «The Hellenes, Greeks, Barbarians: similarities and differences» (May 2017); Russian-German International Scientific and Educational Symposium «Heritage of Antiquity and Consequent Epochs: Reception or Transformation?» (October 2018), «Alexander and Alexandras in the Hellenistic East» (November 2019) and others. Among the participants was Robin James Lane Fox, professor at Oxford University (Great Britain), the author of the monograph «Alexander the Great» (1973), who acted as a historical consultant and participant at the shooting Oliver Stone's famous film «Alexander» (2004). Eduard Rung and his colleagues succeeded in bringing together outstanding foreign classics: Pierre Briant (Paris, France), Christopher Tuplin, Andreas Mehl (Halle, Germany), Marek J. Olbrycht (Rzeszow, Poland), Arthur P. Keaveney (Canterbury, UK), Krzysztof D. Nawotka (Wrocław, Poland) and

others. All Kazan conferences which I attended at different times (the first, in 2001, to mark the 35th Anniversary of «Ancient Monday») were large-scale, important and unforgettable. Indeed, they were world-class!

Half of E. Rung's life was spent at Kazan University: at first as a student and post graduate student, then as a teacher and the Head of the Department. In 2006–2023, in Kazan University he gave a course of lectures on «The History of Ancient Orient», «The History of the Ancient World», «Languages and Writing of the Ancient Orient», «Ancient Languages and Cultures», «The History of the Primitive Society» and others; he did electives «The Greeks and Eastern Monarchies in the Pre-Hellenic time», «The Polis and the Empire in Ancient Greece and the Hellenic World», «Hellenism as a synthesis in economics, politics, culture of the East and the West», «Empire in Ancient Anterior Asia», «Symbols of Power in the World History: Institutions and Rituals», et al.; he did classes on Ancient Greek, Latin, Akkadian and Ancient Persian. He wrote many articles co-authored by Kazan colleagues: E.A. Chiglinsky, I.V. Vostrikov, O.L. Gabelko, V.P. Orlov, N.A. Shadrina, E.A. Venedictova and others. Also, he produced several textbooks: «The History of the Ancient World» (2016); «Institutions of Power in the History of the East and the West: Symbols and Rituals. – The Symbols and the Rituals of Power in the Ancient World and the Early Middle Ages» (2018); «The History of Writing (the writing system of the Ancient World)»; «The History of Antiquity» (2023); and «Ancient languages and Cultures» (Kazan University Publishing House, 2024).

In 2018, he was named for the professorship. From 2019 to 2023, he headed the Department of the World History at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies at Kazan (Volga) Federal University. Under his supervision, five persons working along the same lines defended their Ph.D. theses. Following the death of E.A. Chiglintsev, E. Rung was in charge of the student seminar «Ancient Monday» (2021–2023), the A.S. Shofman academic club which he joined as a freshman at 17 and was an active participant for over thirty years.

On various occasions, I heard Eduard Rung's reports and twice I attended his classes at Kazan University. His lectures were informative and exciting. He was a colourful character.

In mid-2023, Eduard Rung made a great shift: leaving Kazan University and his post as a Department Head, his home and his native town, he moved to Moscow. When we met in October 2023, during the «Zhebelevskie chteniya» («Zhebelev Readings») at St. Petersburg University, Eduard spoke about the changes, his personal twists and turns and his moving to Moscow inspired by his friend who had left Kazan some time before. E. Rung lived in

a rented flat together with his son, Alexander. He showed much enthusiasm for his work at the Department of the History of the Ancient World, at the Institute of Oriental Cultures and Antiquity at the Russian State University for the Humanities, he enjoyed his life. He thought that a new stage in life had begun. Yet, he had never severed his ties with Kazan colleagues and his Kazan University.

In spring 2025, the Rungs sold their flat and that of Eduard's parents and bought their own apartment in Moscow. Alas, did not live long enough to enjoy it. At the end of May he felt bad and was taken to hospital, where he died on 3rd June. His illness had been serious and long. Back in 2021, Eduard was diagnosed with cancer and in the spring of the same year underwent the first operation. After that, he seemed to have got back to normal, but not for long; there were disease recurrences, and from August 2024, his health started failing, but he was determined to fight his disease. During his last academic year he did his classes online since he found it hard to move around. His wife, Elena, took great care of him, bravely facing all the hardships of his last months. As she said, he died on the eve of their silver wedding.

Only two years had he lived in Moscow, half a century was spent in Kazan where he had left a mark in the history of Kazan University (and my opinion is from the outside since only his Kazan colleagues can appreciate his contribution). My congratulatory sketch devoted to the 50th anniversary of his birth I entitled «Semi-centenary Anniversary of the Kazan antiquity researcher, Eduard Valerievich Rung» (published in the journal *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences*, 2022, vol. 3, iss. 4, pp. 185–189). Surely, for me and many of his colleagues, Eduard Rung remains a Kazan historian, disciple of the Kazan School of Ancient Studies, bearer of its best traditions.

In 2017, E. Rung together with his colleagues from the Department at Kazan University was in Greece for the first time, where he visited the museums and the archaeological monuments in Athens, and ancient Corinth and Mycenae. He also was in Iran and other eastern countries. I remember his exciting story about his trip to Iran where he managed to see with his own eyes many proverbial monuments of the ancient East, especially, the ruins of Persepolis, the capital of the Empire founded in the 6th century BC by King Darius I of the Achaemenid Empire.

Eduard could feel historical antiquity. He was lucky since he had spent all his life engaged in his favourite occupation. E. Rung was one of the most well-known experts in Russian Antiquity and Oriental studies, an uncontested authority in Greek-Persian relations, the history of Hellas and Persia,

late Archaic age and the Classical period; it is not an exaggeration to say that he was a professional of international standard.

E. Rung was in love with the Orient, and not only ancient, and not as the subject of his academic concerns. In his research into Greek-Persian relations his views, with years, were getting more and more «orientalised». In the last decade he approached the ancient history *par excellence* from the Persian position. He published (co-authored by Evgeny Chiglintsev) several articles on the Persian King, Cyrus the Great, in the context of the world history, on Darius I and Xerxes in ancient Persian texts and in the works of ancient authors, he wrote about nicknames of Persian kings, on Greek-Persian wars *sub specia Persiae*; he produced a wonderful sketch of the 'Achaemenid world' as a historiographic construct and the imperial ideology of the Achaemenids, based on the ideology of cooperation of the Persian with the conquered peoples. His 2023 paper in the electronic academic journal *History* (vol. 14, iss. 2) reviews not only the conceptions regarding *Pax Achaemenidica*, but also matters of the attitude assumed by the Persians toward other peoples and vice-versa – that is, how the peoples under the Empire's control and its neighbours perceived the Persians, also, the perception of the imperial political space under the first Achaemenides.

I will note again that contrary to many antiquity researchers whose views, so to speak, were Hellas-centric, even Athens-centric, Eduard Rung positioned himself (especially in his last years) as a historian who specialized in the history of Ancient Persia. It was how he understood his place in scholarship and from the 2000s onwards his research was along these lines. He studied the cuneiform, learned the Ancient Persian language and taught it. After the death of an outstanding Soviet-Russian Iranist, academician Muhammad Abdulkadyrovich Dandamaev (1928–2017) Rung was the only Russian expert in the history of the Achaemenid Empire. Eduard was fully aware of that, and he was right. E. Rung (with his co-author) commemorated M.A. Dandamaev with the article «Byzantion and Calchedon during the Scythian expedition of Darius I» (see above).

I had known Eduard for over a quarter of a century. We made acquaintance by phone. In the mid-autumn of 1998, I was to give copies of my thesis on the notion of *fate-tyche* in Thucydides to external examiners and the leading organization for an assessment. My academic supervisor, Vladimir Kashcheev, chose the Department of the World History at Kazan University, and Vladimir Zhigunin was appointed external examiner. We did not have electronic mail yet, so everything was done in the old way, that is, by hand. I took

copies of my thesis to Moscow and Nizhny Novgorod myself, and to Kazan via a porter of the passenger train. Eduard was the person whom I called asking him to collect the copy. Together with my thesis, I sent them several copies of my thesis abstract for the Kazan colleagues. E. Rung, who had defended his thesis a year earlier and held a Ph.D. in history, wrote and sent me his assessment of my thesis abstract. We met several months later, at the end of 1999 in Moscow, at the «Sergeev Readings» at Moscow State University. Immediately, we dropped formalities. From that time, we met frequently at various meetings for Antiquity studies held at different Russian Universities. During the 2000s and 2010s, at E. Rung's request, I wrote reports on several theses written by young Kazan colleagues.

Our themes related to the Greek history of the Classical period overlapped. In his last years, Eduard would consider the issues of the reception of the Antiquity in the cinema (probably not without the influence of his senior colleague, Prof. E.A. Chilintsev), which was close to what interested me. In 2021, I urged him to elaborate a report for the conference on the Antiquity in the cinema, which was held at the Russian Christian Academy for the Humanities, and he made an interesting speech on the new Kazakh film *Tomiris* (2019).

We were preparing the collective monograph *IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC to the Sixth Century AD*; together with external examiners of A.S. Sapogov's Ph.D. thesis *The image of the Achaeminid kings' power in Xenophon*, which he defended at the end of 2017 at Saratov University. At the same time, we took part in the conference to commemorate Prof. V.G. Borukhovich. Eduard stayed at my parents' place in the town of Engels. I remember the gatherings of historians and philosophers in December 2017, when we visited our friend, philosopher Michael Bogatov. At table, we talked, argued, sang songs, drank toasts, but then the talk turned to Russian and foreign poetry on antiquity. And everyone took turns reciting poems: Alexander Pushkin, R.-M. Rilke, Nikolay Gumilev, I. Brodsky.... Eduard Rung declaimed a rather long poem by Giacomo Leopardi, he did it with deep feeling.

I remember well Eduard's stories about his paternal grandfather, who was originally from the town of Marx (Saratov Region; founded in the 18th century as Katharinenstadt, from the 1920s to 1942 renamed Marxstadt), – at one time the town was even an administrative centre of the autonomous region of the Volga Germans. I was also born in Marx on Volga, and when in 1999, our first meeting, I told about it to Eduard, he said that he had long wanted to visit the native town of his forefathers. He frequently mentioned it later. It seemed that nothing was impossible. The town of Engels, where I

lived, it is only 45 km away, less than an hour by car. Yet, before I moved to St. Petersburg, Eduard had never found time to come to visit us so that I could take him to Marx. His first visit to Saratov was only in 2017, only for three days, and he was busy otherwise. As I have already mentioned, Eduard and I had been invited as external examiners. There was another chance, when we took part in the conference «Antiquitas iuventae» held at Saratov University. Again, we could not find time since our schedule was fully packed. Alas, we never made it.

I remember Eduard when he was in his late twenties (same as I, Eduard was 11 months my junior), he was young and slender, with time he put on weight and in his forties he looked like a big teddy bear, and not only in appearance, Eduard was kind, soft, radiating tranquillity and friendliness. He was good-natured, open-minded and easy, some people thought he was too soft and even a bit odd. As one of our friends once said, «His behaviour is other-worldly, but it only makes him more charming». For me and for all others who knew Eduard Ring, he will always remain a radiant personality. Eduard would always listen to people, sympathize with them and share his troubles and joys with his nearest and dearest. Our talks took us a long time to share all the news. He was eager to speak about his scholarly concerns and discoveries.

As an Italian poet, Giacomo Leopardi put it, «Our life in its diversity abides by the laws of heavens». Eduard died early, when everything seems to have started... Of course, as a scholar and teacher, Prof. E.V. Rung had achieved a lot, but there seemed to be left so much to do. He had had a lot of ideas to implement and plans to carry out – His book on the Achaemenid Empire, and our mutual work on the Herodotus stories in the cinema, and his wish to visit the «land of his forefathers» in Saratov Region...

Eduard Rung's death is a grievous loss for his nearest and dearest, his friends and colleagues, a great loss for scholarship. Yet, there will remain his works, and the memory of a personality and scholar.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Москва
- АМА – Античный мир и археология. Саратов
- БФ – Боспорский феномен. СПб.
- ГА СО – Государственный архив Саратовской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- Вест. МГУ – Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М.
- Вест. ННГУ – Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород
- Вест. РХГА – Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб.
- ВХУ – Вестник Харьковского университета. Харьков
- ГИМ – Государственный исторический музей. М.
- ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.
- НОЦ – Научно-образовательный центр
- ИИАО – Из истории античного общества. Н. Новгород
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры. СПб.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение института истории Академии наук СССР. Л.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск
- РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб.
- РХГА – Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского. СПб.
- СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия

- СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
- AAL – Annual of Armenian Linguistics. Cleveland
- AIS – Armenian and Iranian Studies. Harvard Armenian Texts and Studies. Cambridge, MA.
- ANRW – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / H. Temporini, W. Haase (Hrsg.). Berlin; New York
- BAI – Bulletin of the Asia Institute. Bloomfield Hills
- BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
- CIQ – Classical Quarterly. Oxford
- DDD – Dictionary of Deities and Demons in the Bible / K. van der Toorn, B. Becking, P.W. van der Horst (eds.). Leiden; Boston; Köln, 1995
- HThR – Harvard Theological Review. Cambridge, MA.
- I&C – Iran & the Caucasus. Leiden; Boston; Köln
- JSAS – Journal of the Society for Armenian Studies
- NAASR – National Association for Armenian Studies and Research. Belmont, MA.
- RE – Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (Hrsg.). Stuttgart, 1894–1980
- TAPhA – Transactions of the American Philological Association. Atlanta

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 31

Под редакцией *А.В. Гладышева, А.А. Синицына*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*

Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, С.Н. Берднов*

Подписано в печать 30.12.2025. Формат 60x84^{1/16}

Усл. печ. л. 11,8. Тираж 300 экз. Заказ №

Типография «Техно-Декор».
410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 77-08-48
e.mail: t-d@list.ru

ISSN 2218-5488

